

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 4(31) 2018

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 4(31) 2018

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70532 от 25.07.2017.

Журнал выходит четыре раза в год.

Ранее журнал издавался под названием «Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация».

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – С.А. Скуридина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Л.М. Кольцова – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия.

Технический редактор – Т.Ю. Кудрявцева.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес издателя: 394026, г. Воронеж, Московский проспект, 14.

Фактический адрес издателя: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473) 271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2018

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal is published four times a year.

The journal was published as “Scientific newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and cross-cultural communication”.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors’ point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – N.N. Lapykina, PhD in philology

Executive secretary – S.A. Skuridina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

L.M. Koltsova – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **N.V. Tsymbalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia.

Technical editor – T.J. Kudryavtseva.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «VoronezhStateTechnicalUniversity».

Legislative address of the publisher: 394026, Voronezh, Moskovsky avenue, 14.

Factual address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора.....	8
<i>Лингвистика</i>	
Ковалев Г.Ф. К пониманию автобиографизма в литературной ономастике.....	10
Логачева А.А. Сложносочиненные предложения в языке прозы и языке поэзии: сопоставительный анализ (на примере произведений А.С. Пушкина).....	19
Недоступова Л.В., Бажанова А.А. Характерные признаки речи жительницы села Берёзово Воронежской области (словообразовательный аспект).....	26
Подолова О.В. Именные терминологические словосочетания в системе экономической терминологии.....	32
<i>Методика преподавания языков</i>	
Кожевникова Л.П., Репина Т.Ю. Семантический подход к преподаванию предложных конструкций пространства и местоположения в русском языке англоязычным учащимся.....	41
Пантыкина Н.И. Мотивация к творчеству в англоязычном классе.....	48
Цыганенко В.В. Методика составления реферата-обзора при обучении иностранных студентов русскому языку на старших курсах.....	53
<i>Аспекты изучения художественного текста</i>	
Белова А.В. Письма Александра Чехова в контексте исследования личности писателя.....	58
Безверхая И.В. Лингвостилистические особенности новеллы Ф. Кафки «Преображение».....	64
<i>Межкультурная коммуникация</i>	
Колесник Т.И. Особенности функционирования личных имен в немецкой интернет-коммуникации: лексико-семантический аспект.....	72
<i>Концептология</i>	
Ковалева Л.В. Особенности фразеологических концептов.....	80

Журналистика в историко-теоретическом аспекте

Скуридина С.А., Шашурина Е.В. Fashion-фотография как жанр модной журналистики..... 85

Язык СМИ

Юрьева Е.В. Особенности реализации модальности в слоганах социальной рекламы..... 92

Правила оформления статей..... 101

CONTENTS

Kovaleva L.V. Opening remarks of the chief editor	8
<i>Linguistics</i>	
Kovalyev G.F. To the understanding of autobiographism in literary onomastics.....	10
Logacheva A.A. Different compositions in language of prose and language of poetry: comparative analysis (on the example of A.S.Pushkin's works).....	19
Nedostupova L.V., Bazhanova A.A. Special language features in the speech of the resident's of Berezovo village, Voronezh region (word-bulding aspect).....	26
Podolina O.V. Nominative terminological word combinations in the system of economical terminology.....	32
<i>Methods of teaching languages</i>	
Kozhevnikova L.P., Repina T.Y. Semantic approach to the teaching English-speakers Russian prepositional constructions of space and location	41
Pantykina N.I. Motivating to creativity in the English language classroom.....	48
Tsyganenko V.V. The methods of making a review in the process of teaching foreign students Russian language at senior courses.....	53
<i>Literary text: aspects of study</i>	
Belova A.V. Alexander Chekhov's letters in context of researching of the writer's identity.....	58
Bezverkhaya I.V. Lingvistic and stilistic analysis of F. Kafka's novell «The Metamorphois».....	64
<i>Intercultural communication</i>	
Kolesnik T.I. Peculiarities of functioning of personal names in German internet communication: lexical and semantic aspect.....	72
<i>Concept studies</i>	
Kovaleva L.V. Specific features of phraseological concepts.....	80
<i>Journalism in historical and theoretical aspect</i>	
Skuridina S.A., Shashurina E.V. Fashion photography as a genre of journalism.....	85

Language of mass media

Yuryeva E.V. Features of realization of modality in social advertising slogans.....	92
Layout of the articles.....	101

Вступительное слово главного редактора

Представляем вашему вниманию тридцать первый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики», который подготовлен к изданию международной редакционной коллегией и является преемником серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Выпуск содержит исследования, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из семи разделов: I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Межкультурная коммуникация», V – «Концептология», VI – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VII – «Язык СМИ».

Авторами научных статей выпуска являются доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов) и работы студентов, выполненные в соавторстве с научными руководителями. В выпуске содержится 13 научных работ.

В раздел «Лингвистика» входят исследования в области отечественного и зарубежного языкознания (ономастика – Г.Ф. Ковалев, синтаксис – А.А. Логачева, диалектология – Л.В. Недоступова и А.А. Бажанова и др.).

Второй раздел – «Методика преподавания языков» – содержит методические рекомендации по обучению иностранных и русских учащихся (Л.П. Кожевникова, Т.Ю. Власова, Н.И. Пантыкина, В.В. Цыганенко).

В раздел «Аспекты изучения художественного текста» включены статьи, посвященные выражению авторского самосознания в текстах эпистолярного жанра (А.В. Белова) и лингвостилистическим особенностям немецкоязычного издания новеллы Ф.Кафки «Превращение».

Раздел «Межкультурная коммуникация» представлен статьей, посвященной исследованию немецкой интернет-коммуникации (Т.И. Колесник).

Пятый раздел – «Концептология» – посвящен особенностям фразеологических концептов (Л.В. Ковалева).

В шестой и седьмой разделы – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» и «Язык СМИ» – входят статьи, посвященные fashion-фотографии (С.А. Скуридина, Е.В. Шашурина) и социальной рекламе (Е.В. Юрьева).

Содержащиеся в выпуске 4 (31) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, концептологии, изучения языка художественных текстов и СМИ.

Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации ВГТУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811. 161. 1'282. 2 (470324)

*Воронежский государственный
университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры славянской филологии
Ковалев Г.Ф.
Россия, г. Воронеж, тел. 8(473) 2208497
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

*VoronezhStateUniversity
The chair of Slavonic Philology,
Doctor of Philology,
full professor
Kovalyov G.F.
Russia, Voronezh, tel. 8(473) 2208497
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

Г.Ф. Ковалев

К ПОНИМАНИЮ АВТОБИОГРАФИЗМА В ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКЕ

Статья посвящена проблеме изучения литературной ономастики с позиций автобиографизма. Обычно задается вопрос: что же такое биографизм или автобиографизм, если писатели-современники читали почти одни и те же книги и одни и те же газеты? Однако, что очень важно, каждый талантливый автор воспринимает такую информацию индивидуально, выделяя для себя из, казалось бы, общего для всех текста свои подтексты, своеобразно осмысляя и зачастую основательно преобразуя их. Всё это и становится тем черновым материалом, откуда выходят потом знаменитые писательские идеи, образы или чисто лирические описания. В статье обращено особое внимание на различное мнение писателей относительно автобиографического материала в их творчестве. Информацию автобиографического плана можно почерпнуть из черновых материалов, из частной переписки, из воспоминаний. Автором работы рассмотрены также мемуарные заметки современников известных писателей, мнения исследователей как литературоведческого, так и лингвистического направлений. Автор статьи полагает, что любое художественное творчество можно рассматривать с позиций автобиографических включений. Биография писателя, несомненно, накладывает отпечаток на все его творчество, что и составляет суть автобиографизма писательской ономастики. Тем не менее, следует избегать «вульгарного биографизма», который представляет художественный текст как простое «воспроизведение ситуации, из которой оно возникло» (Р. Якобсон). В работе представлены наблюдения, касающиеся творческой лаборатории как писателей-классиков (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.А. Гончаров, И.А. Бунин, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский и др.), так и некоторых современных авторов (С. Довлатов, В. Драгунский, В. Токарева и др.).

Ключевые слова: литературная ономастика, имя собственное, автобиографизм, прототип, понимание автобиографизма.

G.F. Kovalyev

TO THE UNDERSTANDING OF AUTOBIOGRAPHISM IN LITERARY ONOMASTICS

The article is devoted to the study of literary onomastics from the standpoint of autobiography. Usually the question is asked: what does biographism or autobiographism mean if the contemporary writers read almost the same books and the same newspapers? However, it is very important that each talented author perceives the information individually, selecting from a common text its subtexts, reflecting on them in a specific way and often transforming them thoroughly. This all then becomes the rough material the famous writers' ideas, images

or purely lyrical descriptions are 'made' from. The article pays special attention to the different writers' opinions about the question of autobiographism. Such information can be gained from drafts, private correspondence or memoirs. The author also considers the memoirs and notes of the contemporaries of the writers, the opinions of the researchers in the field of literary studies and linguistics as well. The author believes that any creativity can be analyzed from the autobiographical point of view. Undoubtedly, the writer's works are greatly influenced by his biography, which is the essence of autobiographism in literary onomastics. However, it is necessary to avoid 'vulgar biographism' presenting the artistic text as a simple 'copying of the situation it appeared from' (R. Jacobson). In the article we observe the works by classical writers (A.S. Pushkin, M.Y. Lermontov, I.A. Goncharov, I.A. Bunin, L.N. Tolstoy, I.S. Turgenev, F.M. Dostoevsky etc.) and several modern authors (S. Dovlatov, V. Dragunsky, V. Tokareva etc.).

Key words: literary onomastics, proper name, autobiographism, prototype, understanding of autobiographism.

«... лучшая иллюстрация к произведениям
автора – его жизнь» (А.И. Герцен)

То, что биография писателя с необходимостью накладывает отпечаток на все его творчество, не вызывает никаких сомнений. Собственно, это и составляет суть автобиографизма писательской ономастики. Частным случаем автобиографизма являются мемуары самих писателей и собственно автобиография. Писательских автобиографий в истории отечественной литературы было написано довольно много. Например, самой первой в Древней Руси оказалась автобиография, написанная князем-писателем Владимиром Мономахом.

Поэтому, конечно, хорошо, если есть хоть какие-то документы (не важно, заметки ли это, черновики самого автора или воспоминания других людей, контактировавших с ним), касающиеся того, каковы были планы автора, как он сам понимал тот или иной образ, кто мог послужить прототипом или протономом его персонажа – документальные источники обязательно прольют определенный свет и приоткроют завесу тайн творческой лаборатории автора.

Крайне важна в литературной ономастике и работа с перепиской автора. Здесь открывается возможность документирования ономастических фактов [1; с. 241-245].

Показательно мнение писателя И.А. Гончарова: *«То, что не выросло и не созрело во мне самом, чего я не видел, не наблюдал, чем не жил, – то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунт, как есть своя родина, свой родной воздух, друзья и недруги, свой мир наблюдений, впечатлений и воспоминаний – и я писал только то, что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил, что близко видел и знал, – словом, писал и свою жизнь и то, что к ней прирастало»* [2; с. 112].

Ю.Н. Тынянов прозорливо писал: *«Биография и даже «родословная» у поэтов не только существует, но «вызывается» и даже меняется в итоге смены лирического героя: освещается часть биографии, важная в этом смысле. Так, Лермонтов долго воссоздавал и менял свою генеалогию, переходя от шотландца Лермонта к испанцу Лерме»* [3; с. 142].

Анализ многих терминов и понятий, касающихся биографии и автобиографизма писательского творчества, привел нас к триединой формуле, подсказанной В.С. Листовым, длительно работавшим над творчеством А.С. Пушкина: *«В поле нашего зрения должно попасть самое широкое пограничье между тремя основными стихиями мира Пушкина – творчеством, реальным жизненным путем и автобиографически направленным воображением. Последнее можно было бы назвать «биографией души»* [4; с. 11].

Характерно, что юный Николай Гумилев крайне заинтересовался тюремными записками Оскара Уайльда, в частности, таким фрагментом: *«Мне не нужно напоминать вам, что только выражение своей жизни – для художника высший и единственный способ жить. Мы живем, поскольку воплощаем жизнь в слове»* [5; с. 32].

Говоря о персонажах А.С. Грибоедова, М.О. Гершензон настаивал: «... есть два способа приблизиться к пониманию художественного смысла, руководившего поэтом; прямой путь – это путь непосредственного изучения его образов и творческих средств; но ценные услуги в этом деле может оказать и косвенный путь – ознакомления с той действительностью, которая служила художнику прообразом его создания. Самое малое, что мы можем добыть на этом втором пути – осязательность минувшей жизни, непосредственное погружение в ее быт и психику, – уже большая и притом самостоятельная ценность» [6; с. 4].

Марсель Пруст категорично полагал, что творчество писателя и его же биография – это абсолютно независимые сферы. Однако, анализируя роман М. Пруста «В поисках утраченного времени», Л.Я. Гинзбург отметила, что его создатель смело интерпретирует документально-биографическую основу и активно «деформирует реально-бытовой пласт». Более того, она уточняет, что в романе «не только автопсихологичен рассказчик, но и для каждой черты и детали этого романа, для любых его элементов может быть найден источник в жизненном опыте автора» [7; с. 13].

Писатель С. Есин на возражения М. Пруста о биографизме его произведений писал: «А вот Марсель Пруст всю жизнь описывал своих родных, мать, теток» [8; с. 24]. Это ли не биографизм?

О матери великого писателя И.С. Тургенева и ее характере директор музея-заповедника «Спасское-Лутовиново» Елена Левина справедливо заметила: «Она была сложной, противоречивой натурой, но умным и ярким человеком. По мнению ряда литературоведов, она стала прототипом не только хозяйки Герасима, но и жестокой помещицы Глафиры Ивановны Гагиной в романе «Два поколения». Да и жена Лаврецкого в «Дворянском гнезде», судя по всему, названа в ее честь. При этом художественный язык писателя несет в себе воздействие, своеобразие ментального и речевого строя Варвары Петровны. К примеру, ее мысли, замечания, эпистолярная фразеология нашли отражение в рассказах и очерках «Записок охотника». Вообще в Спасском Тургенев многое переживал – и горечь, и радость. Он говорил, что лучшие годы он провел здесь» [9; с. 5].

Та же Е. Левина отмечает важность родовой усадьбы в творчестве И.С. Тургенева и, соответственно, автобиографизм: «На самом деле многие его произведения – родом отсюда: «Фауст», «Рудин», «Дворянское гнездо», «Новь». Даже находясь далеко от Спасского, Тургенев мысленно возвращался в родные места, вспоминал детство, юность, людей, которые ему были дороги, и тех, к кому сложно относился...» [9; с. 5].

Показательны свидетельства воспоминаний Е.В. Панаевой-Дягилевой о И.С. Тургеневе в Париже: «Он особенно настаивал на том, что природа лишила его всякого воображения, что он никогда не был способен сочинить что-нибудь, что всех лиц, им описанных, он знал лично...»

«Вот Базаров, например...» – и он рассказал встречу с молодым человеком, послужившим ему образцом для Базарова.

Он познакомился с ним в вагоне, едучи из Москвы в Петербург, и всю дорогу побеседовал с ним, увлеченный его умом и крайне заинтересованный новым типом, только что появившимся в нашем быту. Приехавши в Петербург и прощаясь со своим спутником, Иван Сергеевич осведомился об его имени и адресе.

– А на что Вам? – был ответ.

– Желал бы продолжить приятно начатое знакомство.

– А я так совсем этого не желаю.

Иван Сергеевич, предполагая, что молодой человек не знает, с кем имеет дело, назвал себя: «Я Тургенев». – «Знаю, что же из этого?» – отрезал нигилист и удалился, вероятно, торжествуя (это уже мое замечание), что удалось ошеломить «великого человека».

О том, что он, тем не менее, не терял из виду своего спутника и перевоплотил его в Базарова только тогда, когда узнал об его смерти, – Тургенев прибавил в конце рассказа как-то неопределенно и нехотя» [10; с. 122].

Автор многих замечательных произведений, Виктория Токарева писала: «Каждый раз спрашивают: «Вы это взяли из жизни или из головы?» На такой вопрос я хочу ответить, что мои рассказы всегда сочетают и то, и другое. Мне кажется, что иногда то, что было в жизни, интереснее, чем придуманный сюжет. То есть «из жизни» интереснее, чем «из головы» [11; с. 7].

В работах по литературной ономастике следует прислушаться и к словам выдающегося слависта Романа Якобсона: «Нельзя, естественно, впадать ни в вульгарный биографизм, рассматривающий литературное произведение как воспроизведение ситуации, из которой оно возникло, и выводящий из текста произведения то или иное событие, ни в вульгарный автобиографизм, догматически отрицающий любую связь между литературным произведением и жизненной ситуацией» [12, с. 146]. Правда, выдающийся славист, как нам кажется, дав точные дефиниции, все же подобрал в качестве антонимов неудачную пару терминов.

А.Т. Твардовский говорил в письме поэту В.Н. Орлову (13 янв. 1961 г.) о важности такого элемента художественного произведения, как автобиографизм, впрочем, с той позиции, что читатель вряд ли догадывается об этом элементе, упакованном в сугубо индивидуальном образе: «Я смотрел, отдаваясь, на выюжный восток» (нужно знать биографический момент, а то опять же не добраться ни до какого смысла)» [13; с. 159].

А вот к каким размышлениям по поводу автобиографизма пришел А.Т. Твардовский, рецензируя повесть Е. Марьенкова «Записки краскома»: «Бывает, что автобиографическая основа произведения обнаруживает его идейно-художественный диапазон, сводит повествование к частному случаю или цепочке таких случаев, к «послужному списку» данной судьбы, преподнесенному в облегченной для восприятия форме. Но и тогда это хотя бы частное свидетельство привлекает нас – в ряду многих других свидетельств о жизни, ушедшей в прошлое, об исторических событиях, к которым мы не можем быть безразличны. Отсюда, например, все возрастающий читательский интерес к мемуарной литературе.

Но если писатель окидывает этапы своей биографии подлинно художническим оком, распознавая и выявляя в них моменты главные, знаменательные не только с точки зрения личной судьбы, – вовсе, однако, не монтируя факты в желательном для него порядке, а тем более не выдумывая их, но оставляя их как бы в натуральном и даже «случайном» сцеплении, – тогда автобиографическая основа выступает в значительном преимуществе перед иными, пусть самыми искусными построениями «чистой художественности» [14; с. 152]. Удивительно, но лучше об этом и не скажешь!

Интересны мысли, которые высказал С.Д. Довлатов по поводу связи биографии и творчества Ф. Кафки: «Разумеется, Кафка не выдумал для себя такую скромную биографию, но если бы она была иной, то и Кафка был бы совершенно другим явлением – ведь писатель и его биография нерасторжимы. Отсутствие внешних потрясений в личной жизни Франца Кафки с избытком возмещается неослабевающим напряжением «приключений» внутренних» [15; с. 153].

Так что же составляет автобиографизм автора в его творчестве? Да практически всё: все тексты автора порождены его жизнью, его начитанностью, его наблюдательностью.

Первая жена С.Д. Довлатова, Ася Пекуровская, тщательно сопоставила все жизненные ситуации, происходившие в его долитературной и литературной жизни с кругом его близких и знакомых, с его перепиской и с произведениями писателя. Вот к какому выводу она пришла только по одному эпизоду – второй женитьбе Довлатова: «Серёжа сочинил три достоверные версии своей женитьбе на Лене, по числу которых зарегистрировал три документа: «Наши», «Заповедник» и «Чемодан», выполненные в ключе проповедываемого им жанра

псевдодокументализма и составившие серьезную конкуренцию другим достоверным документам, и прежде всего документам, известным под именем четырех Евангелий» [16; с. 219].

Кажется, можно найти общие направления у автобиографизма и хронотопичности. Прав был А.Ф. Одоевский, когда в своих «Психологических заметках» отмечал взаимозависимость эпохи и социума: «Напыщенный XVIII век любил идиллическую поэзию, нежных пастушков и пастушек. Век грубого терроризма гонялся за придворным утонченным волокитством; наш коммерческий век – век расчета и сомнения – требует в литературе кровавых страстей и фанатизма. «Лукреция Боргия» на сцене – и газеты, такие, которые наполняются известиями, например, о том, каким образом однажды поутру банкир Ротшильд, завертывая пакет, засунул куда-то сверток ассигнаций, – эти явления отвечают друг другу, они не могли случиться в разные века» [17; с. 398].

Принято считать, что писатели придумывают имена своим героям. Это отчасти действительно так, однако гораздо чаще писатели лишь выбирают фамилию или имя персонажа из того богатого наследия, что составляет национальную и мировую антропонию.

Нет гарантий, что Ф.М. Достоевский не использовал готовых имен и фамилий, взятых из его будничной жизни и переписки. Если говорить о романе «Идиот», то необходимо напомнить о том, что муж сестры Федора Михайловича – Куманин – владел банком (отсюда деньги перепадали великому писателю), а в банке работал некий Рогожин, а его женой была некая Настасья Филипповна [18; с. 3].

Л.Б. Сукина более подробно изучила связи Ф.М. Достоевского с семейством *Куманиных*. Куманины были старинным переславским купеческим родом. Нам же важен наиболее известный Куманин Алексей Алексеевич: «В Москве он стал купцом первой гильдии, коммерции, дворянином, бургомистром Московского магистрата (1792-1795) и московским городским головой (1811-1813) <...> В 1814 году в семью Куманиных вошла старшая сестра матери Федора Михайловича Достоевского, ставшая женой Александра – среднего сына Алексея Алексеевича. Отец писателя М.А. Достоевский был домашним врачом в семьях Куманиных и их близких.

Федор Михайлович Достоевский с раннего детства стал бывать в фамильном доме Куманиных на Ордынке, а позднее описал его в романе «Идиот» как дом купцов Рогожиных, перенеся место действия в Петербург. Родная тётка писателя стала в романе матерью Парфёна Рогожина. Основой сюжета романа послужила история личной жизни племянника Алексея Куманина – Константина Константиновича. Даже имена героев романа Достоевский позаимствовал из окружения куманинской семьи. Управляющим московской конторы Государственного Коммерческого банка был Е.Г. Рогожин, а его жену звали Настасья Филипповна. Чета Рогожиных была вхожа в дом К.А. Куманина, бывшего директора банка» [19; с. 3].

Не выдумана М.Ю. Лермонтовым и кличка коня *Карагез* в «Герое нашего времени». Это весьма популярное от Египта до Кавказа название кукольного представления с одноименным главным героем (аналогичным русскому Петрушке). Само действо (театр) было, видимо, заимствовано турками-османами после захвата ими в 1453 г. столицы Византии – Константинополя. Поэтому имя *Карагез* тесно связано с греческим *Карагиозис* (*кара* – ‘голова, лицо’ и *агиос* – ‘священный’), в то время как на Кавказе то же имя благодаря народной этимологии ассоциировалось с тюркским *кара* – ‘черный’ и *гез* – ‘глаз’, то есть ‘черноглазый’. Вполне понятно, что этимология со значением ‘черноглазый’ бесперспективна на Кавказе и вообще среди восточных народов, где черные глаза – явление столь же обыденное, как и темный цвет волос. Это лишь деэтимологизация греческого прототипа на тюркской основе.

П.П. Бажов также не придумал себе *Данилу-мастера*, а художественно описал малограмотного горщика *Данилу Зверева* из уральского села Колтыши. А это был мастер, кото-

рому лично император Николай II давал заказы, мастер, с которым консультировались академики А.Е. Ферсман и В.И. Вернадский.

Не смог уйти от своей биографии и писатель Борис Лавренев. На Первую мировую войну он пошел рядовым, получил офицерское звание поручика. В том же звании был и его герой поручик Говоруха-Отрок из «Сорок первого». Он сам писал: «... за полгода взял два солдатских Георгия, офицерские погоны...» (как и герой его рассказа «Марина»).

Интересно, что зачастую авторы стараются уйти как бы от историзма в своих произведениях, то есть оставить как можно меньше исторических, читай: автобиографических помет. Так воспринимается, например, роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Автор постарался изъять из текста ряд исторических подробностей, которые оказались излишними для содержания романа и концепции автора. Поэтому в черновых вариантах мы находим, видимо, актуальные споры:

...о Манюэле,
О карбонарах, о Парни,
Об генерале Жомини.

А это французский политик Жан-Антуан Манюэль (1775-1827), франко-швейцарский генерал на русской службе Генрих Жомини (1779-1889) и, конечно же, известный французский поэт Эварист Дезире де Форж Парни (1753-1814). Однако в окончательном виде сохранилась лишь фраза, которая характеризовала Онегина как человека светского, способного «хранить молчанье в важном споре».

Или ушедшие из окончательного текста романа строки, которые обнаруживались в черновике:

О, страх! О горькое мгновенье
О ... когда твой сын
Упал в сражении, и ты один.
Забыл ты Славу и сраженье (т. VI, с.412).

Долгое время эти стихи так и печатали с пропуском. Юрий Тынянов поставил на месте пропуска фамилию *Строганов*: «Отец и сын, вместе сражающиеся. И горькое мгновенье, которое поразило поэта. О ком, о чем эти стихи? Быть может, это о древних героях, о богатырях? И чужая слава, другой богатырь враждебный? Нет, эти стихи были слишком живы, в них чувствовалась близость временная или пространственная к поэту. Отец и сын были где-то близко».

И, изучая богатырей других – богатырей двенадцатого года, я, наконец, с полной ясностью обнаружил имя, еще пропускавшееся во всех изданиях. Я писал тогда о лицейских годах Пушкина. Имя, которое еще не было разгадано, – это было не-прочтенное имя Строганова» [20].

Действительно, в битве при Краоне был убит 19-летний *Александр Строганов* (ему ядром оторвало голову), сын генерал-адъютанта графа П.А. Строганова

А.С. Пушкин хорошо знал семейство Строгановых. Эти его строки говорили о трагедии П.А. Строганова, который в 1814 г. после известия о гибели сына сложил с себя командование дивизией, а через 3 года скончался. А вся «слава» в этом сражении досталась графу М.С. Воронцову, которого Пушкин по известным причинам не терпел.

И.А. Бунин записал признание Л.Н. Толстого: «В молодости я вел очень дурную жизнь, а два события этой жизни особенно и до сих пор мучают меня... Эти события были: связь с крестьянской женщиной из нашей деревни до моей женитьбы, – на это есть намек в моем рассказе «Дьявол». Второе – это преступление, которое я совершил с горничной Гашей, жившей в доме моей тетки. Она была невинна, я ее соблазнил, ее прогнали, и она погибла», – как Катюша Маслова в «Воскресении» [21, с. 108-109].

Следует сказать и о прототипе Владимира Симонсона в романе «Воскресенье». Н.А. Биличенко предполагал: «По нашему мнению, прототипом Симонсона, вероятно, явля-

ется В.В. Берви-Флеровский, один из деятелей революционного движения 60-70-х годов XIX века, видный русский экономист и социолог» [22, с. 162]. И далее он аргументирует: «Л.Н. Толстой лично встречался с В.В. Берви-Флеровским лишь в юности, в годы учения в Казанском университете» [22, с. 162]. К тому же, как полагает автор статьи, «известно, что Л.Н. Толстому личность В.В. Берви-Флеровского была далеко не безразлична. А.М. Горький в воспоминаниях о Толстом пишет, что при упоминании о В.В. Берви-Флеровском он необыкновенно оживился и со слезами на глазах слушал рассказ Горького о встрече с Флеровским на Кавказе, о том, как Флеровский, высокий, длиннобородый, в парусиновом хитоне, оборонялся зонтиком от расшвиравшего буйвола. Какой интересный! Мне он так представлялся, особенным!» – воскликнул Толстой» [22, с. 163].

Лев Николаевич бывал в Спасском у И.С. Тургенева. Директор музея-заповедника «Спасское-Лутовиново» Е. Левина, пишет о том, как родилась у Л.Н. Толстого творческая идея «Холстомера»: «А однажды, гуляя с Тургеневым по окрестностям, Лев Николаевич увидел старого изможденного коня и тут же стал рассказывать спутнику, что чувствует несчастное животное. Иван Сергеевич спросил: «Когда-нибудь вы были лошадьё?» Из этого эпизода родился рассказ «Холстомер» [9; с. 5].

А.А. Фет вспоминал о возможном протоперсонаже рассказа И.С. Тургенева: «Впоследствии мне постоянно казалось, что «Однодворец Овсянников» списан Тургеневым с явившегося ко всем окрестным помещикам и приносившего в подарок свежего меда из своего пчельника однодворца Ивана Матвеевича Овсянникова» [23; с. 156].

Литературный критик А.М. Скабичевский о прототипе романа И.А. Гончарова писал: «Между прочим, административная служба по департаменту внешней торговли столь иссушила его, что жена его, обладавшая более живым и пылким темпераментом, не в состоянии была ужиться с ним и сбежала от него на Кавказ с одним нигилистом, которого впоследствии Гончаров покарал, изобразивши в своем романе «Обрыв» в образе Марка Волохова. В 1865 году, живя в Парголово, я встретил однажды этого господина у Вл. Майкова, жившего на даче в Мурине, и мы гарцовали с ним даже верхами на чухонских лошадях. Он, как раз в то время, ухаживал за г-жею Майковой и показался мне очень симпатичным молодым человеком, не имевшим ничего общего с карикатурным героем романа Гончарова» [24; с. 114].

О писателе Глебе Ивановиче Успенском А.М. Скабичевский вспоминал: «Так, однажды, когда все находились в летнем разъезде, он пригласил на свои именины меня и нашего метранпажа Чижова. Он проживал в то лето с семьею не на своей дачке, которая ремонтировалась, а верстах в семи от нее, в усадьбе своего знакомого помещика К-ского. Усадьба была расположена в глухом лесу и, за отсутствием хозяев, управлялась одной крестьянской семьей. Эта крестьянская семья была предметом наблюдений Успенского в продолжение всего того лета (1881 год), и наблюдения эти привели Успенского к весьма важным результатам. Они до такой степени овладели им, что и по дороге в Чудово, и дома, и в именины, и после них Успенский только и говорил, что о них. И вот в результате этих наблюдений и появился в «Отечественных записках» в скором времени его рассказ «Власть земли». Когда я принялся читать его, я был удивлен, найдя в нем слово в слово все, что говорил Успенский мне и Чижову» [24; с. 305].

И об автобиографичности главного героя прозы Н.А. Некрасова – Каютине – писал тот же А.М. Скабичевский: «Ярославская практическая предприимчивость не ограничивалась в Некрасове одним только бессознательным врожденным инстинктивным влечением, а впоследствии развилась в вполне сознательный идеал, который Некрасов олицетворил в романе «Три страны света» в своем герое Каютине» [24; с. 216]. И далее: «Одним словом, Некрасов принадлежал к типу тех людей, из которых вырабатываются или отважные мореходы и путешественники, Колумбы, Куки, Ливингстоны, или же пираты и контрабандисты. Недаром Некрасов заставил своего Каютина, в лице которого он воплотил свой идеал, в его стремле-

нии нажиться не ограничиваться какими-нибудь спекуляциями в стенах столицы, а непременно путешествовать по трем странам света, подвергаясь всевозможным опасностям в борьбе с разными стихиями. Если бы Некрасов не обладал художественным талантом, устремившим его на литературное поприще, из него непременно «выработался бы если не ски-талец в роде Маклая-Миклухи, то тот же Каютин» [24; с. 218].

Не следует рассматривать автобиографизм творчества писателя примитивно и догматично. Вот пример, когда журналист задает вопрос Денису Драгунскому, герою «Денискиных рассказов» В. Драгунского (его отца): правда ли, как это сказал актер и режиссер Иван Дыховичный, «что «Денискины рассказы» – не о вас, а о нем». Денис Драгунский ответил: «Иван погорячился. Они общались с отцом, и кое-что, конечно, отец мог использовать. Ванька Дыхов из рассказа «На Садовой большое движение» – это он, Дыховичный. Но в целом рассказы не о нём и не обо мне. Это вымысел из жизни, в том числе из детства самого отца» [25; с. 3].

Исходя из нашего опыта и работая в рамках Воронежской ономастической школы, мы в данном исследовании используем как один из принципов (по В.С. Листову) принцип поиска следов «автобиографически направленного воображения» в ономастическом наследии творчества русских писателей.

Библиографический список

1. Михеичева Е.А. Письма как комментарий к роману И. Бунина "Жизнь Арсеньева" // Метафизика И.А. Бунина. Воронеж, 2008.
2. Гончаров И.А. Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки) // Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. С. 64–113.
3. Тынянов Ю.Н. История литературы. Критика. СПб., 2001.
4. Листов В. Пушкин: жизнь в воображении // Пушкинский сборник. М., 2005.
5. Лукницкая В. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.
6. Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. Мудрость Пушкина. М., 2016.
7. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1979.
8. Есин С. Дневник. 1998 год. // Нижний Новгород, 2000, № 3.
9. Левина Е. "Дворянские гнезда китча не выносят" // Культура, 2017, № 27.
10. Воспоминания Е.В. Панаевой-Дягилевой о Тургеневе (Публ. Г.И. Мурыгина) // Русская литература, 1972, № 4.
11. Галкина В. Возраст созерцания и покаяния // Лит. газ., 2017, № 46, с. 7.
12. Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.
13. Твардовский А.Т. Собр. соч. в 6 т. Т. 6. М.: Худ. лит., 1976-1983.
14. Твардовский А.Т. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. М.: Худ. лит., 1976-1983.
15. Довлатов С. Блеск и нищета русской литературы: филологическая проза. СПб., 2016.
16. Пекуровская А. Когда случилось петь С.Д. и мне. СПб., 2001.
17. Одоевский В.Ф. Записки для моего праправнука. М., 2006.
18. Кувалдин Ю. Книжная лавка в "Ахматовском центре" // Лит. газ., 1996, № 44.
19. Сукина Л.Б. Писатель Достоевский и купцы Куманины // "Коммунар", - Переславль-Залесский, 1990, 1 дек.
20. Тынянов Ю. Гражданин Очер. URL: http://librus.do.am/publ/tynjjanov_jurij_nikolaevich_grazhdanin_ocher/1-1-0-1526 (дата обращения – 15. 11. 2018).
21. Бунин И.А. Освобождение Толстого // Собр. соч. в 9 т. Т. 9. М., 1967.

22. Биличенко Н.А. Образ Симонсона в романе Л.Н. Толстого "Воскресенье" (к вопросу о прототипе) // Русская литература, 1972, № 4.
23. Фет А.А. Воспоминания. М., 1983.
24. Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М., 1928.
25. Рязанов С. Денискин рассказ // Аргументы недели, 2018, № 46.

References

1. Mikheicheva E.A. Correspondence as the commentary to the novel 'Arseniev's life' by I. Bunin // I.A. Bunin's metaphysics. Voronezh, 2008.
2. Goncharov I.A. Better later than never: (Critical notes) // Goncharov I.A. Completed works in 8 vol. Vol. 8. Articles, notes, reviews, autobiographies, selected letters. Moscow, 1955. P. 64–113.
3. Tynyanov Y.N. The history of literature. Critical works. St.-Petersburg, 2001.
4. Listov V. Pushkin: imaginary life // Pushkin's collection. Moscow, 2005.
5. Luknitskaya V. Nicolay Gumilev: The poet's life according to the materials from the home archive of the Luknitsky family. Leningrad, 1990.
6. Gershenson M.O. Griboedov's Moscow. Puskin's wisdom. Moscow, 2016.
7. Ginzburg L.Y. About the literary character. Leningrad, 1979.
8. Esin S. Diary. 1998. // Nizhny Novgorod, 2000, vol. 3.
9. Levina E. "Gentry nests cannot stand kitsch" // Culture, 2017, vol. 27.
10. Memoirs about Turgenev by E.V. Panaeva-Dyagileva. (Publ. by G.I. Murygin) // Russian literature, 1972, vol. 4.
11. Galkina V. The age of contemplation and repentance // The Literary Newspaper, 2017, vol. 46, p. 7.
12. Jacobson R. Works on poetics. Moscow, 1987.
13. Tvardovsky A.T. Completed works in 6 vol. Vol. 6. Moscow, 1976-1983.
14. Tvardovsky A.T. Completed works in 6 vol. Vol. 5. Moscow, 1976-1983.
15. Dovlatov S. Brilliance and poverty of Russian literature: philological prose. St.-Petersburg, 2016.
16. Pekurovskaya A. When S.D. and me happened to sing. St.-Petersburg, 2001.
17. Odоеvsky V.F. Sketches for my great-great-grandson. Moscow, 2006.
18. Kuvaldin Y. The bookshop in "Akhmatova centre" // The Literary Newspaper, 1996, vol. 44.
19. Sukina L.B. Dostoevsky the writer and the Kumanins merchants // "The Communard". Pereslavl-Salessky, 1990, 1 Dec.
20. Tynyanov Y. Ocher the citizen. URL: http://librus.do.am/publ/tynjanov_jurij_nikolaevich_grazhdanin_ocher/1-1-0-1526 (date of application – 15. 11. 2018).
21. Bunin I.A. The revelation of Tolstoy // Completed works in 9 vol. Vol. 9. M., 1967.
22. Bilichenko N.A. The image of Simonson in the novel 'Resurrection' by L.N.Tolstoy (to the question of the prototype) // Russian literature, 1972, vol. 4.
23. Fet A.A. The memoirs. Moscow, 1983.
24. Skabichevsky A.M. Literary memoirs. Moscow, 1928.
25. Pyazanov S. Deniska's story // The Weekly Arguments, 2018, no 46.

УДК 8.81-11.114.2

<i>Орловский</i>	<i>государственный</i>	<i>Orel State University named after</i>
<i>университет имени И.С. Тургенева</i>		<i>I.S. Turgenev</i>
<i>канд. филол. наук, доцент кафедры</i>		<i>The chair of marketing and enterprise</i>
<i>маркетинга и предпринимательства</i>		<i>PhD, associate professor</i>
<i>Логачева А.А.</i>		<i>Logacheva A.A.</i>
<i>Россия, г. Орел, тел. 8-920-286-20-71</i>		<i>Russia, Orel, tel. 8-920-286-20-71</i>
<i>e-mail: logacheva-anna1980@mail.ru</i>		<i>e-mail: logacheva-anna1980@mail.ru</i>

А.А. Логачева

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ПРОЗЫ И ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА)

В данной статье рассматриваются синтаксические особенности языка художественной литературы. На материале прозаических и поэтических произведений А.С. Пушкина описываются сложносочиненные предложения, устанавливаются особенности их употребления. Наблюдения над языковым материалом позволяют утверждать, что в системе сложных предложений сложносочиненные предложения являются наиболее частотной разновидностью, используемой в художественной речи. Сложносочиненные предложения, рассмотренные в статье, представляют собой конструкции, между предикативными частями которых выражены различные отношения. В этой связи описаны структурно-семантические разновидности сложносочиненных предложений с союзами-инвариантами *и*, *а*, *но*. Сочинительные союзы и семантика предикативных частей формируют типовые отношения в сложносочиненном предложении. Такие конструкции отмечены не только в прозаическом, но и в поэтическом тексте. Сопоставительный анализ сложносочиненных предложений в языке прозы и в языке поэзии привел к определенным выводам, а именно: функционирование сложносочиненного предложения в поэтическом тексте имеет свою специфику, проявляющуюся в нелинейности синтаксических конструкций, наличии медитативного текста (текста-рассуждения), использовании энтимемы и переходных конструкций. Особое употребление сложносочиненных предложений в языке лирики вызвано структурой и лексической наполняемостью поэтического текста, авторской субъективностью и выражением экспрессии.

Ключевые слова: язык художественной литературы, сложносочиненные предложения, структурно-семантические виды сложносочиненных предложений, сочинительные союзы, медитативный текст, энтимема.

А.А. Logacheva

DIFFERENT COMPOSITIONS IN LANGUAGE OF PROSE AND LANGUAGE OF POETRY: COMPARATIVE ANALYSIS (ON THE EXAMPLE OF A.S. PUSHKIN'S WORKS)

This article discusses the syntactic features of the language of fiction. On the material of prose and poetic works of A.S. Pushkin describes complex sentences, specifies the features of their use. Observations on language material suggest that in the system of complex sentences, the compound sentences are the most frequent variety used in artistic speech. The compound sentences considered in the article are constructions, between whose predicative parts different relations are expressed. In this regard, the structural-semantic varieties of complex sentences with invariant unions and, a, but, are described. The writing alliances and semantics of the predicative parts form typical relations in the compound sentence. Such constructions are noted not only in the prose, but also in the poetic text. Comparative analysis of complex sentences in the prose language and in the language of poetry led to certain conclusions, namely, the functioning of the complex sentence in a poetic text has its own

specifics, manifested in the nonlinearity of syntactic structures, the presence of a meditative text (text-reasoning), the use of enthymeme and transitional structures. The special use of complex sentences in the language of lyricism is caused by the structure and lexical content of the poetic text, the author's subjectivity and expression expression.

Keywords: language of fiction; compound sentences; structural and semantic types of compound sentences; composing unions; meditative text; enthymeme.

Язык художественной литературы является той сферой изучения, которая всегда привлекала внимание исследователей. Еще в работах В.В. Виноградова подчеркивается мысль о тесной связи языка художественной литературы с его историческим развитием [1; с. 529]. В настоящее время ученые-литературоведы и ученые-лингвисты продолжают вести активную работу по изучению языка художественной прозы и поэзии. Ранее язык художественной литературы был описан в работах А.А. Потебни, В.В. Виноградова, Ю.Н. Тынянова, Г.О. Винокура, Л.Я. Гинзбург, В.П. Григорьева, Ю.М. Лотмана и других исследователей. В современном литературоведении ученые разграничивают два таких понятия, как «язык художественной литературы» и «литературный язык» [2; с. 13]. Согласно точке зрения Г.О. Винокура, «...история русского языка в течение XIX и XX веков – это в значительной мере есть раздельная история общерусского национального языка и языка русской художественной литературы» [3; с. 159]. Подобного мнения придерживается В.П. Григорьев. Ученый считает, что границы между понятиями «литературный язык», «язык художественной литературы», «поэтический язык» не являются четкими, поэтому эти области необходимо изучать [2; с. 9].

Современная художественная литература представлена как прозаическими, так и поэтическими произведениями. Традиционно они противоположны. Поэтические произведения, в отличие от прозаических текстов, имеют определенную форму, обладающую особым смыслом [4; с. 153]. Другими словами, поэтическое произведение является носителем информации, которую читателю предстоит расшифровать. Значимое место в поэзии занимает слово. Слово в поэтическом тексте несет в себе большую функциональную нагрузку, чем в тексте прозаическом, заставляя читателя вступать в диалог с автором. Поэтический текст строится по законам стихосложения. В таком тексте сложная конструкция подвергается изменению, влиянию поэтической формы. Но авторская субъективность в стихотворении значительно возрастает. Это обусловлено тем, что поэтическое произведение является «совокупностью кодовых систем» [5; с. 77]. Структура и смысл поэтического текста представляют собой сложный механизм, служащий для передачи информации читателю. Особая структура и поэтическое слово создают своеобразный *поэтический шифр*, который читатели могут истолковать по-разному [5; с. 78].

Для поэтической речи характерна особая организация, что находит выражение в краткости, точности слова, нарушении синтаксической структуры предложения, авторской субъективности, выражении экспрессии. «Самый субъективный род литературы, – писала о лирике Л.Я. Гинзбург, – она, как никакой другой, устремлена к общему, к изображению душевной жизни как всеобщей» [6; с. 7].

Поэтическое произведение строится по законам стихосложения, то есть с соблюдением рифмы, стихотворного размера, интонации и т.д. Лирические произведения мелодичны. Отметим, что в структуре прозаических и поэтических текстов имеются некоторые особенности. На это обратили внимание еще ученые XIX века (В. фон Гумбольдт). Мысль автора может свободно развиваться, но как бы свободна она ни была, «поэтическое содержание властно требует для себя и поэтического одеяния...» [7; с. 183]. Исходя из этого, можно отметить, что в поэтическом тексте сосуществуют две

формы – языковая и поэтическая. На основе языковой формы поэты создают свой особый поэтический язык, имеющий специфические черты, как в лексике, так и в синтаксисе.

По мнению ученых, синтаксический строй русского языка прошел длительную эволюцию и со времен А.С. Пушкина значительно изменился, как в языке прозы, так и в языке поэзии.

Наши научные интересы сосредоточены на изучении функционирования сложносочиненных предложений (далее – ССП) в языке художественной литературы.

Традиционно в синтаксисе современного русского языка ССП – это сложная конструкция, компоненты которой выражают однотипные, равнозначные действия. Подобное понимание ССП описано в работах Е.М. Галкиной-Федорук, А.Н. Гвоздева, Л.Ю. Максимова и т.д. Согласно «Русской грамматике», ССП – это «...такие сложные предложения, части которых соединены сочинительными союзами и грамматически не зависят друг от друга, т.е. находятся в отношениях равноправия, равнозначности» [8; т.2, с. 462].

В синтаксисе современного русского языка выделяются предложения *собственно соединительным значением* и предложения *несобственно соединительным значением*. В ССП с *собственно соединительными отношениями* можно выделить одновременность протекания ситуаций. В предложениях подобного типа предикативные части можно менять местами без потери смысла [8; т. 2, с. 617-618]: «С тех пор они каждый день бывали вместе, и Кирилла Петрович, отроду не удостоивший никого своим посещением, заезжал запросто в домишко своего старого товарища» (А.С. Пушкин «Дубровский») [9; с. 588].

Несобственно соединительное значение подразумевает отношения обусловленности. Предикативные части в таком предложении неравнозначны [8; т. 2, с. 618-619]: «Между тем Андрей Гаврилович скрылся, и никто того не заметил» (А.С. Пушкин «Дубровский») [9; с. 590]. Действие во второй части предложения обусловлено действием первой: союз *и* и семантика предикативных частей формируют значение результата, единичной зависимости.

Союз *а* имеет древнее происхождение. Он получил широкое распространение в древнерусском и старорусском языках. Отметим, что конструкции с союзом *а* широко употребляются в языке прозы и поэзии XIX века.

Согласно «Русской грамматике», в ССП с союзом *асуществуют* три структурно-семантических разновидности:

- 1) конструкции с сопоставительными отношениями;
- 2) конструкции с присоединительно-распространительными отношениями;
- 3) конструкции со значением несоответствия [8; т. 2, с. 621-622].

Рассмотрим пример с союзом *а*: «Прошло несколько времени, а здоровье бедного Дубровского все еще было плохо» (А.С. Пушкин «Дубровский») [9; с. 598].

Приведенный пример иллюстрирует *ССП с семантикой несоответствия* (говорится о разных, несхожих ситуациях). В данном примере можно отметить отношения несоответствия, которые по своему значению близки союзу *но*: Прошло несколько времени, *но* здоровье бедного Дубровского все еще было плохо.

В языке художественной литературы XIX века широко употреблялся союз *но*. В *противительно-ограничительных ССП* выражаются ситуации, в которых вторая ограничивает первую: Кирилла Петрович оделся и выехал на охоту с обыкновенной своею пышностью, *но* охота не удалась (А.С. Пушкин «Дубровский») [9; с. 591].

Здесь выражены отношения типа «однако, но ведь», т.е. ограничение ситуации [8; т. 2, с. 624]. В *ССП с противительно-уступительным значением* в предикативных частях заключено уступительное значение: «С крестьянами и дворовыми обходился он

(Кирилла Петрович – А.Л.) строго и своенравно; *но* они тщеславились богатством и славою своего господина и в свою очередь позволяли себе многое в отношении к их соседям, надеясь на его сильное покровительство» (А.С. Пушкин «Дубровский») [9; с. 588].

В предложениях подобного рода отсутствует цельность границы, так как невозможно четко разделить ограничительную и уступительную семантику. В первой части данного предложения можно ввести союз *хотя*, итогдаэто будет ССП с уступительной семантикой.

Сочинительные союзы маркируют типовые отношения в ССП, в частности, союз *и* оформляет соединительные отношения, союз *а* – сопоставительные, союз *но* – противительные, союзы *или (иль)*, *то-то*, *не то-не то* – разделительные отношения [8; т. 2, с. 616]. Наиболее употребительными в художественном тексте, в частности, в языке прозы, являются союзы-инварианты *и*, *а*, *но* [10; с. 16]. Употребление сочинительных союзов в языке художественной литературы отмечено нами в виде единичных вкраплений.

Рассмотрим особенности употребления ССП в языке поэзии.

ССП в лирическом тексте изменяет свою структуру под воздействие метрико-ритмических норм. Отметим, что в поэтическом тексте нет линейности структуры ССП. Это обусловлено влиянием поэтической формы [11; с. 26; 12, с. 154].

«Чуть дышит ветерок, уснувший на листах,
И тихая луна, как лебедь величавый,

Плывет в сребристых облаках» (А.С. Пушкин «Воспоминания в Царском Селе») [9; с. 7]. В приведенном примере союз *и* оформляет типовые соединительные отношения с семантикой одновременности. Сказуемые в предикативных частях выражены глаголами несовершенного вида.

Иногда в ССП с союзом *а* так же можно отметить одновременность протекания ситуаций на фоне семантики сопоставления различного:

«На третий день отшельник страстный
Близ очарованных берегов
Сидел и девы ждал прекрасной,

А тень ложилась средь дубов» (А.С. Пушкин «Русалка») [9; с. 63].

Для ССП подобного вида характерна одновременность протекания ситуаций, параллелизм ситуаций.

ССП с союзом *но* – это синтаксические конструкции закрытой структуры, в которых действие во второй предикативной части является результатом действия в первой части:

«Безумный сон покинул томны вежды,

Номрачные я грезы не забыл» (А.С. Пушкин «Князю А.М. Горчакову») [9; с. 53].

Такое ССП может переходить в СПП с придаточным уступки, если ввести союз *хотя*. Это *противительно-уступительное ССП*, в котором содержание обеих частей противоположно.

Таким образом, различные структурно-семантические разновидности в системе ССП мы находим как в прозаическом, так и в поэтическом тексте. Однако в поэтическом тексте употребление ССП имеет свои особенности, отличается нелинейностью.

Изучение языкового материала позволяет говорить, что в творчестве А.С. Пушкина встречаются сложные конструкции с сочинением и бессоюзием. В подобных предложениях роль союзов выполняют слова *только*, *лишь*, *даже*. Эти слова имеют выделительное и усилительное значение. Ученые-лингвисты по-разному трактуют функцию данных слов. В.В. Бабайцева считает, что это частицы-союзы, функция союза в них вторична [11; с. 508-509]. Мы придерживаемся той точки зрения, что в ССП частицы *только*, *лишь* *даже* выступают в союзной функции. Они связывают предикативные

части в сложном предложении:

«К нему *и* птица не летит,
И тигр нейдет – *лишь* вихорь черный
 На древо смерти набезит
 И мчится прочь, уже тлетворный» (А.С. Пушкин «Анчар») [9; с. 126].

Сочетание в сложном предложении различных видов связи осложняет и обогащает его семантику. Конструкции подобного типа широко распространены в художественной речи. Наличие таких предложений в поэтическом тексте способствует его многоплановости, неоднозначному толкованию.

В современной лингвометодической литературе выделяют три типа текста: повествование, описание и рассуждение. Текст-рассуждение представляет собой особую структуру, строящуюся по четкой схеме: тезис, доказательства и вывод. Чаще можно увидеть тексты типа рассуждение в прозаической форме. Однако наблюдения над синтаксисом языка лирики позволяют утверждать, что рассуждение как вид текста встречается в поэзии.

Отметим, что в прозе рассуждение – это результат мыслительной деятельности человека, а в лирическом тексте рассуждение является *процессом размышления* лирического героя. В научной литературе такой текст получил название медитативного. Описание медитативного текста встречается в работах В.В. Бабайцевой, Е.Ф. Гладкой. В медитативном тексте В.В. Бабайцева выделяет *энтимему*, приём недосказанности, умолчания [13; с. 371]. В поэтическом тексте маркерами энтимемы являются слова *да, нет, увы*:

«*Нет*, весь я не умру – душа в заветной лире
 Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
 Жив будет хоть один пиит» (А.С. Пушкин «Я памятник себе воздвиг нерукотворный») [9; с. 153].

Маркер энтимемы *нет* дает читателю возможность начать размышления. Энтимема выполняет в тексте очень важную функцию, а именно: усиливает эмоциональность произведения.

Поэтическая речь не является замкнутой, она обращена к читателю, к внешнему миру. Читая поэтическое произведение, читатель осознает свое место в мире, вступает в диалог с автором. Прозаическое произведение информативно по своему содержанию, оно передает эпические и другие события. Поэтическое произведение также информативно, но в нем присутствует авторская субъективность, выражение лирического «я» и экспрессии.

Произведения в творчестве А.С. Пушкина позволяют говорить о наличии тексторассуждений, в которых реализуется диалог автора с самим собой и с читателем.

Особенности языка художественной литературы проявляются в особой организации прозаического и поэтического текстов. Отличные по форме («внешнему оформлению»), проза и поэзия развиваются по своим «внутренним законам». Лексические и синтаксические средства языка в поэзии приобретают иное звучание, а именно: слово содержит множество смыслов, синтаксические конструкции подчиняются стихотворному ритму и рифме. В прозе линейность сложного предложения не нарушается.

Рассмотрев сложные предложения, в частности ССП, на материале произведений А.С. Пушкина, мы пришли к выводу, что различные структурно-семантические разновидности сочинительных конструкций встречаются как в языке прозы, так и в лирическом тексте. И в прозе, и в поэзии можно встретить разнообразные виды соединительной, сопоставительной и противительной семантики, описанные в «Русской грамматике». Наиболее распространенными в прозаическом и лирическом текстах являются

союзы-инварианты *и, а, но*, которые являются носителями абстрактных синтаксических значений. Сочинительные отношения в ССП формируются совокупностью сочинительных союзов и морфолого-лексической наполняемостью частей предложения. Другие сочинительные союзы тоже встречаются, но реже.

Иногда в произведениях А.С. Пушкина можно отметить синтаксические конструкции с ведущей сочинительной связью, отличающиеся явлениями переходности. Такие предложения совмещают несколько значений. Это обуславливается богатством художественной речи. Переходные конструкции в большей мере характерны для поэтического текста.

Структура ССП в лирическом тексте соответствует авторскому замыслу. Это приводит к тому, что использование ССП в языке лирики А.С. Пушкина имеет свои отличительные черты: использование энтимемы в сочинительных конструкциях. В этом случае мы говорим о функционировании в поэтической речи текста-рассуждения.

Наблюдения над языком художественной речи позволяют увидеть особенности её лексического и синтаксического состава, сопоставить язык прозы и поэзии. Сопоставительный анализ дает возможность выявить структурные и семантические особенности употребления ССП, актуализированные значения сочинительных конструкций, множественность смыслов поэтического текста.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1959. 656 с.
2. Григорьев В.П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии. М.: Наука, 1979. 344 с.
3. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М.: Высш. шк., 1991. 448 с.
4. Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы. М.: Академический Проект, 2010. 415 с.
5. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. С.-Петербург: Искусство – СПб, 1996. 848 с.
6. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л.: ЛО «Сов. писатель», 1974. – 408 с.
7. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию // Пер. с нем. под ред. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
8. Русская грамматика. Синтаксис. М.: Наука, 1980. Т. 2. 710 с.
9. Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: Панорама, 1995. 784 с.
10. Беднарская Л.Д. Основные закономерности в развитии сложного предложения в языке русской художественной прозы XIX – XX столетий. М.: Прометей, 1994. 196 с.
11. Штайн К.Э. Язык. Поэзия. Гармония. Ставрополь: Ставропольское книж. изд-во, 1989. 206 с.
12. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного // Пер. с нем. В.С. Малахова, В.В. Бибихина, Ал. В. Михайлова и др. М.: Искусство, 1991. – 367 с.
13. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.

References

1. Vinogradov V.V. On the language of fiction. Moscow, 1959. 656 p.
2. Grigoriev V.P. Poetics of the word: on the material of Russian Soviet poetry. Moscow, 1979. 344 p.
3. Vinokur G.O. On the language of fiction. Moscow, 1991. 448 p.

4. Losev A.F. Dialectics of artistic form. Moscow, 2010. 415 p.
5. Lotman Y.M. About poets and poetry. St.-Petersburg, 1996. 848 p.
6. Ginzburg L.Y. About the lyrics. Leningrad, 1974. 408 p.
7. Humboldt V. von. Selected works on linguistics. Moscow, 1984. 400 p.
8. Russian grammar. Syntax. Moscow, 1980. Vol. 2. 710 p.
9. Pushkin A.S. Verse. Poems. Prose. Moscow, 1995. 784 p.
10. Bednarskaya L.D. The main regularities in the development of complex sentences in the language of Russian art prose of the XIX – XX centuries. Moscow, 1994. 196 p.
11. Stein K.E. Language. Poetry. Harmony. Stavropol, 1989. 206 p.
12. Gadamer G.G. The relevance of the beautiful. Moscow, 1991. 367 p.
13. Babaytseva V.V. The phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language. Moscow, 2000. 640 p.

УДК 81'282.2

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, тел. 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
студентка 4 курса группы С 341-9
факультета среднего
профессионального образования
Бажанова А.А.
Россия, г. Воронеж
e-mail: nastya.bazhanova.2015@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, tel. 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The department of secondary
vocational education
The 4th-year student (group С 341-9)
Bazhanova A.A.
Russia, Voronezh
e-mail: nastya.bazhanova.2015@mail.ru*

Л.В. Недоступова, А.А. Бажанова

ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ РЕЧИ ЖИТЕЛЬНИЦЫ СЕЛА БЕРЁЗОВО ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ (СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В статье представлены особенности говора жительницы села Берёзово Рамонского района Воронежской области. Целью данного исследования является определение характерных признаков народной речи с точки зрения словообразования. В качестве языкового материала используются записи на диктофон беседы с Подольян Марией Никифоровной (1937 г.р.). Рассмотрены интересные лексические единицы, позволяющие сделать вывод о словообразовательных особенностях ее говора. Слова в речи информантки образуются аналогичными литературному языку способами, однако содержат несколько иные составляющие. Подробно рассмотрены префиксальный, суффиксальный, префиксально-суффиксальный и бессуффиксный способы образования слов, а также упомянуты другие интересные процессы, происходящие при образовании слов. Представленные признаки речи респондента включают в себя такие составляющие, как, например, функционирование в говоре одной приставки и использование другой (или ее отсутствие) в литературном языке. Подобное зафиксировано и относительно суффиксов: в говоре какой-либо суффикс может присутствовать, в литературном же языке – отсутствовать, или наоборот. Перечисленные лингвистические факты, указанные автором работы, позволяют сделать вывод о том, что в настоящее время в речи информантки сочетаются черты говора украинского языка и южнорусского наречия с присущими им характерными признаками. Возраст респондента является свидетельством того, что диалектные особенности проявляются в чистом виде. Можно с уверенностью говорить о так называемом взаимопроникновении и взаимовлиянии говора украинского языка и южнорусского наречия. В результате общения с информанткой складывается определенное понимание многих процессов, так или иначе происходящих в языке людей, живших на разных территориях, но близких по культуре, образу жизни, менталитету.

Ключевые слова: особенности говора, характерные признаки речи, словообразование, лексические единицы; префиксальный, суффиксальный, префиксально-суффиксальный и бессуффиксный способы образования слов, интересные процессы в языке, черты говора украинского языка и южнорусского наречия.

L.V. Nedostupova, A.A. Bazhanova

**SPECIAL LANGUAGE FEATURES IN THE SPEECH OF THE RESIDENT'S
OF THE BEREZOVO VILLAGE, VORONEZH REGION
(WORD-BUILDING ASPECT)**

The article presents the dialect features in the speech of the long-liver of the village of Beryozovo in Ramon district, Voronezh region. The purpose of this study is to determine the characteristic features of folk speech in terms of word formation. The language material was the recording of interviews with the voice recorder Podolyan Maria Nikiforovna (born in 1937). We consider certain interesting lexical units, which allow us to draw a conclusion about the word-forming features of its dialect. Words in the speech of the informant are formed in the same ways as in the standard language, but they contain some different components. The prefix, suffix, prefix-suffix and non-suffix ways of word formation are considered in detail, as well as other interesting processes occurring in the formation of words. The presented characteristics of a respondent's speech include such components as, for example, as functioning of one prefix or suffix in the dialect and another one in the standard language, and vice versa. The listed linguistic facts, fixed by the author of the work, allow to draw a conclusion that at the present time in the speech of the informant the features of the dialect of the Ukrainian language and the South Russian adverb are combined with characteristic features inherent in them. The age of the respondent is the evidence that dialectal features are revealed in pure form. It is possible to speak with confidence about the so-called interpenetration and mutual influence of the dialect of the Ukrainian language and the South Russian dialect. As a result of communication with the informant, we have come to certain understanding about many processes that somehow occur in the language of a person who lived in different territories, but who are close in culture, way of life and mentality.

Key words: features dialect, characteristic features of speech, word formation, lexical units; prefix, suffix, prefix-suffix and non-suffix ways of word formation, interesting processes in the language, features of the dialect of the Ukrainian language and the South Russian dialect.

В последнее время в современной лингвистике исследовательское внимание обращено к человеку. В рамках антропоцентрической парадигмы именно человек и его язык как главная характеристика представляют достаточный интерес для многих ученых, в том числе диалектологов, ведь «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, своё отношение к предметному и непредметному миру, природе... свои отношения к коллективу людей и другому человеку» [1; с. 390]. Сюда же относятся и особенности речи индивида.

Село Берёзово находится в восточной части Рамонского района Воронежской области, в 2 км от районного центра [2]. Известный краевед В.А. Прохоров связывает его название с местными березовыми перелесками. Но березовой рощи и реки Берёзовки поблизости не отмечено. Проливает свет на историю возникновения названия сопоставление первых описаний Воронежского уезда из писцовых книг XVI века. До образования централизованного государства река Воронеж и примыкающая к ней территория входили в Рязанское княжество. После основания Воронежа рязанские помещики получили земли вблизи города, куда на место жительства отправили своих крестьян. В.П. Загоровский писал, что, по всей вероятности, рязанские переселенцы перенесли название своего родного села. С XVII века березовскими землями владели несколько поколений помещиков Кавериных. Первому из них государь Алексей Михайлович жаловал эти земли «за ратные подвиги в войне с поляками и потерю руки». Последний по мужской линии, помещик Ф. Каверин завещал родовое имение своей дочери Варваре Фёдоровне, в замужестве Русановой.

В 1900 году население составило 1166 человек. Помимо церкви, в селе были и общественные здания, 3 молочных лавки, трактир и земская школа [3].

По данным переписи 2010 года, здесь проживает примерно 1540 человек. Местными достопримечательностями считаются: река Воронеж, Воронежский государственный заповедник, Крестовоздвиженский храм, здание старого техникума (относится к памятникам архитектуры) [4].

Предметом нашего исследования стала словообразовательная система говора жительницы села Берёзово.

Целью работы является определение характерных признаков народной речи с точки зрения словообразования.

В качестве языкового материала использованы записи на диктофон нескольких бесед с Подолян Марией Никифоровной (1937 г.р.). Ее детство и молодость прошли в Винницкой области, откуда многочисленная семья и родственники переехали на постоянное место жительства в Рамонский район Воронежской области.

В настоящее время в речи респондента сочетаются черты говора украинского языка и южнорусского наречия. Важно заметить, что слова образуются способами, которые свойственны и русскому литературному языку.

Рассмотрим некоторые из них подробно.

Префиксальный способ. Внимания заслуживает слово, образованное с помощью приставки **на-**: [*напополám мы дэржáлы корóву*] [В статье используется упрощенная транскрипция. Звук «г» в говоре фрикативный. – Л.Н., А.Б.].

Суффиксальный способ. Этот способ представлен в достаточном количестве лексических единиц, зафиксированных в речи диалектоносительницы:

1) глаголы настоящего времени в единственном числе образуются с помощью суффикса **-а-**: [*она́ сидáе*], во множественном числе – с помощью **-л-**: [*ночь, все сплять*];

2) отмечены варианты образования прилагательных с помощью морфемы **-ин-** на месте **-н-**: [*варíлы с кукуру́зиной муки́, пэклý на капу́стиных лýстьях*];

3) с помощью суффикса **-ок** образуется существительное: [*вывóдя сво́их дéвок*];

4) в образовании некоторых слов отмечена морфема **-иц-**: [*она́ зáмужом, она́ ужé молодíца*];

5) имеет место лексическая единица с суффиксом **-ушек-**: [*лю́ды хлéбушек ему́ прыноси́лы*];

6) выявлены лексемы, образованные с помощью морфемы **-то-**: [*нэмцы-то то прыдúт, суши́лы-то на вэ́тках, соли́лы-то в бочка́х, пы́шки такýе-то*];

7) в возвратных глаголах после гласного на месте **-сь** отмечен постфикс **-ся**: [*вэрну́лыся, весели́лися, дрáлися, одэвáлыся, учíлася*]. Данная черта, очевидно, связана с сохранением его в том виде, какой информантка унаследовала из украинского языка.

Префиксально-суффиксальный способ является самым сложным в словообразовании, однако в речи информантки им более всего образуются слова. Покажем это на примерах.

1) Лексемы, образованные с помощью приставки **за-**, суффикса **-ва-** на месте **-а-** и **-л-**: [*потóм запра́гвалы конéй*].

2) Слова, образованные с помощью приставки **за-** и суффикса **-ом-** на месте **-ем-**: [*она́ ужé зáмужом*].

3) Глаголы прошедшего времени, образованные с помощью приставки **от-** и суффикса **-в** на месте **-л-**: [*армию отслужíв*]; с помощью с помощью приставки **на-**, суффикса **-ыва-** на месте **-а-** и **-л-**: [*в суббóту нара́дывалы её*].

4) Глаголы настоящего времени, образованные с помощью приставки **на-** и суффикса **-ива-** [*нара́живаем как на Но́вый год*].

5) Слова, образованные с помощью приставки **по-**, суффиксов **-к-**, **-а-**, **-л-**, постфикса **-ся**: [*поздорóвкалися мы*].

6) Лексические единицы, образованные с помощью приставки **по-**, суффикса **-ива-** на месте **-и-** и **-л-**: [*и ма́ма постéливала*].

7) Слова, образованные с помощью приставки **пры-** и суффикса **-ва-**: [*и еé прывя́звая назáт*], с помощью приставки **пры-** и суффикса **-ов-**: [*о́на з дружка́мы прытанцо́вая*].

8) Лексемы, образованные с помощью приставки **рас-** и суффикса **-ива-**: [*ма́ма расчи́шивала за ха́той*].

9) Слова, образованные с помощью приставки **с-** и суффиксов **-а-** и **-н-**: [*а чэра́шны бы́лы все срубаны*].

10) Лексические единицы, образованные с помощью приставки **с-** и суффикса **-а-**: [*вено́к вэ́чером скида́ем*].

11) Слова, образованные с помощью приставки **от-** и суффиксов **-а-**, **-л-**: [*трына́цать лет я отпахáлэ*].

12) В возвратных глаголах, образованных с помощью приставок **за-**, **на-**, **по-** и **с-**, после гласного на месте **-сь** достаточно часто используется постфикс **-ся**: [*зава́рбовáлася, занима́лися, запі́свалыся, накрывáлася, накупáлися, пожені́лися, повідáлися, познако́милася, сході́лися*].

Бессуффиксный способ отмечен в следующем примере: [*о́ні бы́ли тро́шки лу́ччи зажі́тые*] (зажиточные).

Кроме перечисленных характерных признаков речи М.Н. Подолян, необходимо назвать и те, которые не являются словообразовательными, но представляют интерес для исследователя современного говора.

1. Так, достаточно широко представлены слова, в которых конечный гласный отсутствует: [*одна́ ме́ньша, а друга́ – ста́рша дочка*], [*была́ ма́лэнька*], [*он во́енну фо́рму скы́нул*], [*пошлы́ в столо́ву*], [*таки́ пострóены забóры*], [*таки́ полосáтые ковра́ы*], [*таки́ как гу́скы пэ́клы*], [*таку́ залывáлы площа́дку*], [*ана́ кэрамі́ческа, глы́няна*].

2. Зафиксировано прилагательное с отсутствующим конечным согласным: [*неве́ста была́ в бе́ло пла́тье*].

3. В речи респондента частотны глаголы без **-т** на конце. Это явление отмечено в глаголах 3 лица единственного числа: [*то пше́нцу, то кукуру́зу насы́пэ*], [*прихо́дя жeníх*], [*танцу́я з дружка́мы, прытанцо́вая*], [*и еé прывя́звая*]. Оно широко распространено в южнорусских говорах.

4. Зафиксирована лексическая единица с **-т'**: [*бегі́ть в сапога́х*], что сближает украинский язык с южнорусским наречием.

5. Отмечены случаи упрощения групп согласных и гласных в словах: [*посуда нэпо́ліванна*] – посуда неполированная, [*я чу́ю*] – я чувствую, [*бо́льше ничё нэ ходит*] – больше ничего не ходит, [*када́ мы вэрну́лыся*] – когда мы вернулись, [*шоб продыржа́тца*] – чтобы продержаться, [*в пийсы́т пя́том году́*] – в пятьдесят пятом году, [*в шийсы́том году́ э́хала*] – в шестидесятом году, [*сві́ны дэ́ржала*] – свиней держала, [*то́ка сите́ц был*] – только был ситец и др. Данное явление характерно как для южнорусских говоров, так и для украинского языка.

6. Однако имеет место и другой процесс – увеличение основы слова за счет мягкого знака: [*опья́ть война, нэ́мцы опья́ть прышлы́, помидо́ры опья́ть в бо́чкэ, на тры́ дня тэ́бья в о́тпуск, дру́жков было́ пья́ть*], за счёт гласного: [*пото́ма мы се́лы, щаз нигде́ не́ту*], [*о́на ку́ри дэ́ржала*], за счёт развития **-й** в диалектных формах

слов: [*с църквы прыйдѣт, нѣмцы у нас тут ф сэлэ войивáli, йих тада́ мно́го собыра́лы*] и др. Эти особенности встречаются достаточно часто в южнорусских говорах и в говорах украинского языка.

7. В некоторых словах наблюдается утрата начального гласного. Причём это довольно распространённое явление: [*гурцы́ в друго́й бочкэ́*] – огурцы в другой бочке, [*наньма'л кардео'н*] – нанимал аккордеон, [*пошѣл чѣтца лѣэтриком*] – пошёл учиться на электрика, [*стоя́т фице́ры, воѣнные*] – стоят офицеры, военные. Известный лингвист Р.И. Аванесов так объяснил причину этого явления: «второй предударный слог во многих южных говорах настолько ослаблен, что при благоприятных условиях редукция гласного в нём может дойти до нуля» [5; с. 60].

Нельзя не отметить в речи диалектоносительницы существительные второго склонения мужского рода, оканчивающиеся в родительном падеже множественного числа на **-ив**: [*скóлько бы́ло ро́цтвиникив, сто́лько калачѣв*]; прилагательное с появившимся **-ва-**: [*ру́скава печь бы́ла*], существительное с **-я**: [*свѣкрóвья да́рэт плато́к*]. Данные явления в большинстве своем характерны для украинского языка и его говоров.

Следует заметить, что представленная словообразовательная система речи респондента включает в себя интересные составляющие: так, например, в говоре функционирует одна приставка, в литературном языке – другая (или ее вовсе нет). Подобное наблюдается и в отношении суффиксов.

Таким образом, рассмотренные особенности речи сельской жительницы заключаются в сочетании черт некогда родного украинского говора и типичных признаков южнорусского наречия. Причем произошло их так называемое взаимопроникновение, взаимовлияние. Они настолько переплелись в речи М.Н. Подолян, что в настоящее время представляют собой особое лингвистическое явление с присущими ему характерными признаками. Возраст респондента является свидетельством того, что диалектные особенности проявляются в чистом виде. По этой причине данные черты, несомненно, вызывают интерес у исследователя народной речи, а в результате общения с информанткой складывается определенное представление о многих процессах, так или иначе происходящих в языке людей, живших на разных территориях, но близких по культуре, образу жизни, менталитету.

В заключение отметим, что в наше время, к сожалению, недостаточное внимание уделяется изучению явлений, бытующих в речи людей старшей возрастной группы. С каждым годом всё меньше становится хранителей народного слова, да и ученых-диалектологов, занимающихся такими исследованиями, не так уж и много. На наш взгляд, существует потребность в изучении особенностей диалектной формы речи и в понимании ее отличия от литературной. Это, бесспорно, будет способствовать получению полного представления о современном состоянии народных говоров, о своеобразии языка в прошлом и настоящем.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Метафора в языке чувств // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 385-399.
2. Администрация Берёзовского сельского поселения Рамонского района Воронежской области. URL: <http://berezovo-rmn.ru> (дата обращения: 10.09.2018).
3. Усадьба Кавериных-Русановых. С. Берёзово, Рамонский район. URL: <https://vmulder.livejournal.com> (дата обращения: 10.09.2018).

4. Воронежская область // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 10.09.2018).
5. Аванесов Р. И. Очерк русской диалектологии. М.: Учпедгиз, 1949. 335 с.

References

1. Arutyunova N.D. Metaphor in the language of the senses // Language and the world of man. Moscow, 1999. P. 385-399.
2. Administration of Berezovo rural settlement of Ramon district of Voronezh region. URL: <http://berezovo-rmn.ru> (date of application: 09.10.2018).
3. The estate of the Kaverins-Rusanovs. Vill. Berezovo, Ramon district. URL: <https://vmulder.livejournal.com> (reference date: 09.10.2018).
4. Voronezh region // Wikipedia - the free encyclopedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki> (date of application: 09.10.2018)
5. Avanesov R.I. Essay on Russian dialectology. Moscow, 1949. 335 p.

УДК 81`367.4:33

*Донецкая академия МВД ДНР
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
и иностранных языков
Подолina О.В.
Украина, г. Донецк
e-mail: davdpodoliy54@gmail.com*

*Donetsk academy of the Foreign
Office of Donetsk People's Republic
The chair of Russian language
and foreign languages
PhD, associate professor
Podolina O.V.
Ukraine, Donetsk
e-mail: davdpodoliy54@gmail.com*

О.В. Подолina

ИМЕННЫЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье выявляется место терминологических словосочетаний (ТС) в системе экономической терминологии, дается их предметная характеристика и классификация. Выбор темы обусловлен назревшей необходимостью функционального подхода к анализу семантической структуры словосочетаний, который открывает путь к их исследованию в диахроническом аспекте, позволяет исследовать динамику и особенности терминологических образований в речи. Предметом исследования послужил значительный по объему корпус терминологических единиц, полученный в результате сплошной выборки из учебных текстов и терминологических словарей по экономике. Целью работы является обоснование выделения именных ТС как номинативных единиц, способных в наибольшей степени адекватно отразить динамическую понятийную систему описываемой сферы общения, описать продуктивные формально-грамматические типы данных образований, определить их терминообразовательные возможности и на этой основе – возможные перспективы развития формы. В результате анализа формальной структуры выделенных ТС выдвигается тезис о том, что некоторая область знаний может быть представлена в виде моно- и полииерархических классификаций, однако в описываемой терминосистеме наиболее целесообразно делить понятия более чем по одному признаку, то есть отдавать предпочтение полииерархической, многоаспектной классификации, что позволяет в дальнейшем проследить, как разворачивается содержание понятий с помощью определителей. Делается вывод о том, что полииерархическую систему описываемых понятий в основном составляют родо-видовые отношения, которые в ходе развития науки постоянно перестраиваются, дополняются новым смыслом. При этом ТС, обозначающие понятия со значением предметности, конкретности, представлены двухкомпонентными ТС. ТС, обозначающие абстрактные понятия, семантически более изменчивы, подвижны, в связи с чем имеют тенденцию к усложнению своей структуры.

Ключевые слова: терминосистема, терминологическое словосочетание, родо-видовые отношения, опорный компонент.

O.V. Podolina

NOMINATIVE TERMINOLOGICAL WORD COMBINATIONS IN THE SYSTEM OF ECONOMICAL TERMINOLOGY

The place of terminological word combinations in the system of economical terminology is reflected in the article, complete subject and characteristic classification under consideration is also given. The choice of topic is due to ongoing need of functional approach of semantic structure of word combinations which opens the way to their research in diachronic aspect, helps to study dynamic and peculiarities of terminological formations in speech. Taking into consideration the important role of scientific and educational communication under the

conditions of extreme development of science the subject of study was large in volume body of terminological units received as a result of selecting samples from texts and terminological dictionaries in economy. The purpose of work is the reasoning of selection nominative terminological word structures as nominative word units able to reflect definitional framework, to describe productive and formal grammatical types of these formations, to define their term formation opportunities and on this basis to define possible formation of form development. As a result of the analysis of formal structure of terminological word combinations, it is argued that some spheres of knowledge can be provided in the way of mono and polyhierarchical classification. Thus, it is more appropriate to divide the terms on more than one feature that is to give preference to polyhierarchical, multidimensional classification that helps to follow how the concept content deploys with the help of determinants. We can conclude that polyhierarchical system of terms of economical terminology mainly consists of gender aspect relations which constantly change in the development of science, adding new gist. In this case terminological word combinations, defining terms with the meaning of objectivity and specificity are represented by two-component terminological word combinations. Terminological word combinations defining abstract meaning semantically are more variable and flexible, consequently having tendency to complex their structure.

Key words: terminology, terminological word combination, gender aspect relations, backbone component.

Любую область знания составляют иерархически и неиерархически организованные понятия: конкретные (понятия о материальных объектах и чувственно воспринимаемых явлениях) и абстрактные (например, понятие теории). Подбор подходящих обозначений для каждого подразделения иерархически и неиерархически организованных понятий – задача не менее сложная, чем само терминование понятий. Отсюда возникает непростая проблема соотносительности понятий с объектами внутреннего и внешнего мира и способов их номинации.

Особенности каждой терминосистемы, ее понятийный аппарат определяют и конкретные способы и приемы отражения разных категорий понятий и их отношений. Посредством отношений понятий формируются понятийные системы. «Метод деления (объединения) понятий и их иерархии может быть общим (родо-видовым) и частным (партитивным)» [1, с. 143].

Как показал анализ языкового материала, понятийную систему описываемого нами подязыка составляют в основном родо-видовые отношения. Родо-видовые (абстрактные) системы понятий создаются, когда связи между понятиями являются исключительно родо-видовыми. Подтверждением данного утверждения может служить возможность построения в описываемой нами терминосистеме «родо-видовых лестниц» (термин А.В. Суперанской, Н.В. Подольской, И.В. Васильевой [1]) внутри понятийных полей. Например,

Рис. 1

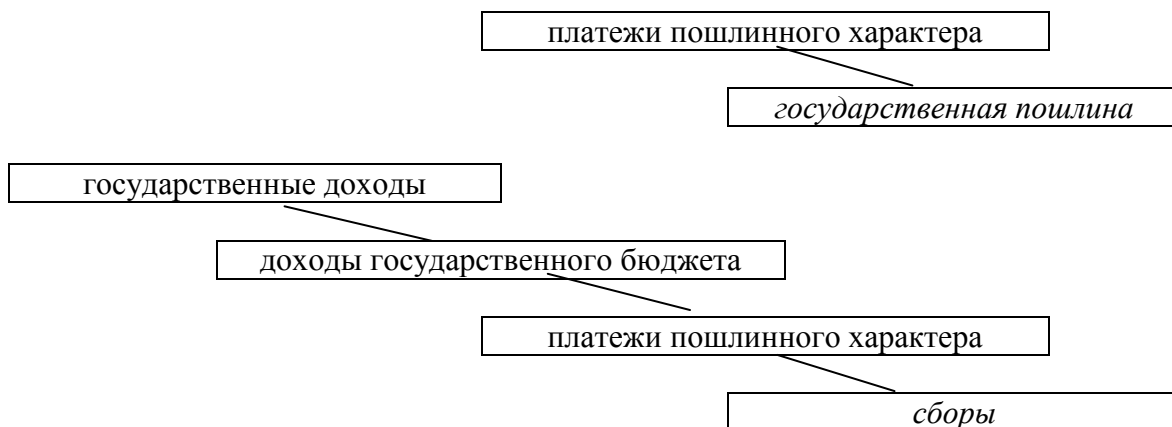

Рис. 1 (продолжение)

Как видно на примере иллюстраций, понятие «платежи пошлинного характера» на основе критерия применения можно разделить на подпонятия: «таможенная пошлина», «государственная пошлина», «сборы». Эти три подпонятия составляют родовую серию. При таком делении отдельные ступени понятия должны составлять четкое целое, поэтому в основу его деления должен быть положен лишь один признак для каждой ступени [1, с. 146]. Однако, как показал анализ родо-видовых (абстрактных) связей внутри описываемой нами терминосистемы, понятие в большинстве случаев характеризуется более чем по одному признаку. Это видно на примере схемы:

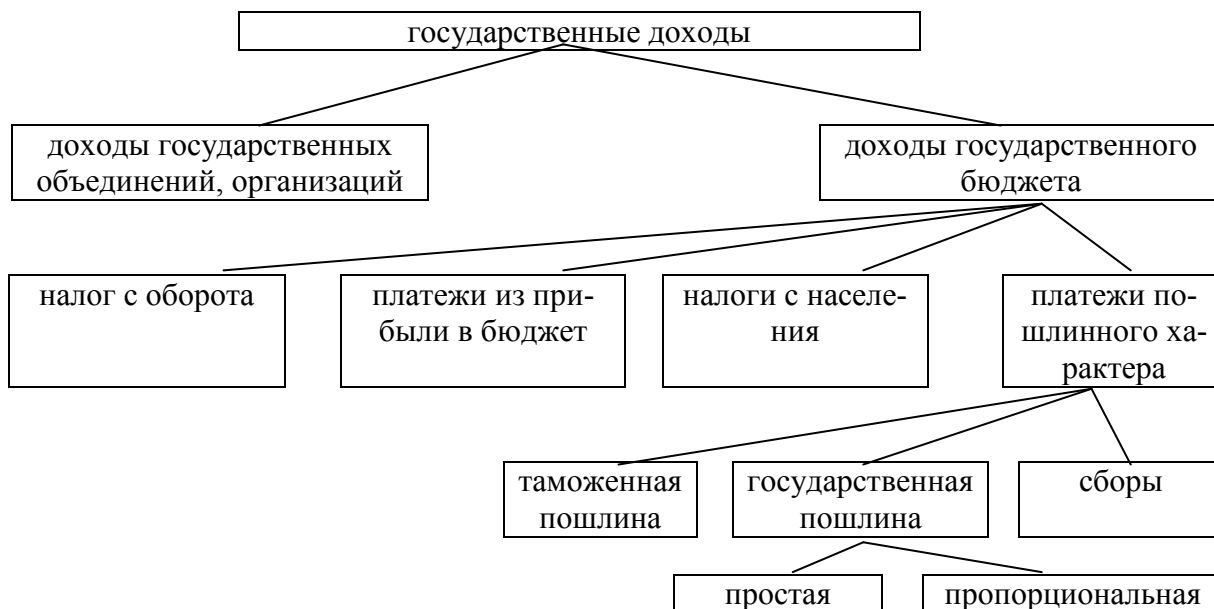

Рис. 2

Понятие «государственные доходы» разделяется по объектам действия на подпонятия «доходы государственных объединений, организаций» и «доходы государственного бюджета»; понятие «доходы государственного бюджета» классифицируется по видам доходности: «налог с оборота», «платежи из прибыли в бюджет», «налоги с населения», «платежи пошлинного характера»; понятие «платежи пошлинного характера» по месту применения, в свою очередь, включает подпонятия «таможенная пошлина»

на», «государственная пошлина», «сборы»; «государственная пошлина» по свойствам дифференцируется на простую и пропорциональную. Таким образом, подчиняющее понятие «государственные доходы» делится на основе нескольких признаков.

Когда понятие определяется по нескольким признакам, лингвисты и логики употребляют термин «полиерархическая система». Как показали наблюдения, в системе описываемого подъязыка полиерархическая система наиболее полно соответствует потребностям отражения понятий, характеризующихся одновременно по нескольким признакам в зависимости от целей их репрезентации.

В связи с быстрым развитием и перестройкой экономической жизни возникает необходимость в номинации новых товарно-денежных понятий, их систематизации и классификации. Система языка экономической сферы общения в ходе развития науки постоянно перестраивается, дополняется. Место каждого понятия в ее системе можно определить посредством его интенциональных характеристик. При анализе понятий важно выявить, с одной стороны, их общие и специфические признаки, или характеристики, а с другой, - связи между отдельными свойствами предметов (их внутренние отношения) и между самими предметами (их внешние отношения).

Понятийный аппарат экономической терминосистемы включает в себя такие общие категории, как предметы, процессы, свойства, величины. Понятия, входящие в каждую из этих категорий, характеризуются определенным набором признаков. Целям максимального отражения отличительных признаков функционирующего или вновь созданного понятия наиболее полно служит синтаксический способ номинации. Таким образом, можно сделать вывод о преимущественном употреблении ТС для обозначения понятий. Как указывает В.П. Даниленко, ТС отдается предпочтение в силу того, что они способны с наибольшей полнотой отразить необходимые отличительные признаки именуемого понятия, ТС легче, чем словом-термином, передавать принадлежность классификационному ряду, основанному на родо-видовом соотношении понятий [2, с. 132].

Семантический анализ ТС показывает, что данные языковые единицы всегда состоят из компонента, содержащего в себе родовой признак (интегральный) и видовой (дифференциальный). Например,

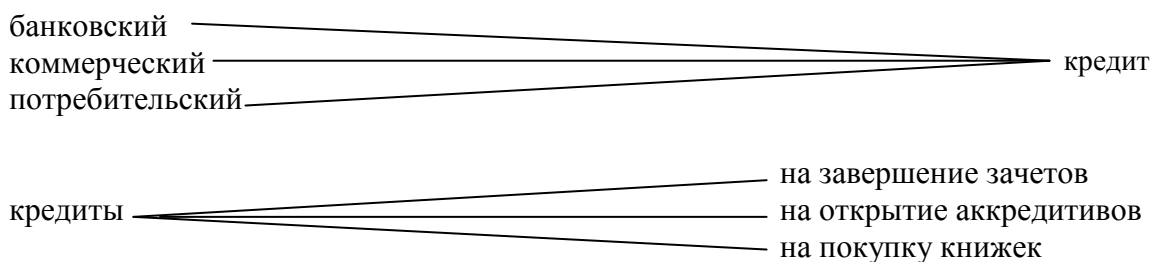

Рис. 3

Родовой признак «ссуда в денежной или товарной форме на условиях возвратности, обычно с процентами» [3; т. 2, с. 103] присутствует в семантической структуре всех приведенных ТС. Дифференциальным, видовым семантическим признаком для ТС **банковский кредит** является то, что это «ссуда, которая предоставляется функционирующими предприятиями, банками, специальными кредитными институтами в виде денежных ссуд» [3; т. 2, с. 104]. В свою очередь, ТС **коммерческий кредит** содержит видовую сему по отношению к ТС **банковский кредит** «ссуда, которая предоставляется одними функционирующими предприятиями (их участниками) другим в виде продажи товаров с отсрочкой платежа» [3; т. 2, с. 104]. А ТС **потребительский кредит**

соединяет в себе две видовые семы **банковский кредит** и **коммерческий кредит** и в результате включает в себя дифференциальную сему «ссуда, которая предоставляется торговым предприятиям в виде товаров, проданных в рассрочку, а также банками и специальными кредитными институтами для покупки потребительских товаров и оплаты услуг» [3; т. 2, с. 104].

Таким образом, приведенные нами понятия, обозначенные ТС, в результате содержащихся в них видовых сем различаются по составу участников, объектам ссуд и сфере функционирования.

ТС **кредиты на завершение зачетов, кредиты на открытие аккредитивов, кредиты на покупку книжек**, в свою очередь, содержат в себе дифференциальный семантический признак по месту применения.

Отсюда можно сделать вывод, что в каждом ТС присутствует в обязательном порядке компонент, обозначающий и интегральный (родовой) признак, и дифференциальный (видовой).

В лингвистической литературе внутри семантической структуры выделяются формально-семантические и собственно гипонимические, то есть родо-видовые связи [4, с. 47].

Например,

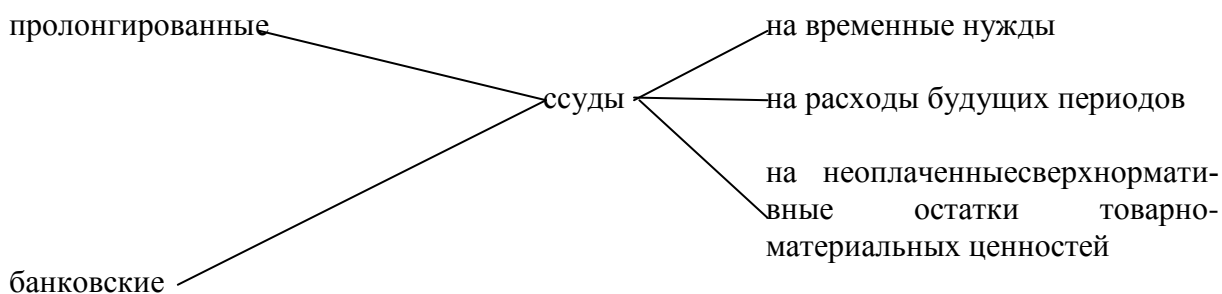

Рис. 4

Для данных ТС характерны формально-семантические родо-видовые отношения, выражающиеся присоединением к стержневому компоненту *ссуды* согласованных и несогласованных определений. Семантическая структура таких ТС, характеризующихся формально-семантическими связями, имеет в своем составе общий компонент (*ссуды*).

Собственно гипонимические отношения для ТС, семантическая структура которых не включает общих компонентов, характерны на уровне классификационного ряда. Например:

Рис. 5

ТС по сравнению с однословными терминами более удобны для обозначения понятий, характеризующихся по нескольким признакам. Развитие экономической науки обусловило обозначение дополнительной дифференциации понятия посредством добавления определяющих компонентов. Для упорядочения вновь созданных и возникающих понятий требуется все более совершенное деление на классы, подклассы и так далее, что достигается путем присоединения различных дифференциальных признаков.

В описываемой терминосистеме для более точного обозначения таких классов применяется «перекрестное деление с «пересекающимися» классами» (термин А.В. Суперанской, Н.В. Подольской, И.В. Васильевой [1]).

Например, понятие «*государственное страхование*» можно разделить:

по формам проведения – на обязательное и добровольное;

по времени – на пожизненное или на определенный срок;

по объектам действия – на имущественное и личное.

Кроме того, данные понятия, в свою очередь, подразделяются на более узкие. «*Имущественное и личное страхование*» по разным основаниям подразделяется на виды страхования, отражающие конкретные отношения между субъектом и объектом действия: *смешанное страхование жизни; страхование детей; страхование на случай смерти и утраты трудоспособности; страхование работников за счет предприятий; обязательное страхование пассажиров; добровольное страхование средств транспорта* и т.д.

Таким образом, стремление ко все более точному обозначению классов приводит к использованию перекрестной классификации с «пересекающимися» классами. Последнее обстоятельство объясняет возникновение многокомпонентных ТС и терминов-описаний, включающих в себя множество различных уточнений и добавочных определений.

Уточнение вновь возникающих понятий внутри терминосистемы товарно-денежных отношений может осуществляться в пределах понятийного поля по некоторым типичным линиям:

1) объекты действия: *налог на холостяков, одиноких и малосемейных; земельный налог; сельскохозяйственный налог; налог на владельцев строений, транспортных средств; антидемпинговые пошлины; кредиты на открытие аккредитивов* и т.д.;

2) время: *долгосрочный кредит; краткосрочные государственные займы; срочные вклады; текущий контроль; пожизненное страхование; страхование на определенный срок; досрочное регулирование с судного счета* и т.д.;

3) виды доходности: *выигрышные вклады; дивидендная доходность; кредиты с прямым обеспечением; кредиты, не имеющие обеспечения; процентные государственные займы* и др.;

4) место размещения, проведения: *иностранские расчеты; локальные сметы; внутрихозяйственный контроль; внутриведомственный контроль; кредиты в оборотные фонды; кредиты в сфере обращения, производства* и др.;

5) способ функционирования: *банковская система; расчеты по сальдо встречных требований; расчеты с помощью наложенного платежа; расчеты по аккредитивам; пенсия по инвалидности; государственное пособие по безработице* и т.д.;

6) свойства: *купюрное строение денежной массы; эмиссионно-кассовое урегулирование задолженности; активные операции банков; ликвидность банков; обязательное страхование; добровольное страхование* и др.

Однако, как уже подчеркивалось выше, большинство ТС обозначает и уточняет понятия одновременно по нескольким линиям. Это, в первую очередь, относится к многокомпонентным ТС. Например, «*страхование работников за счет предприятий*» уточнение происходит по двум линиям: по объекту действия и по способу функциони-

рования; в ТС «*досрочное регулирование ссудного счета*» по трем линиям: по времени, объекту действия и свойству и т.д.

Анализ сложных понятий в сфере описываемой терминосистемы показывает, что новое понятие обозначается путем уточнения, добавления дифференциального признака с помощью уже известного языкового материала. Специальная лексика здесь представлена наименованиями предметных и абстрактных понятий. ТС, обозначающее конкретные понятия, «имеют более устойчивую смысловую организацию в силу своей более четкой предметной отнесенности. Основная функция обозначаемых ими конкретных понятий – вычленение профессионально значимых объектов материального мира» [5, с. 265]. В результате анализа терминологической лексики в составе экономической системы мы выделили следующие группы ТС, обозначающие конкретные наименования:

1) наименования, называющие платежные средства: *казначейские билеты; банковские билеты; бумажные деньги; неразменные банкноты* и т.д.;

2) названия, называющие различного рода учреждения, осуществляющие финансовые операции: *дисконтные дома; финансовый отдел; акцептные конторы (дома); агентство банка; фондовая биржа; контрольно-ревизионное управление* и т.д.;

3) названия, называющие различного рода финансовые документы и ценные бумаги: *сберегательная книжка; платежное извещение; лимитное письмо; страховое свидетельство; налоговая декларация; депозитный сертификат, казначейский вексель* и др.;

4) названия, называющие субъект, который осуществляет финансовые операции: *налоговый инспектор; вноситель вклада; страховой агент; контролер банка* и др.

Таким образом, мы видим, что перечисленные группы ТС обозначают понятия со значением предметности, конкретности. Представлены они двухкомпонентными ТС. Однако необходимо отметить, что данная понятийная зона обслуживается преимущественно однословными терминами. Объясняется это относительной устойчивостью описываемой группы понятий в результате четкой соотнесенности денотата с предметом.

ТС, обозначающие абстрактные понятия, семантически более изменчивы, подвижны. Как указывает Б.Н. Головин, точность и однозначность таких терминов временны и непрочны [5, с. 265]. Понятийная соотнесенность доминирует здесь над денотатом, языковой знак имеет чисто сигнификативное значение и называет абстрактное понятие. На семантическую изменчивость терминов, обозначающих абстрактные понятия, указывали такие исследователи, как Б.Н. Головин [5; 6], В.М. Лейчик [7], Р.Т. Пиотровский [8], А.А. Реформатский [9], Э.Ф. Скороходько [10] и другие. На наш взгляд, этим фактом обусловлена насыщенность понятийной зоны экономических дисциплин многокомпонентными ТС, позволяющими уточнять и дифференцировать понятия по мере их развития и изменения.

Анализ специальной лексики позволил нам выделить следующие группы ТС, обозначающих абстрактные понятия.

1. Наименования, называющие денежный результат финансовых операций: *локальные сметы; налог с оборота; подоходный налог; эксплуатационные расходы; условные вклады* и др.

В качестве опорного компонента в данной группе ТС используются десемантизированные имена существительные с расплывчатым предметным значением: *сметы, налог, расходы, вклады* и т.п.

2. Наименования, называющие финансовые операции или действия: *имущественное страхование; изъятие денег из обращения; регулирование оборотной кассы; аннулирование внешнего долга; ввоз пошлины; уклонение от налогов* и т.п.

В данной группе ТС в качестве опорного компонента выступают семантически несамостоятельные существительные с обязательной объектной валентностью: *страхование (чего?); изъятие (чего?, из чего?); регулирование (чего?)* и т.п.

3. Наименования со значением свойства, состояния, качества, признака, способности: *обратимость (конвертируемость) валют; ликвидность банков, фирм; убыточность страховой суммы; рентабельность страховых операций; необеспеченная задолженность по ссудам* и др.

В качестве опорного компонента в данной группе ТС выступают имена отвлеченного качества. Опорные термины-компоненты приведенной группы ТС образованы по регулярной модели и обозначают наименования со значением качества, свойства, состояния, признака способности, выраженных прилагательным или причастием.

4. Названия показателей, величин и единиц измерения, применяемых в финансовых операциях: *коэффициент эластичности налогов; валютный коэффициент; индекс цен; единица обложения; норма доходности* и т.д.

Данная группа ТС, обозначающих абстрактные понятия, семантически менее всего подвержена изменениям в результате устоявшегося круга понятий.

Кроме указанных групп ТС, составляют немногочисленную группу ТС с фразеологически связанным значением в качестве опорного компонента: *касса взаимопомощи; книга государственного долга; ценные бумаги; суммы в пути* и т.п.

Итак, анализ языкового материала показывает, что все группы ТС являются наименованиями предметными или абстрактными. Опорные компоненты, входящие в их состав, являются наименованиями родовых понятий, а атрибутивные части словосочетания (прилагательные, причастия, имена существительные в косвенных и именительном падежах) создают наименования видовых понятий.

Таким образом, полииерархическую систему понятий экономической терминосистемы в основном составляют родо-видовые отношения, которые в ходе развития науки постоянно перестраиваются, дополняются новым смыслом. Для обеспечения адекватного отражения описанных понятий в системе языка наиболее полно отвечают такие номинативные единицы, как ТС.

Библиографический список

1. Суперанская А.В. Общая терминология: Терминологическая деятельность / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильев М.: Наука, 1993. 290 с.
2. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
3. Финансово-кредитный словарь: в 3 т. / Гл. ред. В.Ф. Гарбузов. М.: Финансы и статистика, 1984. Т. 3.
4. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 152 с.
5. Головин Б.Н. Терминология. // Березин Ф.М., Головин Б.Н. (ред.) Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979. С. 264 - 278.
6. Головин Б.Н. О некоторых доказательствах терминированности словосочетаний // Лексика, терминологии, стили. Горький, 1973. С. 42 - 64.
7. Лейчик В.М. Предмет, методы и структура терминоведения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989. 43 с.
8. Пиотровский Р.Г. К вопросу об изучении термина // Ученые записки ЛГУ. 1961. № 161. Вып. 18. С. 21 - 36.

9. Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1968. 412 с.
10. Скороходько Э.Ф. Семантические связи в лексике и текстах // Вопросы информационной теории и практики. 1974. № 23. С. 6-14.

References

1. Superanskaya A.V. General terminology: Terminological activity. Moscow, 1993. 243 p.
2. Danilenko V.P. Russian terminology. The experience of the general description. Moscow, 1977. P. 246.
3. Harbuzov V.F. [Financial and credit dictionary]. Moscow, 1984.
4. Kuznetsova E.V. Lexicology of Russian language. Moscow, 1982. P. 152.
5. Golovin B.N. Terminology // Berezin F.M., Golovin B.N. General linguistics. Moscow, 1977. Pp. 264-278.
6. Golovin B.N. On some improvements of terminism of word combinations // Vocabulary, terminology, styles. Gorkiy, 1973. Pp. 42-64.
7. Leychik V.M. The subject, methods and the structure of science of terminology. Dr. ... d-r filol. sci. abs. diss. Moscow, 1989. 43 p.
8. Piotrovskiy R.G. To the question of studying terms // Scientific notes of LSU. 1961. 161 (18). Pp. 21-36.
9. Reformatskiy A.A. The term as a part of lexical system // Problems of structural linguistics. Moscow, 1968. P. 412.
10. Skorokhodko E.F. Semantic relationships in the vocabulary and texts // Questions of informational theory and praxis. 1974. № 23. Pp. 6-14.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК 811.161.1 ББК 81.2

Санкт-Петербургский государственный университет
канд. филол. наук, доцент кафедры теории и методики преподавания искусств и гуманитарных наук
Кожевникова Л.П.
Россия, г. Санкт-Петербург,
тел. +7(911)0140242
e-mail: pointv@yandex.ru
ст. преподаватель кафедры междисциплинарных исследований в области языков и литературы
Репина Т.Ю.
Россия, г. Санкт-Петербург,
тел. +7(812)320-07-25
e-mail: t.repina@spbu.ru

St.Petersburg State University
The chair of theory and methodology of teaching arts and humanities
PhD, associate professor
Kozhevnikova L.P.
Russia, St.-Petersburg,
+7(911)0140242
e-mail: pointv@yandex.ru

The chair of interdisciplinary studies in the field of languages and literature
Senior lecturer
Repina T.Y.
Russia, St.-Petersburg,
+7(812) 320-07-25
e-mail: t.repina@spbu.ru

L.P. Kozhevnikova, T.Y. Repina

SEMANTIC APPROACH TO TEACHING ENGLISH-SPEAKERS RUSSIAN PREPOSITIONAL CONSTRUCTIONS OF SPACE AND LOCATION

In teaching Russian as a foreign language at an advanced level, prepositional constructions conveying the meaning of locativity cause certain difficulties, which results from the shift in teaching patterns with specific, sensory-confirmed semantics to collocations with figurative meaning, and also by focusing on the variation in the choice of prepositions to denote particular locative semantics. The object of analysis is the semantics of prepositions in the prepositional and case constructions which express concepts of space and movement. The authors systematically present thoroughly selected prepositional and case collocations which are common in the Russian language, but the use of which, as years of teaching practice show, becomes a serious challenge for English-speaking students coming from the USA and Great Britain to study at the Russian language courses at SPbSU. The functional and semantic approach with its the priority of meaning over form and teaching prepositional-case structures only in context has been applied to the analysis of this linguistic material. Special emphasis is put on studying the perception of prepositional and case constructions and determining options of defining the semantic field of these prepositions, which empirically often causes difficulties to explain comprehensively and explicitly enough. The use and meaning of all the presented locative prepositional constructions are illustrated with relevant examples and are accompanied by lists of most frequent verbs. The authors also substantiate the importance of consistently expanding the lexical repertoire of students as the level of the language being taught increases. The need to advance teaching methodology and modify the syllabi content is also proposed. The presented study of the Russian locative constructions can become the foundation for foreign students to activate and consciously use locative prepositional-case constructions in their Russian speech and to focus the attention of teachers and researchers on further studying this linguistic aspect based on intercultural interaction.

Key words: Russian as a foreign language, locative prepositional and case constructions, semantics of prepositions of location and space, teaching Russian at an advanced level.

Л.П. Кожевникова, Т.Ю. Репина

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ ПРЕДЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ПРОСТРАНСТВА И МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫМ УЧАЩИМСЯ

В преподавании русского языка как иностранного на продвинутом уровне предложные конструкции со значением локативности вызывают определенные сложности. Это обусловлено переходом от обучения моделям с конкретным, сенсорно подкрепленным значением к случаям абстрактного употребления, а также сфокусированностью на вариативности использования предлогов для передачи определенной семантики пространственных отношений и перемещений. Предметом анализа является семантика предлогов в составе предложно-падежных конструкций для выражения понятий пространства и местоположения. В статье отобраны и системно представлены предложные конструкции с семантикой пространства и местоположения, употребление которых характерно для русского языка, но по результатам многолетних наблюдений создает трудности для понимания англоязычными студентами, приезжающими из США и Великобритании на курсы изучения русского языка в СПбГУ. Для анализа языкового материала используется функционально-семантический подход, отличающийся приоритетом смысла над формой при рассмотрении предложно-падежных конструкций исключительно в контексте. Особый акцент сделан на конструкциях смешанного типа и выявлении вариантов толкования семантического поля предлогов, часто представляющих сложность в эмпирически ясном и достаточно определенном описании. Все случаи употребления и значение локативных предложных конструкций рассмотрены на конкретных примерах и сопровождаются характерными лексико-семантическими группами глаголов. В статье также обосновывается необходимость постоянно расширять лексический репертуар учащихся при повышении уровня преподаваемого языка, предлагается совершенствовать методику преподавания и содержание учебных программ. Предложенный разбор пространственных конструкций русского языка может стать основой для активизации и осознанного употребления локативных предложно-падежных конструкций в русской речи иностранных учащихся и акцентировать внимание преподавателей и исследователей на дальнейшем изучении данного языкового аспекта с позиции межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, предложно-падежные конструкции локативности, семантика предлогов места и пространства, преподавание русского языка на продвинутом уровне.

Teaching grammar is an indispensable part of any foreign language course. Although there are hardly any objections to accept it as a certainty, there remains an unsolved issue how grammar is to be taught to better suit the specific requirements of learners with a particular linguistic and cultural background, since the latter can significantly affect the effectiveness of the foreign language acquisition.

Considering the ways of introducing grammar, the foreign language teaching methodology offers two main approaches. One is known as the systematic-language or structural method, where phonetics, vocabulary, word formation, morphology, syntax are studied separately and in detail, and the functional-semantic one. The latter develops the idea that such semantic categories as space, time, belonging, subject, object, conditionality, modality and others exist in almost every language and they have their own, inherent in this language, modes of expression [3; p. 241]. In the structural approach, where the development and refining the linguistic knowledge comes first and foremost, learners acquire grammar forms and patterns, but they are often not able to effectively use them in their real-life communication. In contrast, teaching grammar based on functional-semantic approach focuses students' attention on linguistic form placed in context. Essential forms and natural patterns are introduced and practiced while learners are involved in communicative interactions, which in the long run can be more effective than decontextualized grammar lessons [6]. Both approaches to teaching grammar on condition that they engage some form-focused instruction can be beneficial, depending on the target language feature, characteristics of the learner and the learning conditions.

The methodology of Russian as a second or foreign language has long been actively applying the functional-semantic approach to teaching grammar. The authors' research based on the survey of the existing literature and their experience on the Russian language teaching to English-speaking students show the benefits of combining semantic knowledge and functional or communicative grammar in learning prepositional constructions of the Russian language. The findings presented in this article are aimed to prove that teaching a foreign language should not rely on automatic and uncritical copying of a specific semantic category representation only because it is believed to be correct in theory or otherwise to be perceived as universal. Moreover, when a particular grammar construction is being introduced, it requires a context-based explanation of its meaning which is adapted for the foreign, in our case English-speaking audience.

This article discusses the specifics of teaching prepositional constructions of space and location to English-speakers and highlights some difficulties that can be encountered while teaching grammar to students with the B2 level and above.

Before proceeding on to our main topic, the concept “locativity” is to be specified. In “Theory of Functional Grammar”, locativity is defined as “a linguistic representation of the semantic category representing a linguistic interpretation of the mental category of space”. [1; p. 5]. The main mode of expressing the notion of location and space is described there as “the correlation of the predicate with preposition+case and adverbial locative markers.” [1; p.5]. In this article we will focus only on preposition+case constructions. This will leave out other means of expressing locativity like adverbs, simple, compound and adverbial prepositions.

Vladimir Gak says that “spatial relations are easier to perceive than the temporal ones” [2; p. 6]. This simplicity can be attributed to the fact that in a space filled with objects one can accurately enough define their mutual spatial arrangement, i.e. determine their location. Nevertheless, when teaching how to express spatial relations by means of preposition+case verbal constructions it no longer seems so simple. Difficulties arise because it is impossible to refer learners to a definitive system of usage of prepositions, taking into account the possibility of interpretation in any system, as well as the combinability of prepositions with certain semantic groups of verbs. It should be noted that the choice of the case as an element of the locative construction does not play a significant role at the specified level of the Russian language proficiency, since most of prepositions are firmly “tied” to a particular case, and only 4 prepositions – В, НА, ЗА, ПОД – differentiate the meaning of the locative construction by means of the changing the case of the following noun. The understanding of the constructions with the latter group of prepositions is related to the opposition of expressing dynamics and statics: *бросить под диван – лежать под диваном; войти в автобус – сидеть в автобусе; спешить на работу – гореть на работе; положить руки за голову – стоять за домом.*

The classification of locative constructions has been studied extensively by the methodologists of the Russian as a foreign language. This classification is based on the principle “statics” – “dynamics”, or in simpler words «WHERE?» shows statics, «WHERE TO?» and «WHERE FROM?» shows dynamics. Stative constructions are generally associated with intransitive verbs: *Его жизнь прошла за границей.* (He spent his life abroad.) *Мы любим бродить по Невскому проспекту.* (We love to walk along Nevsky Avenue.) *Наш факультет расположен на Васильевском острове Петербурга.* (Our faculty is located on Vasiljevsky Island of St.Petersburg.)

When teaching stative constructions to students with the language level B2 and above, a tangible methodological gap has been identified. The crux of the matter is that students are offered practically the same list of verbs to make sentences as they would use at a lower level of the Russian language proficiency. Therefore, it seems essential to expand the range of verbal lexicon, which does not just continuously repeat the verbs of location such as *лежать, стоять, сидеть, висеть, находится, быть*, but introduce new verbs and verbals like *рас-*

кинуться, возвышаться, быть воздвигнутым, простирается, тянуться, and others. Of course, this will require the teacher to carefully search the dictionaries of the Russian language for new items. For students at this level, the list of verbs to make sentences should be expanded by adding verbs with the meaning «where from?». To the more common list of *вынимать/вынуть, брать/взять, снимать/снять* words with the prefix «ВЫ-» can be added: *вытащить, вырвать из тетради, выскочить*, etc.

Vladimir Gak offers one more productive way to classify particular spatial relations: “The main geometric positions are spontaneously reflected in the language forms ... The basic concepts are the point, the straight line, the circle.” [2; p. 9] The point is placed by V.G.Gak in a three-dimensional space; the line can be represented as such or as a plane, and the circle as a sphere or an arc. To explain grammar, language teachers often refer to this classification. For instance, «вокруг», «справа от», «далеко от» and some others are the type of prepositions which very accurately present the position in space. Nevertheless, it often happens that the issues quite acceptable for theoretical reasoning can require methodical interpretation and more detailed explanations for practical usage. Moreover, there are prepositions, the meaning of which refer to some other system or require a more complex geometric positioning: *Толпа побежала во все стороны.* (The crowd scattered in all directions.) It means moving from one point into different directions. *Катя бродит по поселку.* (Kate is wandering around the village.) (Does it mean in a circle or straight ahead? Or maybe it’s just a haphazard, chaotic movement.) *Мы быстро шли навстречу своим друзьям.* (We were going fast towards our friends.) Obviously this is a linear movement, but it is performed by two active participants, people by implication. There are also metaphorical usages – *Можешь ли ты идти навстречу своей судьбе?* (Can you move towards your destiny?)

Teaching Russian at the B2 level includes revision, practice, and further study of 42 prepositions. Many of them are reintroduced by adding their new meanings. Below we give a list of prepositions just for reference, so there are no illustrative examples:

вдоль+ родительный падеж (hereafter р.п.), *вокруг* + р.п., *до* + р.п., *от* + *до* + р.п., *из(о)* + р.п., *из-за* + р.п., *из-под* + р.п., *между* + р.п./творительный падеж (hereafter –т.п.), *мимо* + р.п., *от* + р.п., *от* + р.п. +к + дательный падеж (hereafter д.п.), *около* + р.п., *поперёк* + р.п., *напротив* + р.п., *с(о)* + р.п., *посреди* + р.п., *среди* + р.п., *у* + р.п., *к* + д.п., *по* + д.п., *навстречу* + д.п., *в* + предложный (hereafter п.п.)/ + винительный (hereafter в.п.), *за* + т. п./ в.п., *на* + п.п./ в.п., *о/об/обо* + в.п., *по* + д.п., *под(о)* + т.п./ в.п., *сквозь* + в.п., *через* + в.п., *над(о)* + т.п., *перед(о)* + т.п., *при* + п.п., *рядом с* + т.п., *возле* + р.п., *справа от* + р.п., *слева от* + р.п., *далеко от* + р.п. *недалеко от* + р.п., *близко от* + р.п., *неблизко от* + р.п., *вблизи от* + р.п., *в центре* [4;п. 218]

More relevant though will be to focus on some of the difficulties the topic “Constructions of Space and Location” poses to the teacher. Perhaps these reflections may seem somehow subjective, yet they are based on the empirical data, and the authors’ examples well support their conclusions.

The preposition «вдоль» is easily associated with a linear movement: *Пёс трусил вдоль ряда неприветливых серых зданий.* (The dog was trotting along the row of unfriendly looking gray houses.) However, some difficulties of perception arise when dealing with the stative constructions: *Вдоль побережья – много маленьких и дорогих магазинов.* (There are many expensive shops along the seashore.) *Он сделал бутерброд из разрезанного вдоль батона.* (He made a sandwich from a loaf of bread being cut along.)

Students tend to associate the preposition «поперёк» with the preposition «через» in dynamic constructions: *Мне пришлось идти поперёк проезжей части, так как поблизости не было пешеходного перехода.* (I had to walk across the road, as there was no pedestrian crossing

nearby.) The meaning of moving “breadthways” is not obvious to learners of Russian. Moreover, they are unfamiliar with the another connotation, which means “placing a subject or an object across the width of something resulting in occupying some space and consequently making it difficult to get around / go round”: *Огромная псина развалилась поперёк дороги, не давая пройти.* (A huge dog has stretched across the road, not allowing passing by.) *Поперёк коридора были свалены вещи, и все соседи вынуждены были перешигивать через них.* (Things were piling across the corridor, so the flat mates had to step over them on their way.) A Russian person immediately understands that some stuff is left in the way of people going along the corridor and is blocking their passage.

The preposition «по» covers an impressive variety of types of movement and location. It’s not just moving straight ahead within some sort of outlined space like *Я иду по улице.* (I am walking along the street.) *Игорь спустился по эскалатору.* (Igor moved down the escalator.) or a forward moving along a more complex trajectory *Марина с подругой гуляла по Кремлю.* (Marina with a friend was wandering around Kremlin.) It also has other meanings like 1) to spread all over the surface: *У неё сыпь по всему телу.* (She has a rash all over her body); 2) visiting many places with or without planning ahead: *Мы весь день проходили по магазинам, но так ничего и не купили* (We spent the day shopping around, but failed to buy anything.) *Волонтер ходил по квартирам, собирая подписи.* (The volunteer was going door to door, collecting votes.); 3) an arrangement of many objects on the surface: *По полу квартиры после нашего возвращения из командировки были разбросаны вещи.* (After our return from a business trip all things have been were strewn upon the floor in our flat).

Prepositions «через» and «сквозь» can be perceived as synonymous. In most cases (excluding idiomatic usage), the substitution with «сквозь» really does happen with apparent ease. 1000 examples found in the National Corps of the Russian language prove it well enough: *Партизаны прошли сквозь густой лес и вышли к пункту сбора.* (The partisans passed across/through the dense forest and arrived at the assembling point.) Nevertheless, the very existence of this preposition suggests that there are shades of meaning. For the preposition «сквозь» they are: 1) to move through some unpleasant, dirty, impenetrable obstacle. *Сквозь утренний туман ничего не было видно.* (Nothing was visible through the morning mist.) *Чтобы добраться до выхода из метро, нам нужно было пробиться сквозь толпу футбольных болельщиков.* (To get to the exit from the metro station, we had to force our way through the crowd of football fans.); 2) to be visible through a small hole *Дети пытались разглядеть льва сквозь решетку клетки.* (Children were trying hard to see the lion through the cage bars.); 3) to be visible through something transparent. *Сквозь прозрачную крышу вагона были видны крупные звёзды.* (Large stars were visible through the transparent car roof.); 4) overcoming / not being able to overcome the “absolute” obstacle. *Я не вижу сквозь стены – я не экстрасенс.* (I cannot see through the walls - I’m not a mentalist.) *Свободная пресса не могла пробиться сквозь железный занавес* (The free press could not break through the iron curtain.); 5) to be partially or incompletely visible. *Сквозь мутную воду было видно, как рыба резвиться в пруду.* (Through the muddy water one could see fish swimming gaily in the pond.) *Сквозь тонкую промасленную бумагу можно было разглядеть некоторые буквы послания.* (Through the thin oiled paper, it was still possible to make out some dim letters of the message).

Students should receive a short list of verbs indicating the difficulty of overcoming an obstacle: *пробираться/пробраться, продираться/продраться, пробиваться/пробиться, пролезать/пролезть, проникать/проникнуть*, and incomplete appearance: *проступать/проступить, проявляться/проявиться, проглядывать, просвечивать*, etc. The preposition «через» as well as «сквозь» signify a dynamic process, but not always of a linear nature. For example, «через» can sometimes mean moving in an arc. *Дети легко перепрыгивали невысокий заборчик.* (Children easily jumped over the low fence).

The preposition «из-под» in its primary meaning «where from?» meaning a linear movement from a place under something is perceived fast and easy. *Кот недовольно вылез из-под стола.* (The cat reluctantly got out from under the table.) *Из-под корпуса машины были видны только ноги механика, который её чинил с самого утра.* (From under the car just the legs of the mechanic, who has been busy repairing it since early morning, were visible). There are minor difficulties in understanding this locative construction when (1) we talk about clothes or human body parts: *Из-под его заросшей чёлки не было видно глаз.* (From under his overgrown fringe, his eyes were not visible.) *Из-под свитера виднелись рукава старой рубашки.* (From under the sweater, the sleeves of the old shirt could be seen.); (2) the sentence contains a toponym: *Масло привезли из-под Вологды.* (The butter was brought from outside Vologda). Students usually receive a number of patterns, for example, with the Russian words meaning *hair, eyebrows, glasses, a scarf, a skirt, a sweater*, etc. to analyze the meaning of the constructions.

In studying the locative constructions per se, it is impossible to avoid including into the course materials such phrases where the meaning of space and location is expanded by adding some extra meaning, thus creating mixed type constructions.

The preposition «в» with a noun in the prepositional case can create the following meanings: (1) a state/condition characteristic: *Я была в шоке.* (I was in shock.) *В горести мы все одинаковые.* (In sorrow we are all the same); (2) surface or appearance characteristics: *Все лицо её было в прыщах.* (She had pimples all over her face.); (3) process characteristics: *Ребенок плакал во сне.* (The child cried in his dream). The location and the quality semantics get combined here.

The preposition «от» with the meaning «where from?» denotes the source of appearance not only of information or objects, but also of something immaterial: *От бомжи шёл жуткий запах нечистот.* (There came a foul smell of sewage from the bum). In this sense «от» can compete with the preposition «у» with the possessive meaning, allowing for a permissible synonymy between them. *У печеных яблок был этот незабываемый запах детства.* (The baked apples had this unforgettable smell of childhood.) *От печеных яблок так замечательно пахло детством.* (The baked apples so pleasantly smelled of childhood.) The latter impersonal construction requires further study.

The preposition «при» can also indicate both a “pure” meaning of location – *При магазине была парковка.* (There was a parking lot by the supermarket.), as well as the semantics of a mixed type: *При школе была отличная волейбольная площадка.* (The school had an excellent volleyball court). In the latter sentence, the semantics of location is combined with the semantics of possessiveness.

The preposition «о/об/обо» with nouns in the accusative case denotes a place of contact with some surface when an accidental movement leads to some negative result: *Всегда я спотыкаюсь о порог собственного дома.* (I keep on tripping on/over my house doorsill.) It is the usage of the accusative case that surprises students first. Then they get impressed with a rather long list of verbs with a meaning of a negative effect caused by such kind of an accidental action: *ударяться/удариться, ушибаться/ушибиться, биться/разбиться, обжигаться/обжечься, пачкаться/испачкаться, раниться/пораниться, резаться/порезаться, спотыкаться/споткнуться, шлёпаться/шлёпнуться*, etc.

To sum up, it should be mentioned that this paper relies primarily on the authors’ insights and observations elicited from the empirical data collected while teaching prepositional collocations to English speaking students from Western Europe and the USA and should be further developed and elaborated both in theory and in methodology. The findings have led us to a relatively universal realisation that some problems in teaching the Russian language usage may be effectively dealt with if a conceptually new approach based on a better understanding of the differences in communicating the notions of space and direction in the native

(L1) and target languages (L2) is applied [5; p.XV]. Obviously, learning Russian space and location constructions cannot be limited by simply and mechanically adding prepositional patterns to language usage of students, but rather it requires conscious and graded enrichment of their lexical repertoire of verbals and nouns with the focus on their semantic meaning in the constructed prepositional collocations and colligations. Also relevant changes should be considered both in the teaching practice and curriculum development.

References

1. Bondarko A.V. Conditionality. Introductory remarks // Theory of functional grammar: Lokativity. Beingness. Possession. Conditionality. St.-Petersburg, 1996. 229 p.
2. Gak V.G. Functional-semantic field of localization predicates // Theory of functional grammar: Lokativity. Beingness. Possession. Conditionality. St.-Petersburg, 1996. P. 6-24.
3. Kozhevnikova L.P. Course of grammar on a functional semantic basis (for advanced students) // Semantic-functional grammar in linguistics and linguadidactics. Voronezh, 2016. 552 p.
4. Kozhevnikova L.P. Grammatikon. Morphological and syntactic constructions of the Russian language: A coursebook for foreigners. // L.P. Kozhevnikova, N.E. Nekora. Moscow, 2017. 304 p.
5. Dixon R.M.W. A Semantic Approach to English Grammar. Oxford Textbooks in Linguistics. Second Edition. Oxford University Press, 2005. 562 p.
6. Lightbown, P. M. & Spada, N. How languages are learned. Fourth edition. Oxford University Press, 2013. 272 p.

Библиографический список

1. Бондарко А.В. Обусловленность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб: Наука, 1996. 229 с.
2. Гак В.Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб: Наука, 1996. с.6-24.
3. Кожевникова Л.П. Курс по грамматике на функционально-семантической основе (для студентов продвинутого этапа обучения) // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и в лингводидактике: сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, посвящённая 65-летию Виктора Юрьевича Копрова. Воронежский государственный университет, 21-22 октября 2016 г. Воронеж: Изд-во «Наука-Юнипресс», 2016. 552 с.
4. Кожевникова Л.П. Грамматикон. Морфологические и синтаксические конструкции русского языка: Учебное пособие для иностранцев. // Л.П. Кожевникова, Н.Е. Некора. М.: Русский язык. Курсы, 2017. 304 с.
5. Dixon R.M.W. A Semantic Approach to English Grammar. Oxford Textbooks in Linguistics. Second Edition. Oxford University Press, 2005. 562 p.
6. Lightbown, P. M. & Spada, N. How languages are learned. Fourth edition. Oxford University Press, 2013. 272p.

УДК 373.016:811.111

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
преподаватель кафедры английской
и восточной филологии
Пантыкина Н.И.
Украина, г. Луганск, тел. +380955527210
e-mail: pantykina.natalia@yandex.ru*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The chair of English philology
and oriental languages
Lecturer Pantykina N.I.
Ukraine, Lugansk, tel. +380955527210
e-mail: pantykina.natalia@yandex.ru*

Н.И. Пантыкина

МОТИВАЦИЯ К ТВОРЧЕСТВУ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КЛАССЕ

В статье рассматривается творчество как главная составляющая при изучении английского языка в классе. Актуальность исследования подчеркивается тем, что развитие творческого потенциала учащегося является приоритетной задачей современного образования. В работе представлены виды творчества, классификации исследователей, а также мотивация в качестве основного компонента творчества. Статья содержит примеры заданий для развития навыков чтения, письма, говорения и аудирования на основе творческого подхода. Цель исследования заключается в выявлении роли такого явления, как творчество, в учебной деятельности. Предметом работы выступает творчество в качестве мотивирующего фактора в англоязычном классе. В результате исследования было выявлено, что благодаря мотивации к творчеству учащиеся с большей заинтересованностью воспринимают учебный материал и ответственно относятся к заданиям на уроке. В процессе работы были использованы следующие методы: метод анализа научных работ по проблеме творческого потенциала студентов, а также сравнительный, описательный, компонентный и трансформационный анализ, позволившие получить данные о степени использования нетрадиционных заданий на уроках по английскому языку. Результаты данного исследования могут быть применены при дальнейшей работе с мотивацией творческой деятельности в англоязычном классе.

Ключевые слова: английский язык, аудирование, говорение, мотивация, навык, образование, письмо, творчество, чтение.

N.I. Pantykina

MOTIVATING TO CREATIVITY IN THE ENGLISH LANGUAGE CLASSROOM

In this article creativity as the main component in learning English is researched. The actuality of the study is predetermined by the fact that the development of a student's creative potential is the main task of modern education. The article presents the types of creativity, the classification of researches, as well as motivation as the main component of creativity. The article contains the examples of tasks for the development of reading, writing, speaking and listening skills using a creative approach. The aim of this study is to identify the phenomenon of creativity in educational activities. The subject of the research is creativity as a motivating factor in the English-language class. The study reveals that students become more interested in learning English and doing tasks in the classroom. In the process of work the following methods were used: the method of analyzing scientific researches on the problem of the students' creative potential, as well as comparative, descriptive and transformational analysis that allowed to obtain the data on the degree of usage of non-traditional tasks at the English lessons. The results of this study can be used in further analysis of the creative activity in the English-language class.

Key words: English language, listening, speaking, motivation, skill, education, writing, creativity, reading.

За последние годы произошли значительные изменения в образовательной сфере – больше внимания уделяется качеству образования и подготовке к жизни в быстро меняющемся мире. В настоящий момент педагоги утверждают, что творчество является

важным компонентом для достижения учебных целей, поэтому одна из ключевых задач учителя – это развитие творческого потенциала учащегося.

Творчество в образовании – это не только «инструмент», используемый для мотивации учеников в процессе обучения, но также и то, что необходимо продвигать и развивать. Согласно Р. Картеру, «творчество является всепроникающей особенностью повседневного языка, а лингвистическое творчество – это не просто свойство исключительного человека, но и исключительная особенность всех людей» [4, с. 9].

Р. Штернберг выделяет шесть ресурсов творчества: интеллектуальные способности, знания, способ мышления, личность, мотивация и окружающая среда [10].

Остановимся на таком значимом ресурсе творчества, как мотивация. Мотивация является одним из ключевых «ингредиентов», когда дело касается успеха в изучении языка, и вторым по значимости компонентом после интеллектуальных способностей. Обычно она описывается как «некий внутренний толчок, который стимулирует кого-либо к тому, чтобы что-либо делать для достижения цели» [6, с. 51].

Согласно Г. Гарднеру, существует четыре аспекта мотивации: цель, усилия, стремление достичь цели и позитивное отношение к деятельности. Ученый также различает внешнюю и внутреннюю мотивацию: первая вызвана некоторыми внешними факторами, а вторая проистекает только из личностных потребностей. В случае изучения английского языка фактором внешней мотивации может быть путешествие за границу или работа в англоязычной стране, а при наличии внутренней мотивации человек оправданно изучает язык для своего культурного роста. Исследователь предполагает, что мотивация – это явный «контролер», а мотивационный процесс состоит из трех этапов. Во-первых, учитель должен создать условия, необходимые для мотивации к развитию – благоприятный психологический климат, сплоченность класса и хорошие отношения между учителем и учениками. На создании этих начальных условий работа учителя не заканчивается. Она заключается и в том, чтобы поддерживать и защищать мотивацию учащихся, поощрять положительную ретроспективную самооценку [5].

Исследователи предлагают несколько уровней мотивации для тех, кто желает выучить английский язык.

1. Первый уровень заключается в том, что обучаемый получает диплом и работает там, где знание английского языка стоит на первом месте.

2. Второй уровень касается тех, кто стремится достичь хороших результатов на экзаменах.

3. Третий уровень относится к тем, кто намерен выехать за границу или расширить уже полученные знания [5].

Существует определенная связь между творчеством и мотивацией. Так, ученые различают «творческое обучение» и «обучение творчеству». Первый термин относится к формированию заинтересованности и мотивации учащихся, в то время как «обучение творчеству» относится к развитию творческого мышления и поведения студентов. Можно сделать вывод, что творчество в классе может, с одной стороны, быть объективной целью, а с другой – «инструментом», используемым для мотивации учащихся с целью улучшить процесс обучения. «Творческое обучение» и «обучение творчеству» – это два взаимосвязанных процесса, один из которых зависит от другого. Творчество – это то, что должно быть мотивировано, и то, что используется для мотивации [7].

К. Рид выделяет семь основных предпосылок к творчеству в аудитории:

- формирование у учащихся позитивной самооценки;
- самостоятельное моделирование учебной ситуации;
- автономный выбор мероприятий;
- обсуждение вопросов, интересующих учеников;
- поощрение учащихся;

- интеграция различных дисциплин на занятиях (например, английский язык и литература);

- развитие критического мышления учащихся [8].

М. Родс предлагает рассматривать творчество с точки зрения таких его составляющих, как человек, процесс, обстановка и продукт. Человек – это тот, кто совершает творческий акт. В эту категорию входит сама личность человека, его черты характера и творческий потенциал. К процессу относится развитие творческого мышления, включающегося во время творческих действий, обучение, обдумывание и продуцирование идей при совершении творческих усилий. Обстановку иначе называют средой, климатом или способами, с помощью которых творчество поддерживается контекстом или конкретными задачами. Сюда входят психологические, педагогические и физические факторы, действующие в любом месте, где происходит обучение, в том числе в виртуальном или нетрадиционном пространстве (например, в музее или в театре). Наконец, продукт соотносят с физическим проявлением творчества, т.е. с произведением искусства, изобретением, письмом и т.д. [9].

Мы считаем, что задача учителя – дать учащемуся необходимую мотивацию к развитию своих творческих способностей, а также обеспечить непринужденную атмосферу, в которой учащийся сможет действовать, не боясь совершить ошибку. Кроме того, сотрудничество представляется нам важнее, чем индивидуальная свобода.

Изучение языка предполагает освоение четырех основополагающих видов речевой деятельности - чтения, письма, говорения и аудирования. Представим примеры творческих заданий в качестве мотивирующих элементов при обучении данным видам речевой деятельности.

Так, соотношение чтения и обсуждения стимулирует творческую деятельность в англоязычном классе. Представление альтернативных миров посредством чтения художественной литературы может помочь учащимся справиться с проекцией стратегии для их собственной жизни. Рассмотрим некоторые задания, которые помогут улучшить навыки чтения при обучении данному виду речевой деятельности:

- скимминг заключается в выборе учащимися из списка только тех заголовков, которые соответствуют заданию. Скимминг включает в себя быстрое прочтение списка и сопоставление его с темой;

- сканирование требует более медленного чтения, чтобы учащиеся могли извлечь требуемую конкретную информацию;

- предсказание: ученики предсказывают, как будут развиваться события в тексте и что, вероятно, писатель скажет дальше;

- интенсивное чтение обычно используется в более короткое время, когда учащиеся читают текст, чтобы найти некоторые подробности;

- обширное чтение заключается в свободном чтении текста для понимания информации в целом.

Такой вид речевой деятельности, как письмо, также можно творчески преподнести учащимся. Например, с целью увеличения словарного запаса и развития навыков письма вместо традиционных эссе или коротких сочинений целесообразно использовать написание сценариев. Согласно П. Арджентини, сценарий – это документ, в котором каждый звуковой, визуальный, поведенческий и языковой элемент необходим для того, чтобы рассказать историю. Таким образом, студенты визуализируют историю, которую они хотят написать, исходя из своего опыта или воображения [2].

Говоря о данном виде творческого письменного задания, С. Аль-Алами предполагает, что работа студентов начинается с порождения идеи, которую они затем выводят в действие, в диалог, в сцены. Ученики визуализируют историю с помощью сценария, в который они могут превратить простое предложение или идею. Чтобы практико-

вать написание сценария в классе, студентам необходимо посмотреть фильм, а затем прочитать некоторые его сцены, далее подчеркнуть или ограничить неизвестную лексику – таким образом происходит освоение грамматики и новых слов. В конце студенты пишут сценарий какой-либо сцены фильма и сдают работы на проверку учителю [1].

Что касается говорения, то мы считаем, что использование рисования помогает раскрыть творческий потенциал каждого учащегося. Студенты рисуют то, что они хотят, и объясняют свой выбор. После того, как эта часть работы выполнена, необходимо создать историю. Обучающиеся имеют возможность поделиться своими историями с другими и оценить свои собственные, то есть идет процесс с обратной связью. Студенты положительно реагируют на такую деятельность широким, поскольку все они хотят создавать, рисовать и говорить. Таким образом, речь идет о большей автономии при создании собственных рисунков и завоевании доверия при коммуникации со своими сверстниками.

При обучении навыкам аудирования одним из творческих заданий является диктокомп – режим кооперативного обучения. Для данного вида работы учителю необходимо выбрать короткий текст, подходящий для учеников (приблизительно пять предложений). Перед этим следует подготовить их к восприятию текста, выполнив следующие шаги:

- сосредоточить внимание на теме (например, путем «мозгового штурма» или прогнозирования с изображения);
- объяснить необходимые слова и выражения;
- убедиться, что ученики понимают задание [11].

Далее учитель читает текст на обычной скорости, пока студенты просто слушают. Затем текст читается снова с нормальной скоростью, но с паузами между предложениями, в то время как студенты записывают ключевые слова и содержание. Задача учащихся заключается в том, чтобы записать текст, который они слышали. Поскольку они не могут запомнить каждое слово, им нужно будет использовать свои знания языка для выполнения поставленной задачи. В самом конце дается время, чтобы продолжить текст; это может быть собственное видение последующего развития истории.

По нашему мнению, после работы по развитию различных видов речевой деятельности студентам можно предложить самостоятельно придумать задания по выработке навыков говорения, чтения, письма или аудирования. Создавая свои собственные игры, студенты в большей степени оказываются вовлечены в процесс изучения языка и становятся более мотивированными, чем раньше. Автономия учащихся – это одна из главных задач в овладении иностранным языком.

Педагоги заверяют, что благодаря учебному использованию творчества при обучении английскому языку появилось много «прозрачных», доступных видов деятельности, и ученики испытали новые методы обучения, чтобы больше рассказать о себе. Сначала студенты участвовали неохотно, но позже положительно отнеслись к данным методам. Вклад студентов в занятие обеспечивал получение ими яркого творческого опыта. Сталкиваясь со сложными задачами и необходимостью соблюдать правила английского языка, ученики проявляли свой творческий потенциал [11]. Таким образом, творчество – это явление, которое становится для учителя и для учеников облегчающим фактором в учебной деятельности. Оно играет важную роль в процессе изучения языка, в основном как «инструмент» для успешного овладения иностранным языком. В свою очередь, учащиеся с большей заинтересованностью воспринимают учебный материал и ответственно относятся к заданиям на уроке. Поэтому создание профессиональной среды, позитивной психологической атмосферы и предоставление возможности для саморазвития позволит повысить интерес к формированию концепта «творческого обучения» в англоязычном классе. Тем самым, в настоящее время направленность на творческое обучение является важным принципом для решения профессиональных проблем и развития познавательных умений.

Библиографический список

1. Al-Alami S. Utilising fiction to promote English language acquisition / S. Al-Alami. Newcastle, UK: Cambridge Scholars Publishing. P. 203-219.
2. Argentini P. Elements of style for screenwriters: The essential manual for writers of screenplays / P. Argentini. Los Angeles, 1998. 176 p.
3. Avila H.A. Creativity in the English class: Activities to promote EFL learning / H.A. Avila. HOW, 2015. P. 91-103.
4. Carter R. The Cambridge Guide to Teaching English to Speakers of Other Languages / R. Carter, D. Nunan // Cambridge University Press, 2001. 294 p.
5. Gardner H. Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences / H. Gardner. New York: Basic Books, 1983. 440 p.
6. Harmer J. The Practice of English Language Teaching / J. Harmer. Longman, 2001. 384 p.
7. Morris W. Creativity – Its Place in Education / W. Morris // Future Edge Ltd based in New Plymouth, New Zealand, 2006.
8. Read C. Seven Pillars of Creativity in Primary ELT. / C. Read // Creativity in the English Language Classroom. In: Maley, A. & Peachey, N. (Eds.), 2015. P. 29-37.
9. Rhodes M. An analysis of creativity / M. Rhodes // Phi Delta Kappan, 42 (7), 1961. P. 305-310.
10. Sternberg R. The Nature of Creativity / R. Sternberg // Creativity Research Journal, vol. 18, no. 1, 2006. P. 87-98.
11. Wajnryb R. The Dictogloss Method of Language Teaching: A Text-based, Communicative Approach to Grammar / R. Wajnryb. English Teaching Forum. 26 (3). P. 35-38.

References

1. Al-Alami S. Utilising fiction to promote English language acquisition / S. Al-Alami. Newcastle, UK: Cambridge Scholars Publishing. Pp. 203-219.
2. Argentini P. Elements of style for screenwriters: The essential manual for writers of screenplays / P. Argentini. Los Angeles, 1998. 176 p.
3. Avila H. A. Creativity in the English class: Activities to promote EFL learning / H.A. Avila. HOW, 2015. Pp. 91-103.
4. Carter R. The Cambridge Guide to Teaching English to Speakers of Other Languages / R. Carter, D. Nunan // Cambridge University Press, 2001. 294 pp.
5. Gardner H. Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences / H. Gardner. New York: Basic Books, 1983. 440 p.
6. Harmer J. The Practice of English Language Teaching / J. Harmer. Longman, 2001. 384 p.
7. Morris W. Creativity – Its Place in Education / W. Morris // Future Edge Ltd based in New Plymouth New Zealand, 2006.
8. Read C. Seven Pillars of Creativity in Primary ELT. / C. Read // Creativity in the English Language Classroom. In: Maley, A. & Peachey, N. (Eds.), 2015. Pp. 29-37.
9. Rhodes M. An analysis of creativity / M. Rhodes // Phi Delta Kappan, 42 (7), 1961. Pp. 305-310.
10. Sternberg R. The Nature of Creativity / R. Sternberg // Creativity Research Journal, vol. 18, no. 1, 2006. Pp. 87-98.
11. Wajnryb R. The Dictogloss Method of Language Teaching: A Text-based, Communicative Approach to Grammar / R. Wajnryb. English Teaching Forum. 26 (3). Pp. 35-38.

УДК 81'139

*Национальный фармацевтический
университет
старший преподаватель
кафедры гуманитарных наук
Цыганенко В.В.
Украина, г. Харьков, тел. +380 63 7467838
e-mail: arev_tsyganenko@ukr.net*

*National Pharmaceutical University
The chair of liberal arts
Senior teacher
Tsyganenko V. V.
Ukraine, Kharkov, +380 63 7467838
e-mail: arev_tsyganenko@ukr.net*

В.В. Цыганенко

МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ РЕФЕРАТА-ОБЗОРА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА СТАРШИХ КУРСАХ

Работа посвящена применению методики составления реферата-обзора при обучении иностранных студентов русскому языку на старших курсах. С помощью методов сопоставления, сравнения и обобщения достигаются результаты составления продуктивного обзорного реферата по нескольким первоисточникам. При сравнительном чтении выделяется главное в текстах, улавливается проблематика утверждений, даётся оценка авторской позиции при ознакомлении с различными мнениями по одному и тому же вопросу, сравнивается весомость и доказательность аргументов, делается вывод о наибольшей убедительности той или иной позиции. Формируется умение сознательного употребления соответствующих клишированных конструкций, что позволяет отражать индивидуальное восприятие авторских текстов в ходе анализа прочитанного. В результате моделирования нового самостоятельного текста по интересующей тематике иностранные студенты обучаются аргументации и продуцированию на иностранном языке, описанию проведенных наблюдений, опытов, практического применения лекарственных препаратов в конкретном аспекте действия. Полученные результаты обсуждаются и находят практическое использование в самостоятельной реферативной деятельности, при написании курсовых работ, докладов для студенческих научных конференций. Предложенная система заданий позволяет проводить анализ и описание сходных и различных точек зрения в первоисточниках, определять особенности средств и методов у авторов публикаций, выражать собственное мнение по изучаемым вопросам в текстах статей фармацевтической тематики.

Ключевые слова: обучение, обзорное реферирование, иностранные студенты, методы сопоставления, сравнения и обобщения, сравнительное чтение, индивидуальное восприятие авторских текстов, сознательное употребление соответствующих клишированных конструкций, фармацевтическая тематика, научные статьи, развитие умений реферирования.

V.V. Tsyganenko

THE METHODS OF MAKING A REVIEW IN THE PROCESS OF TEACHING FOREIGN STUDENTS RUSSIAN LANGUAGE AT SENIOR COURSES

The work focuses on the application of methodology of review writing whilst teaching foreign students Russian language at senior courses. Using the methods of comparison, correspondence and summarizing, the results are achieved in compilation an abstract based on several sources. In the process of comparative reading the main point is highlighted in the texts, the problems of the statements are captured, the author's position is esteemed while studying different opinions on the same issue, the importance and the evidence of the arguments are compared, the conclusion is made about the persuasiveness of this or that position. The ability of conscious usage of the corresponding clichéd constructions is formed, which allows to reflect the individual perception of author's texts during the analysis of the texts read. As a result of modeling a new individual text on the subject

interesting them, foreign students gain the skills of argumentation, production a text in a foreign language, the description of the observations, experiments, practical use of drugs in a particular aspect. The results are discussed and find its practical use in the abstract writing whilst completing term papers and reports at student scientific conferences. The proposed system of tasks allows to analyze and describe the similar and different points of view in the sources, to determine the specificity of means and methods used by the authors of the publication, to express their own opinion on the issues studied in articles on pharmaceutical topics.

Keywords: training, overview summarization; foreign students; mapping methods, comparison and synthesis; comparative reading, individual perception of the author's texts, conscious usage of the corresponding clichéd constructions, pharmaceutical topics, scientific articles, development of summarization skills.

В ходе обучения русскому языку на 3 курсе иностранные студенты Национального фармацевтического университета (НФаУ) формируют умения и навыки по написанию репродуктивных (реферат-конспект) и продуктивных (реферат-обзор) типов реферата. На 4 курсе происходит также овладение навыками написания реферата-резюме. Целью настоящей статьи является рассмотрение методики составления реферата-обзора при обучении иностранных студентов русскому языку на старших курсах в продолжение цикла статей, посвященных реферативной деятельности [1, с.73-78].

К концу XX века обучение реферированию в методике научного стиля речи получило достаточное распространение в работах А.Н. Бахтиной, Д.Д. Ворониной, В.В. Добровольской, А.Н. Барыкиной, Н.М. Лариохиной, З.А. Федотовой, А.К. Демидовой, Н.И. Колесниковой и др. авторов [2]; были рассмотрены структура реферата-обзора и лексико-грамматические клише при его составлении [3, 4, 5], последовательность оперативных действий при работе с несколькими первоисточниками с целью составления реферата-обзора по интересующей тематике [6].

В практике обзорного реферата используются методы сопоставления, сравнения и обобщения, последовательно излагается содержание работ на общую тему, проводится анализ и описание сходных и различных точек зрения в первоисточниках, определяются особенности средств и методов у авторов публикаций. Каждая статья, с точки зрения развития общей темы, представляет собой отдельную микротему. Задача референта – рассмотреть решение общей проблемы у авторов первоисточников с позиции взаимодополнения/ противопоставленности микротем. Предложенная система заданий позволяет иностранным студентам старших курсов проводить анализ и описание сходных и различных точек зрения в первоисточниках, определять особенности средств и методов у авторов публикаций, выражать собственное мнение по изучаемым вопросам в текстах статей фармацевтической тематики. На кафедре гуманитарных наук НФаУ совершенствуется ранее изданное «Пособие по научному стилю речи», в рамках которого на материале актуальных учебных текстов формируются навыки и умения, необходимые для составления рефератов-обзоров [7, с. 207-254], что обеспечивает:

- возможность самостоятельно выделить, трансформировать, минимизировать ряд первоисточников при изучении конкретной темы;
- гарантию подготовки к профессиональной коммуникации с применением базовой русской лексики и грамматики;
- успешные результаты итогового модуля в конце шестого семестра обучения и отсроченного квалификационного экзамена «Крок».

Рассмотрим в соответствии с указанной методикой теоретические вопросы и практические задания, содержащиеся в учебном пособии нашей кафедры [7, с. 233-254]. К некоторым **теоретическим вопросам** относятся следующие:

- Что такое реферат-обзор? Какие методы работы с прочитанной информацией используются в нём?

- Как составляется тема реферата-обзора при чтении нескольких первоисточников, объединённых общей темой?

- Каков алгоритм работы при выделении нужной информации из первоисточников при составлении реферата-обзора?

- Что следует включать в композицию реферата-обзора?

- Как надо составлять план-структуру реферата-обзора?

- Какие три аспекта информации следует обязательно указать во вступительной части реферата-обзора?

- С помощью каких клише можно формулировать общие черты препарата в указанном аспекте действия?

- Какие клише используют для формулировки общего мнения авторов в отношении снятия симптомов указанного заболевания с помощью препарата ... N ?

- В чём расходятся во мнениях авторы прочитанных текстов? Какие клише помогут это сформулировать?

- Какие лексико-синтаксические конструкции используются при сравнении действующих веществ/ предметов/ препаратов по признаку сходства и отличия? - и др.

В ряду **системы письменных заданий** отметим следующие:

- внимательно прочитайте тексты T_1, T_2, \dots ; сформулируйте общую тему на основании их заголовков (определите будущую тему реферата-обзора);

- сформулируйте три предложения во вводной части реферата-обзора с указанием на: суть/актуальность выбранной темы (препарата) для решения проблемы (лечения заболевания) по названиям прочитанных первоисточников, применяемые в реферате-обзоре источники информации, проведенные клинические исследования их авторов как аргумент;

- выпишите фамилии и инициалы учёных, занимавшихся решением данной проблемы, обращая внимание на место работы авторов и условия проводимого эксперимента (применения препарата выбора для лечения конкретного заболевания) в стационаре;

- проанализируйте введение, основную часть и заключение в первоисточниках; продумайте план-схему будущего реферата-обзора в соответствии с композицией первоисточников;

- составьте план-схему обзорного реферата для его написания по выбранной теме;

- в каждом из текстов T_1, T_2, \dots выделите смысловые части и определите, какие из них войдут в реферат;

- определите базовый текст, который даст языковые средства и основную информацию для реферата-обзора;

- выделите дополняющую базовую информацию во втором тексте-первоисточнике T_2 ;

- отметьте нужную для реферата-обзора повторяющуюся информацию во всех анализируемых первоисточниках; при наличии повторения в нескольких текстах оставьте тот вариант, где основная информация выражена более полно и чётко, компрессивными средствами;

- в каждой из отобранных смысловых частей выделите предложения с основной информацией и запишите их в компрессивной форме; при отсутствии готовой формулировки сделайте её самостоятельно;

- вместо пропусков в данных предложениях используйте соответствующие вводные клише; запишите полученную информацию;

- сравните описание фармацевтического действия препарата N в двух/трёх текстах; продолжите начатую фразу и сформулируйте общие черты препарата N в указанном процессе:

По свидетельству авторов двух/трёх прочитанных текстов, используемый в лечении препарат N обладает (каким действием?), обеспечивает (что?), способствует (чему?);

- прочитайте отрывок текста T₁. Отметьте, какую дополнительную информацию, по сравнению с текстом T₂, даёт T₁ в отношении использования препарата N в указанном аспекте лечения. Продолжите начатую фразу:

По сравнению с более ранней редакцией в тексте T₁, авторы текста T₂ в качестве важного дополнения к описанному действию N указывают на то, что препарат N оказывает не только (какое действие?) ..., но и (какое действие?) ..., что связано (с чем?) ... ;

- прочитайте описание фонового физиотерапевтического воздействия (где?) в во время применения препарата N в двух текстах. Сформулируйте и опишите применение препарата в комплексном лечении (чего? ... с какими осложнениями?)

По данным авторов двух текстов, препарат N применялся (где?) ... (как?) ... на фоне проведения (какого лечения?) ..., включавшего в себя (что?) ...;

- на основании выводов, прочитанных в текстах-первоисточниках, сформулируйте общий вывод по теме реферата-обзора, обратив внимание на авторскую оценку эффективности действия препарата N, наличие/отсутствие побочных эффектов. Начните формулировку вывода с клише:

В заключение авторы выразили единое мнение в отношении эффективности использования (чего?) ... в курсе лечения (чего? каких заболеваний? у кого?) ... Вместе с тем авторы текста T₂ отметили, что препарат N имеет (какой эффект?) ... (на что?)..., улучшает ... (какие функции?) ..., подчеркнули эффективность использования ... в качестве медикаментозного дополнения (чего?) ... Кроме того, исследователи отметили, что препарат улучшает (что?) ..., в то время как авторы текста T₁ указали на эффективность применения (какого препарата?), в лечении (кого? с какими заболеваниями? с чем?) ...;

- объедините полученные фрагменты в соответствии с составленным планом реферата-обзора.

Таким образом, разработанная на кафедре гуманитарных наук НФаУ методика изучения теоретических вопросов при подготовке к шестому модулю, а также система рассмотренных практических заданий при написании обзорных рефератов учит самостоятельно извлекать, перерабатывать, компрессировать научную информацию нескольких первоисточников в связи с изучением конкретной темы; формирует умение сознательно употреблять соответствующие клишированные конструкции, позволяющие отражать индивидуальное восприятие авторских текстов в ходе анализа прочитанного. В результате моделирования нового самостоятельного текста по интересующей тематике иностранные студенты 3 курса обучаются аргументации и продуцированию на иностранном языке, описанию проведенных наблюдений, опытов, практическому применению лекарственных препаратов в конкретном аспекте действия. Полученные результаты обсуждаются и находят практическое использование в самостоятельной реферативной деятельности, при написании курсовых работ, докладов на студенческих научных конференциях, готовят к дипломным проектам, будущей аспирантуре – везде, где требуются навыки и умения осознанной, доказательной научной подготовки.

Библиографический список

1. Цыганенко В.В. Реферирование: наилучший путь к изучению научной информации // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-

строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Вып. №2 (21), 2016. С. 73 – 78.

2. Бей Л.Б. Стратегия и тактика обучения иностранных студентов реферированию [Электронный ресурс] / URL: <http://uapryal.com.ua/training/bey-l-b-strategiya-i-taktika-obucheniya-inostrannyih-studentov-referirovaniyu>

3. Барыкина А.Н., Бурмистрова И.П., Добровольская В.В. Пособие по развитию навыков письменной речи / А.Н. Барыкина, И.П. Бурмистрова, В.В. Добровольская. М.: Рус. яз., 1978. 192 с.

4. Бей Л.Б. Реферирование по-русски: учеб. пособие для иностр. студентов филолог. профиля / Л.Б. Бей. Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2010. 188 с.

5. Демидова А.К. Пособие по русскому языку. Научный стиль. Оформление научной работы: учеб. пособие / А.К. Демидова. М.: Рус. яз., 1991. 201 с.

6. Реферирование научного текста: Методические рекомендации по курсу «Русский язык и культура речи» / Сост.: А.В. Бастриков, Е.М. Бастрикова. Казань: Казанский гос. ун-т, 2005. 28 с.

7. Пособие по научному стилю речи для иностранных студентов 3-4 курсов медико-фармацевтического профиля / Н.Н. Филянина, В.В. Цыганенко, Т.В. Крысенко и др. Харьков: НФаУ, 2011. 424 с.

References

1. Tsyganenko V.V. Referencing: the best way to the study of scientific information // Scientific Bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series "Linguistics and Intercultural Communication". Vol. №2 (21), 2016. P. 73 - 78.

2. Bey L.B. Strategy and tactics of training foreign students to reference [Electronic resource]. URL: <http://uapryal.com.ua/training/bey-l-b-strategiya-i-taktika-obucheniya-inostrannyih-studentov-referirovaniyu>

3. Barykina A.N., Burmistrova I.P.; Dobrovolskaya V.V. A course book on the development of writing skills / A.N. Barykina, I.P. Burmistrova, V.V. Dobrovolskaya. Moscow, 1978. 192 p.

4. Bey L.B. Referencing in Russian: a course book for foreign students of philol. profile / L.B. Bey. Kharkov: National University named after V.N. Karazin, 2010. 88 p.

5. Demidova A.K. A course book on Russian language. Scientific style. Making research / A.K. Demidova. Moscow, 1991. 201 p.

6. Referencing of scientific text: Guidelines on the course "Russian language and culture of speech" / Comp. by A.V. Bastrikov, E.M. Bastrikova. Kazan State University, 2005. 28 p.

7. Textbook on scientific style of speech for foreign students of 3-4 years of medical and pharmaceutical profile / N.N. Filyanina, V.V. Tsyganenko, T.V. Krysenko etc. Kharkov: National Pharmaceutical University, 2011. 424 p.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 82

*Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет
им. И.И. Мечникова
канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка Белова А.В.
Россия, г. Санкт-Петербург,
тел. +79119447714,
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com*

*St.-Petersburg State Medical University
named after I.I.Mechnikov
The chair of Russian language
PhD, assistant professor
Belova A.V.
Russia, Saint-Petersburg, +79119447714,
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com*

А.В. Белова

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА ЧЕХОВА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ

Интересным и ценным материалом для исследования языковой личности представляются, на наш взгляд, тексты писем. Данная статья посвящена исследованию личности писателя Александра Павловича Чехова (старшего брата Антона Чехова) – писателя, беллетриста, репортёра газеты «Новое время». В качестве материала исследования взяты письма, адресованные брату Антону Чехову и написанные в период с 1875 по 1904 гг. В своих письмах Александр Чехов проявляет себя как талантливый, даже экстравагантный в языковом смысле, высокоэрудированный человек, которому интересно всё и вся. Его эпистолярным присущи такие признаки, как исповедальность, эстетичность, блестящая языковая игра, юмор, шутка и перфоманс. Душевный мир Александра Павловича Чехова наполнен мучительными размышлениями, попытками найти баланс между долгом и внутренними потребностями полной творческой и человеческой реализации. Он добр и нежен, порою ведет себя как ипохондрик, открыт и глубок, но таким он раскрывается только в письмах к брату Антону Чехову, с которым у него сложились искренние и доверительные отношения, которые украсили, думается, жизнь обоих братьев. Письма Александра Чехова оценивались самим Антоном Павловичем как блестящие импровизации и приравнивались им к талантливым литературным произведениям. Они демонстрируют личность незаурядную, эмоциональную, глубоко чувствующую, безусловно талантливую в литературном плане.

Ключевые слова: письмо, личность, эпистолярный жанр, Александр Чехов.

A.V. Belova

ALEXANDER CHEKHOV'S LETTERS IN CONTEXT OF RESEARCHING OF THE WRITER'S IDENTITY

In our opinion, texts of letters can be interesting and valuable material for a research of the language personality. This article is devoted to a research of the identity of the writer Alexander Pavlovich Chekhov (the elder brother of Anton Chekhov), the writer, the fiction writer, the reporter of the Novoye Vremya (New Time) newspaper. The letters addresses to his brother Anton Chekhov which have been written in the period from 1875 to 1904 are taken as the research material. In his letters Alexander Chekhov proves to be talented, even extravagant in language sense, the high-erudite person to whom everyone and everything is interesting. His letters possess such features as sincerity, esthetics, brilliant language game, humour, joke and performance. The inner world of Alexander Pavlovich Chekhov is filled with painful reflections, attempts to find balance between his duties and internal requirements of full creative and human realization. He is kind and gentle, open and deep, sometimes behaves as a

hypochondriac, but this is revealed only in letters to his brother Anton Chekhov with whom he had had sincere and confidential relations which enriched the life of both brothers. Alexander Chekhov's letters were estimated by Anton Pavlovich as brilliant improvisations and equated by him to talented literary works. They show the personality that is extraordinary, emotional, deeply feeling and certainly talented in literary respect.

Keywords: letter, personality, epistolary genre, Alexander Chekhov.

Сохранившаяся переписка Александра Павловича Чехова с братом Антоном Павловичем Чеховым обширна и насчитывает порядка 500 писем. Чаще всего тексты писем Ал.П. Чехова – это откровенный монолог, для них характерна особая исповедальность. Эпистолярные тексты Александра Чехова демонстрируют искреннее выражение чувств, глубоких порывов души: «Что ни день, то огорошивание, и конца не предвидится. Прожил жизнь, не живя» [1, с. 511]; «Возьми на себя труд проследить мою жизнь. Что она дала мне? До 20 лет порка, замки <...> лавка, прогулка в казенном саду, как именины, как благостыня, ниспосланная откуда-то свыше. Студенческие годы – запуганность, вечный страх III Отделения <...> Шатанье с факультета на факультет и полное незнание жизни. Строгий запрет дома, свобода шататься по Москве, Газенбаум, Марья Францевна, Каролина, пивные экскурсии, братья Третьяковы и т.д. и, наконец, – естественник, основательно изучивший химию, никому не нужный... Далее – таможенная служба. Но перед ней ещё попытка стать на литературную почву в «Зрителе». Здесь – голодающий орден Анны на шею. Обманутые надежды Палогорчей, незаконно-живущие, Мося, мои радости, её смерть, сумасшедшая поездка на Кавказ и слепота. Последнее ты знаешь. Вся жизнь была не для себя. Годы ушли» [1, с. 539].

Александр и Антон Чеховы были связаны трогательной дружбой, искренними и глубокими отношениями, понимали, чувствовали и ценили друг друга, поэтому их эпистолярные тексты наполнены откровенными признаниями, сочувствием и поддержкой: «Что ты работать не в состоянии – этому я верю. Тебе жить надо, а не работать. Ты зарабатался» [1, с. 464]; «Расходы теперь у меня гигантские и вызывают усиленную работу. Сплю я мало, волнуюсь и пишу много, смотрю на мир обалдело и в общем чувствую себя переутомленным. Празднику не рад» [1, с. 521]; «Ты пишешь, что ты одинок, говорить тебе не с кем, писать некому... Глубоко тебе в этом сочувствую всем сердцем, всею душою, ибо я не счастливее тебя» [1, с. 463]; «Не люблю я писать по заказу, а вдохновение не всегда под рукою. Надеюсь, поймёшь. Мне тоже болтать по душе возможно только с тобою и отделяться сочиненным письмом кажется нехорошо [1, с. 470]; «Брате! Не жди от этого письма логики. Моя мысль теперь глубоко-тоскливо слоняется без толку под моим глупым черепом точно так, как и я сам нелепо мечусь из угла в угол. Пишу я тебе теперь потому, что достаточно одеревенел для того, чтобы писать. До этого одеревенения я едва мог написать телеграмму. Я истерзался и поглупел, а посему и не суди строго <...> Мося ещё жива (дочь Ал.П. Чехова – А.Б.) <...> В выздоровление может поверить только тот, у кого нет глаз. Я не верю и давно уже мысленно похоронил ту Моську, которая смеялась, когда-то шла ко мне на руки и разумно говорила лично мне «папа» <...> Чувствую, что что-то большое, сильное, жизненное оторвалось у меня в груди надолго и залегло там тяжестью, превращающей меня в манекен и притупляющей мои нервы» [1, с. 354-355]; «Прочёл я, друже, твое последнее письмо о твоём оравнодушии. Жалко, Антоша, очень жалко, да что же поделаешь? Судя по себе, я думаю, что это событие случилось очень рано. Но ведь мы, дети Палогорча, спешим почему-то жить против воли и силою судеб седем нравственно скорее, чем следует» [1, с. 643] (из писем к брату Антону Чехову).

Авторы переписки используют целую гамму языковых средств, демонстрируя тем самым характер своих взаимоотношений. Как нам кажется, каждое из перечисленных средств несет в себе кроме интенции и прагматического эффекта еще и эмоциональный

заряд. Особенно это касается жанра шутки, поскольку часто за шуткой братья Чеховы, не желая травмировать друг друга, скрывают глубокие переживания, а обычная для них пикировка позволяет придать общению яркую индивидуальность и остроту, проявить великолепное владение родным языком и не только им, о чем свидетельствует использование в письменной речи латинских, немецких, французских, итальянских, украинских слов и выражений. В эпистолярных текстах много кодовых слов, понятных только братьям Чеховым что свидетельствует о существовании общего для них языка, сложившегося на протяжении совместной жизни и общения. Свободная форма дружеского письма, не ограниченная никакими рамками, использование ругательств и низкой лексики, языковая игра – все это возможно только в письме к очень близкому человеку, какими и являлись друг для друга Александр Павлович и Антон Павлович Чеховы.

Особенно примечательно в этой связи использование стилистически сниженной лексики и ругательств, поскольку лишь в письме к очень близкому человеку, в восприятии и реакции которого точно уверен, можно себе позволить употребить «крепкое слово». Безусловно, ругательства или грубые слова дают возможность автору точнее выразить свое отношение к тому или иному событию, играют роль эмоционального клапана, с помощью которого адресант снимает эмоциональное напряжение, возникшее в процессе коммуникации или вне ее. Употребление сниженной лексики может происходить и по другим причинам. Например, если адресант, близко зная адресата, хочет подбодрить или успокоить его, помочь снять стресс, разрядить ситуацию или настроение, то использование ругательства или грубого слова демонстрирует желание автора быть вне статуса, равным, своим. Это помогает сблизиться, создать ту самую интимную интонацию, к которой стремится адресант.

При исследовании текстов писем Ал.П. Чехова к А.П. Чехову нам удалось сделать следующие выводы о способах формирования интимной тональности писем:

1) особые (интимные) формы обращений и подписей (с использованием притяжательный местоимений), демонстрирующие существование обоюдного кода, который образовался в процессе взаимоотношений (*Самаркандский гейним (гений - А.Б.), Душенька, Владыко, Твой 33 моментально, Палгорч (образование от имени отца братьев Чеховых – Павла Егоровича – А.Б.) и др.*);

2) элементы языковой игры и стилизаций (*гейним, завселды (всегда – А.Б.), сейчас, муцина, ходють, почто, цастливый (счастливый -А.Б.), зацем и др.*)

3) фразеологизмы, образные и устойчивые выражения, частично перефразированные для придания индивидуальности высказыванию (*не пишешь, как будто подержал пари; твоя благодарность мне не по рылу и др.*);

4) ругательства и стилистически сниженная лексика (*черт тебя знает; не такая тля, как ты; твое поганое письмо; брешут сучи бабы и др.*);

5) модальные (оценочные) слова и выражения (*что за безобразие; я рад; я очарован и др.*);

6) иностранные слова и выражения (*nocheinMal, sic, apropos, tuus, addio, дюже, тилько, було, bonjour, journaldeS.- Petersbourg и др.*); отдельно стоят выражения на украинском языке («Виздоровіть или памреть дите?», «дурень думкой богатіе»)

7) слова и выражения, которые свидетельствуют о наличии общего опыта отношений, единого кодированного языка, с помощью которого происходит отсыл к совместному прошлому и выражение чувств и мыслей автора письма (*Значит не папаше и мамаше кушать нада, а мне; Ты сидишь, сложил ручки и нюнишь, как Гершка (собака-А.Б.), когда его во сне кусают блохи; Я начинаю узнавать в тебе ученика V класса, который не мог бы, а уже может лучше и др.*);

8) а также шуточные высказывания, облеченные, в свою очередь, в жанровую оболочку.

Эпистолярные Ал.П. Чехова демонстрируют нам необыкновенный юмористический талант этого человека. Особую яркость и живость письмам Александра Чехова придают языковая игра, ирония, сарказм, шутка: «Бонжур, шер Антоан! Каман ву портеву? Еонплеман де ла ма фам е де муа. Ментенам же сюи сюр ке вуз ем (Здравствуй, дорогой Антон! Как дела? Поклоны от жены и от меня. Теперь я уверен, что люблю тебя. Ваш брат (искаж.фр.) [1, с. 696]; «Пока я пишу эти строки, кто-то поднял вопрос о том, чтобы отслужить товарищескую панихиду по Дьякове. Не откликнулся никто... Sic, братец ты мой... Алала туруру, ачи тпру ндры чха. Твой Гусев («“Гусев” — одно из излюбленных обращений братьев друг к другу и самоназвание” Александра» [2, с. 24]; «Гусев» - название рассказа А.П. Чехова – А.Б.) [1, с. 697]; «Злочестивый брат мой Агафанафанафаангел (возможно образовано от одного из многих псевдонимов Александра Чехова – Агапофода Единичина – А.Б.)! Склони свою гордую выю и со смирением прими благословение от старшего своего брата, сподобившегося побывать на Валааме и только что возвратившегося оттуда. Целуй благословляющую тя десницу, исполнился благодарения<...>Ладожское озеро – это такая проклятая толчея, такая бурная лоханка, что едучи по ней, проклянешь родивших и создавших тя ... Бурлит 13 месяцев в году и жалеет, что нет 14-го месяца. Дал бы Бог рога – забодало бы весь мир. Азовские и Черноморские бури сильны, но не так глупы» [1, с. 448]; «И я буду пописывать что-нибудь вроде «О скотолечении водолечением при процветании картофелепроизрастания, или До святого духа не снимай кожуха» [1, с. 288]; «Где прикажете поставить оглавление – впереди или сзади книги?» [1, с. 451]; «Написал приличную статью и отдал ее Шубинскому для «Исторического вестника». Ежели она окажется годною, то я некоторым образом сошью себе новые штаны, а старые пришлю тебе, по милосердию моему, с дозволением донашивать их» [1, с. 642].

Можно выделить специфические эпистолярные приемы, в которых проявляется языковая личность писателя:

- выражение личного мироощущения автора, демонстрирующее отношение, новый смысл, которые придаются известной ситуации (у Ал.П. Чехова: *Никак не могу отделать так, чтобы почувствовать, что выполнил то, что задумал; Сюжет я взял не по силам; Моя пьеса - нечто в роде наказания за грехи*);

- особая манера обращения к адресату, которая показывает степень близости и глубину отношений, свойственна большинству текстов переписки (*Друзе, Чехов I* (Александр Чехов в шутку подчеркивал своё старшинство, хотя и признавал Антона Павловича более талантливым и известным писателем – А.Б.) *и пр.*);

- употребление в речи различных элементов словесного художественного творчества: стилизации, цитирования, метафор и пр. (*Почто, о дружбе молчишь и вселяешь недоумение в любящих тя? Посему воспрями черкни хотя известие о своем здравии, которое, к слову сказать, мнится мне не добрым быти; Получил твое письмо. Оно делает честь твоему благородному сердцу; Ты - цапливый, Антоса, зацем, дивевиня имесь!*) (стилизация под церковно-славянский язык, вероятно, из детства мальчиков, вынужденных участвовать в церковной жизни под руководством отца - А.Б.);

- использование фразеологизмов, выполняющих в эпистолярном тексте экспрессивно-оценочную функцию (*Он отколол такую штуку; Счастья - хоть отбавляй; Ничего и нигде не пишешь – будто подержал пари*).

Ал.П. Чехов в своих письмах выступает как интеллектуальный, высокоэрудированный в области культуры и литературы человек. В общий фонд знаний братьев Чеховых входят: знания об общих родных, знакомых, коллегах, знания медицины и естественных наук, знание видов и форм русской и церковно-славянской словесности, знание историко-литературного процесса, знание терминологии из области литературы и ис-

куства, знание языков (французского, латинского, греческого, итальянского, немецкого), знание мировой художественной культуры, Библии, греко-римской мифологии.

Таким образом, формируется общий речевой код (кодированный язык), т.е. общая речевая база коммуникантов, основанная на совместном жизненном опыте и опыте взаимоотношений. В нашем случае обоих братьев объединяет общее детство, школа, события, впечатления, знакомые, дальнейшее общение в течение жизни, совместно полученное образование.

Обращаясь к брату с просьбой, Александр Чехов часто переживает рефлексию, что, несомненно, характеризует его как человека деликатного, беспокоящегося об адресате: «Если захочешь ответить на это письмо и не лень будет написать пару лишних слов, то сообщи мне следующее» [1, с. 675]; «Будь добр, уведоь, когда тебе удобно будет поехать со мною (можно и без меня) посмотреть в Институте экспериментальной медицины, как готовится противодифтерийная сыворотка и как она применяется в детской больнице принца Ольденбургского. Я – настолько к твоим услугам, что даже у жены живот заболел» [1, с. 691]; «Не окажешь ли ты мне (буде можно) услугу» [1, с. 509]. Он бесребреник, добр душой: «Пустил к себе на квартиру gratis (бесплатно – А.Б.) бездомного инвалида – безрукого таганрожца Антона Потычкина, но он оказался страшным пьяницей и буяном» [1, с. 470]; «Вопрос о моей поездке корреспондентом на пироговский съезд в апреле решён окончательно. Я еду от «Нового времени», но на свой личный счёт» [1, с. 709].

Тексты писем Ал.П. Чехова демонстрируют, насколько он эмоционален и порывист, импульсивен и хаотичен («Получилось твое закрытое письмо. Первым побуждением было вскочить и ответить тебе. Но что ответить? В голове целая вереница мыслей, в груди теплое, хорошее чувство, но слов нет. Читай всю эту путаницу и прими ее за чистую монету, но далеко не за все то, что бы мне хотелось сказать тебе. Меня не хватает» [1, с. 461]; «Я расхрабрился и стал катать статьи. Сегодня пустил «Леса прежде и теперь», завтра пускаю «Школьное дело по письмам учителей» и «Больничную статистику». Суворин поощряет, а Буренин находит, что на этом поприще я могу сделать более, чем на беллетристическом, и даже смогу обособиться настолько, что перестану быть только братом писателя и получу собственную, забитую теперь твоей глорией физиономию» [1, с. 503-504]; «Скучища была такая невообразимая, что я улетучился» [1, с. 503].

Сквозь призму эпистолярного наследия Александра Чехова выявляется его невротическая личность: «Духом я упал и работать не хочется в Данаеву бочку. Впрочем, я опять заскулил. Извини. Не могу я без злобы смотреть на мир Божий» [1, с. 530]; «Волнуюсь я много, а потому и левая сторона груди болит сильно» [1, с. 530]; «Желудок основательно катаррит и руки трясутся, хотя (честное слово) более полуторы недели сижу на диете и после старого опьянения не беру в рот ни капли. Без kalibrom не засыпаю – дергает» [1, с. 470].

Психологическое пространство Александра Чехова описано эмоционально и часто катастрофично, что выражается эмоционально-оценочной лексикой, помогающей раскрыть субъективное ощущение от события в жизни: «А между тем меня жгут, режут, топчут и пияют. Покоя нет ни в семье, ни вне дома. Что дальше будет – не знаю. Нравственные страдания сделали из меня тень когда-то бывшего человека. Я не узнаю себя даже в зеркале» [1, с. 400]; «Смотрю на мир обалдело и в общем чувствую себя переутомленным» [1, с. 521]; «Хожу, как кошка, ошпаренная серной кислотой» [1, с. 616]; «Тоска ужасная» [1, с. 617]; «Работаю много, но всё, что пишу, мне ужасно не нравится <...> Писанье вообще, самый процесс до того мне осточертел и опротивел, и в голове так пусто» [1, с. 703]; «Тульский Эрмитаж – «Петербургская гостиница» - есть нечто вроде чего-то весьма паскудного, хлевообразного» [1, с. 311]; «Денег достать откуда. Бьюсь как рыба и голодаю» [1, с. 367]; «Нашему пароходу пошли при тихой по-

годе навстречу такие волны, что чертям под силу <...> На Валаам приехали, моля Бога о скорейшей смерти<...> Почувствовали мы, что живот наш приближается ко аду. В кишках галлюцинация, в желудке – тягостная пустота» [1, с. 450] и пр.

Разносторонность и интерес ко многим областям жизни и науки Александра Чехова подтверждает и такая его работа, как «Химический словарь фотографа», до этого издания в России подобных работ не было: «Как фотограф и как человек я отрицал и отрицаю вспышку при съемке. Я всегда удаляю детей и нервных людей. Советую и тебе как врачу пропагандировать значение этого вреда» [1, с. 690] и пр. По поводу «Химического словаря фотографа» требуется небольшое дополнение – в фильме Дмитрия Светозарова «А.Д.» (2009) одна из героинь упоминает о фотографе-любителе Александре Чехове. Современный кинематограф безусловно справедливо отражает героев нашего прошлого. Александр Павлович Чехов – увлекающаяся натура, ему интересно всё: от фотодела до разведения кур, составления формулы чернил и лечения зубов: «Зуб я свой усмиряю концентрированной карболовой кислотой, которая, кстати сказать, быстро разрушает ткань зуба и порядочно обжигает десну и губы» [1, с. 650].

Работа журналиста и репортёра как нельзя лучше соответствовала его импульсивной и любознательной натуре: «Теперь я, после долгих скитаний, нащупал, наконец, как мошка усам, дорогу и не сойду с нее. Теперь, я думаю, когда мне уже только один год остался до 35, я сел как следует» [1, с. 539].

Своеобразие эпистолярия Александра Чехова заключено в его исповедальности, в талантливой языковой игре, в свободе самовыражения. Душевный мир Александра Павловича Чехова наполнен мучительными размышлениями, попытками найти баланс между долгом и внутренней потребностью полной творческой и человеческой реализации. Он добр и нежен, порою ведет себя как ипохондрик, открыт и глубок, но таким он раскрывается только в письмах к брату Антону Чехову, с которым у него сложились искренние и доверительные отношения, которые украсили, как можно предположить, жизнь обоих братьев.

Письма Александра Чехова оценивались самим Антоном Павловичем как блестящие импровизации и приравнивались им к талантливым литературным произведениям, демонстрирующим личность незаурядную, эмоциональную, глубоко чувствующую, безусловно талантливую в литературном плане. Некоторые его письма являются зарисовками с натуры или путевыми заметками, записанными жизненными анекдотами, воспоминаниями, т.е. представляют собой художественные автобиографические тексты, написанные талантливым лингвистом. Безусловно, необходимо для максимально объективного исследования языковой личности автора привлекать тексты его дневников, воспоминаний и художественной исповедальной прозы.

Библиографический список

1. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка. Москва: Захаров, 2012. 960 с.
2. Гушанская Е.М. «Брат вышеупомянутого...» // Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка. Москва: Захаров, 2012.

References

1. Alexander and Anton Chekhov. Memoirs, correspondence. Moscow, 2012. 960 p.
2. Gushanskaya E.M. «The brother of the above-mentioned...» // Alexander and Anton Chekhov. Memoirs, correspondence. Moscow, 2012.

УДК 821.112.2-21.09

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
преподаватель кафедры
романо-германской филологии
Безверхая И.В.
Украина, г. Луганск, тел. +38(066)615-0-615
e-mail: inna9410@mail.ru*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The chair of Romanic
and Germanic philology
Lecturer Bezverkhaya I.V.
Ukraine, Luhansk, +38(066)615-0-615
e-mail: inna9410@mail.ru*

И.В. Безверхая

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОВЕЛЛЫ Ф. КАФКИ «ПРЕВРАЩЕНИЕ»

В данной статье представлена система лингвостилистических художественных средств и рассмотрены принципы лингвостилистического анализа немецкоязычной новеллы «Превращение» известного писателя Ф. Кафки. Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного изучения стилистических особенностей как средства лингвистического создания художественного текста, а также особенностей передачи внешнего и внутреннего портрета героев, их эмоционально-психологических и физиологических состояний, которые являются важными элементами интерпретации текстов немецкой художественной литературы. Целью данной статьи является анализ роли лингвостилистических средств в тексте немецкоязычной новеллы Ф. Кафки «Превращение». В качестве предмета исследования в данной статье выступают лингвистические и стилистические художественные средства, используемые в тексте немецкоязычной новеллы. Следует отметить, что лингвостилистические средства выразительности стали предметом исследования многих ученых. Концептуальной основой данной статьи стали труды таких ведущих отечественных и зарубежных лингвистов, как А. Белова, Е. Беренвальд-Райш, М. Брандес, Л. Калнынь, В. Коваленко, В. Лукин, О. Москальская, W. Fleischer, G. Michel, B. Sandig и др. Лингвостилистические средства играют важную роль в немецкоязычных новеллах. Средства выразительности дают возможность проанализировать эстетическое наполнение произведения, уровень владения автором литературным языком. Лингвостилистические средства побуждают читателя эмоционально оценивать окружающий мир и его отдельные аспекты. Средства художественной выразительности отражают субъективность автора, и задача читателя заключается в правильности трактовки мыслей писателя. В статье раскрыты особенности метафорического осмысления образа героя в новелле Ф. Кафки «Превращение». Само название повести уже несёт в себе метафору. Под «Превращением» понимается не только физические модификации Грегора, но и изменение его внутреннего мира, путём уничтожения всего человеческого, что было ему присуще. В данной новелле используется анималистическая концептуальная модель языковых средств, объединяющая в себе характеристики и человека, и животного, представляет собой живой организм с точки зрения физиологических параметров.

Ключевые слова: новелла, стилистический прием, Ф. Кафка, персонаж, анализ.

I.V. Bezverkhaya

LINGVUISTIC AND STILISTIC ANALYSIS OF F. KAFKA'S NOVELL «THE METAMORPHOSIS»

This article presents the system of linguistic and artistic means and examines the principles of the linguistic analysis of the German-language novel «The Metamorphosis» by the famous writer F. Kafka. The relevance of the topic is due to the need for a comprehensive study of stylistic features as a means of linguistic creation of an artistic text, as well as features of the transfer of the external and internal portrait of heroes, their emotional,

psychological and physiological states, which are important elements in interpreting texts of German fiction. The purpose of this article is to analyze the role of linguistic methods in the text of F. Kafka's German-language novel «The Metamorphosis». As a subject of research in this article are linguistic and stylistic artistic means used in the text of the German-language novel. It should be noted that linguostylistic means of expressiveness have become the subject of research by many scientists. The conceptual basis of this article was the works of such leading domestic and foreign linguists as A. Belova, E. Berenwald-Reish, M. Brandes, L. Kalnin, V. Kovalenko, V. Lukin, O. Moskalskaya, W. Fleischer, G. Michel, B. Sandig, and others. Linguistic means play an important role in German-speaking novellas. Means of expressiveness provide an opportunity to analyze the aesthetic content of the work, the level of the author's knowledge of the literary language. Linguistic means encourage the reader to emotionally assess the world around him and his individual aspects. Means of artistic expression reflect the subjectivity of the author, and the reader's task is the correct interpretation of the writer's thoughts. The article reveals the features of the metaphorical interpretation of the image of the hero in the novel by F. Kafka «The Metamorphosis». The very title of the story already carries a metaphor. By «The Metamorphosis» not only the physical modifications of Gregor is meant, but also the change of his inner world, by the destruction of all human that was inherent in him. In this novel, an animalistic conceptual model of linguistic means is used that combines the characteristics of both human and animal, and represents a living organism from the point of view of physiological parameters.

Key words: short story, stylistic device, F. Kafka, character, analysis.

В «Превращении», новелле довольно большой по объему, Кафка сочетает психологические коллизии с социальными, делая именно это сочетание конструктивной основой текста. Согласно классическому определению В. Балакина, герой романа всегда незавершенный, «неготовый». Он вырисовывается в зоне контакта с теперешним [1, с. 7]. В новелле «Превращение» процесс формирования главного героя показан сокращенно.

Эволюция коммивояжера Грегора Замзы мгновенна. В отличие от романного, постепенного развития событий, становление главного героя имеет моментальный характер. «Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое» (... *zu einem ungeheuren Ungeziefer*) [2, с. 14]. Особый интерес представляет даже не образ самого насекомого, который и раньше встречался в произведениях Кафки, а эпитет «страшный» (в оригинале – *ungeheuer*).

Новелле присущи черты строгой конкретизации, которые дают точную характеристику всех изменений и нюансов. Поскольку прилагательные дают насыщенную эмоционально-оценочную характеристику предметам и явлениям, в произведении «Превращение» они представляют большой интерес. С первых строк новеллы, благодаря стилистически насыщенным прилагательным, перед читателем предстаёт жуткий образ внешнего вида Грегора Замзы:

«Er lag auf seinem panzerartig harten Rücken und sah, wenn er den Kopf ein wenig hob, seinen gewölbten, braunen, von bogenförmigen Versteifungen geteilten Bauch...». (Лежа на панцирнотвердой спине, он видел, стоило ему приподнять голову, свой коричневый, выпуклый, разделенный дугообразными чешуйками живот...) [2, с. 8].

«Seine vielen, im Vergleich zu seinem sonstigen Umfang kläglich dünnen Beine flimmerten ihm hilflos vor den Augen. (Его многочисленные, убого тонкие по сравнению с остальным телом ножки беспомощно копошились у него перед глазами) [2, с. 14]. <...> Er hätte Arme und Hände gebraucht, um sich aufzurichten; stattdessen aber hatte er nur die vielen Beinchen, die ununterbrochen in der verschiedensten Bewegung waren und die er überdies nicht beherrschen konnte». (<...> Ему нужны были руки, чтобы подняться; а вместо этого у него было множество ножек, которые не переставали беспорядочно двигаться и с которыми он к тому же никак не мог совладать) [2, с. 16].

«<...> Gregor erschrak, als er seine antwortende Stimme hörte, die wohl unverkennbar seine frühere war, in die sich aber, wie von unten her, ein nicht zu unterdrückendes,

schmerzliches Piepsen mischte, dass die Worte förmlich nur im ersten Augenblick in ihrer Deutlichkeit beließen...» (<...>Грегор испугался, услышав ответные звуки собственного голоса, к которому, хоть это и был, несомненно, прежний его голос, примешивался какой-то подспудный, но **упрямый болезненный писк**, отчего слова только в первое мгновение звучали отчетливо...) [2, с. 21].

Самоназванием повести уженесёт себе метафору. Под «Превращением» понимается не только физическая модификация Грегора, но и изменение его внутреннего мира, путём уничтожения всего человеческого, что было ему присуще. Ведь даже в облике насекомого, главный герой беспокоился и переживал за своих близких, поскольку чувствовал на себе ответственность за благополучие своей семьи. Первые мысли, которые тревожили его после пробуждения, был не страх за себя, а боязнь опоздать на поезд, не явиться на работу, упустить свою должность и лишиться свою семью материально обеспечения.

Становится очевидным, что Грегор одновременно вытесняется из двух ролей – семейной и социальной. Его «перевоплощение» в «страшное» насекомое является отображением этого двойного давления. Несмотря на то, что Грегор серьёзно подходил к выполнению своих обязанностей и за все пять лет своей службы ни разу не болел, управляющий не поощрял его и не придавал труду Грегора большого значения. Такая же ситуация сложилась и в семейном кругу. Грегор Замза был опорой для всей семьи. Он выплачивал долги отца, хотел помочь своей сестре Грете поступить в консерваторию, поскольку та хорошо играла на скрипке. Грегор чувствовал на себе большую ответственность за своих близких. Его семья, в свою очередь, относилась к нему больше как к кормильцу и добытчику. Возможно, что именно эта «неполноценность» и «нереализованность» в социальной и семейной сферах и проявилась в виде такой странной метаморфозы.

Интересным с лингвистической точки зрения является то, как автор передает данное превоплощение с помощью метафорических конструкций.

Рассмотрим первый пример: *«Seine vielen, im Vergleich zu seinem sonstigen Umfang kläglich dünnen Beine flimmerten ihm hilflos vor den Augen»*. (Его многочисленные, убого тонкие по сравнению с остальным телом ножки беспомощно копошились у него перед глазами) [2, с. 27].

Контекстуальный анализ, проведённый Л. Мартыновой, показывает, что главный герой сходит или сошел с ума, он сравнивает себя с «насекомым», у которого большое количество ножек, и они перед его глазами «мельтешат». Именно семантический компонент «мельтешения» проявляется в глаголе «flimmern». В отличие от насекомых у человека всего две ноги и по отношению к ним никак нельзя использовать данный глагол. Налицо процесс метафоризации: реальный денотат – человек, у которого есть ноги, и они должны ходить, у насекомого есть ножки, которые передвигаются с большим количеством физических затрат и с другой скоростью передвижения, чем у человека. Поэтому можно говорить о фиктивном денотате – насекомое, у которого ноги «копошатся». Так возникает метафорический образ живого существа с тонкими ножками, которые движутся, но той скорости, которую дают человеку ноги, не развивают. В метафорическом образе обнаруживается парадоксальное противоречие между движением и отсутствием такового. Скорее всего, именно эта противоречивость является основанием для использования глагольной метафоры [3, с. 254].

Обратим внимание на следующий пример: *«Als Gregor schon zur Hälfte aus dem Bette ragte – die neue Methode war mehr ein Spiel als eine Anstrengung, er brauchte immer nur ruckweise zu schaukeln – fiel ihm ein, wie einfach alles wäre, wenn man ihm zu Hilfe käme»*. (Когда Грегор уже наполовину повис над краем кровати – новый способ походил скорей

на игру, чем на утомительную работу, нужно было только рывками раскачиваться, – он подумал, как было бы все просто, если бы ему помогли) [2, с. 50].

Таким образом, проанализировав вышеупомянутый пример, можно сделать вывод, что данные значения глагола указывают на то, что Грегор Замза «фактически торчит над кроватью, возвышается на чем-то над кроватью, поднимается в воздух с кровати». Такое состояние, вероятно, возможно, но не для нормального человека. Нормальный человек просыпается, встает с кровати и не ищет каких-либо методов, ускоряющих этот процесс, все происходит естественно, как бы «само собой». Использование глагольной метафоры «*ragen*» («торчать») позволяет создать образ человека, торчком находящегося в кровати, перед тем, как ему нужно с нее встать. Возникает метафорический образ вертикально стоящего предмета, который достаточно раскачать, и он вылетит из кровати. Реальным денотатом метафоры является одушевленное лицо, фиктивным денотатом метафоры является неодушевленная сущность [4, с. 57].

Рассмотрим еще один пример: «*Als Gregor Samsa eines Morgens aus unruhigem Traum erwachte, fand er sich in seinem Bett zu einem ungeheuren Ungeziefer verwandelt*». (Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое) [2, с. 3].

По мнению Л. Мартыновой, во всех значениях представлены семантические компоненты: «то, что изменяется, переделывается, превращается, деформируется». Из них складывается метаморфоза Грегора Замзы, он действительно ощущает себя насекомым. Конечно же, в действительности он остается человеком, но его образ жизни сравним с поведением страшного вредного насекомого. Глагол «*sichverwandeln*» («превращаться»), по своей сути, является судьбоносным в жизни главного героя произведения и является индикатором метафоризации по типу «перенос с живого на живое». В значении глагольной метафоры-слова «*sichverwandeln*» заложен семантический компонент «трансформация, превращение». Ее использование позволяет создать метафорический образ живого существа, лишённого разума и поведения, свойственных человеку [3, с. 255].

В предложении «*Er versuchte es wohl hundertmal, schloss die Augen, um die zappelnden Beine nicht sehen zu müssen und, ließen erst ab, als er in der Seite einen noch nie gefällten, leichten, dumpfen Schmerz zu fühlen begann*». (Закрыв глаза, чтобы не видеть своих барахтающихся ног, он проделал это добрую сотню раз и отказался от этих попыток только тогда, когда почувствовал какую-то неведомую дотоле, тупую и слабую боль в боку) [2, с. 44] словосочетание «*die zappelnden Beine*» («барахтающиеся ноги») скорее характерно не для взрослого человека, а младенца, не умеющего ходить, который только учится осознавать себя как физическое тело.

В предложенном словосочетании возникает метафорический образ: а) младенца, б) человека в воде. Младенец очень сильно колотит ногами по кровати в силу того, что он хочет физически двигаться, но не умеет переворачиваться, не умеет вставать. Он еще не овладел другими физическими навыками и умениями. Тонущий человек в воде с барахтающимися ногами находится в состоянии паники, неуверенности в своих силах. Контекстуальный анализ позволяет предположить, что главный герой чувствует неуверенность физическую и социальную, он испытывает рефлексивный страх и боязнь. Паника, неуверенность, слабое физическое и моральное состояние лежат в основе метафоризации причастия I «*zappelnd*» («барахтавшийся»). Скорее всего, причастие имеет метафорическое значение из разряда лексикализованных причастий, которые относятся по стилистической значимости к разряду стертых метафор...» [3, с. 255].

Проанализируем следующий пример: «*...während die Mutter den Vater, der sich vor Erregung nicht mehr kannte, ins Schlafzimmer zu schleppen suchte; die Schwester, von Schluchzen geschüttelt, mit ihren kleinen Fäusten den Tisch bearbeitete; und Gregor laut vor*

Wut darüber zischte, dass es keinem einfiel, die Tür zu schließen und ihm diesen Anblick und Lärm ersparen». (... тем временем мать пыталась утащить в спальню отца, который от волнения совсем потерял власть над собой; сотрясаясь от рыданий, сестра колотила по столу своими маленькими кулачками; а Грегор громко шипел от злости, потому что никому не приходило в голову закрыть дверь и избавить его от этого зрелища и от этого шума) [2, с. 120].

Обратив внимание на значение «*etw. produziert Laute, die wie s, sch, z klingen*» (Langenscheidt), а также синонимичное ему по значению определение «*E-e Gans, e-e Schlange o. Ä. gibt schnell hintereinander Laute von sich, die wie s, sch oder z klingen*». Анализ значений позволяет сделать вывод о том, что автор новеллы «Die Verwandlung» «наделил» главного героя качествами гуся/гусыни или змеи. Обнаруживается перенос формата с реального денотата – человека, на фиктивный – представителя вида птиц, вида пресмыкающихся. Создается метафорический образ, в котором доминирующее положение занимает не человек, а незащищенный представитель животного мира, в образе которого предстает главный герой с признаками низкого положения в социальной иерархии, бедности, сумасбродства [3, с. 257].

Грегор тяжело переносит разрыв со своей семьёй. Превращение становится для него тяжким бременем, и жестокий мир уничтожает его сначала как личность, а затем и вовсе. В этом неравном сражении Грегор не оказывал сопротивления. Даже будучи отвергнутым, он оправдывал поведение своих близких, ссылаясь на свою неприятную внешность, на то, что он может доставлять дискомфорт и неудобства, и на разрушенные планы, которые не осуществились из-за его перевоплощения. Чувство вины развивается настолько, что он сам стремится к гибели.

Благодаря умелому использованию метафор, Ф. Кафке удалось создать образ, в котором главное место занимает маленький представитель животного мира, крошечное насекомое, но не человек. Грегор Замза занимает низкое положение как в социальной, так и в семейной сферах, его усилия хоть как-то изменить действительность и побороться за неё не имеют успеха. Безысходность, чувство глубокой несправедливости – именно так можно обозначить внутреннее состояние главного героя. Его усилия тщетны, он не в состоянии изменить своё положение и свою действительность.

Национальный юмор обладает определенным набором особенностей, которые отличают его от других. Немецкий юмор не стал исключением. О нем так часто говорят, пишут книги, проводят исследования, что он уже воспринимается как национальная черта немецкого характера.

Интересную мысль по этому поводу высказывает В. Пропп: смех – сильное оружие, поскольку ничто так не обличает порок, как осознание того, что он разгадан, и по этому поводу уже раздался смех. Смех не только наказывает несовершенство мира, но и, омыв мир свежей эмоциональной волной радости и веселья, преобразует и обновляет его. Смех – это сила, которая не только отрицает, но и утверждает [5, с. 38].

Умение видеть явление в присущих ему противоречиях – привлекательная черта характера. В отличие от других форм репрезентации комического (ирония, сатира, сарказм), юмор характеризуется доброжелательным отношением к жизни и проявлений его несовершенства; это смех, который сочетается с симпатией к тому, на кого или на что он направлен, то есть психологически положительным явлением [6, с. 135].

Юмор, ирония и сарказм являются стилистическими приемами проявления индивидуального нестандартного мышления, художественной формой, средством разоблачения пороков.

«Also weiter geht es nicht?» – fragte sie, als Gregor sich wieder umdrehte, und stellte den Sessel ruhig in die Ecke zurück». (Значит, дальше не полезем? – спросила она, когда Грегор от нее отвернулся, и спокойно поставила стул в угол, на прежнее место) [2, с. 56].

«Die Bedienerin aber, statt sich zu fürchten, hob bloß einen in der Nähe der Tür befindlichen Stuhl hoch ein, und wie sie mit groß geöffnetem Munde dastand, war ihre Absicht klar, den Mund erst zu schließen, wenn der Sessel in ihrer Hand auf Gregors Rücken niederschlagen würde». (Служанка, однако, вместо того чтобы испугаться, только занесла вверх стоявший у двери стул и широко открыла при этом рот, и было ясно, что она намерена закрыть его не раньше, чем стул в ее руке опустится на спину Грегору) [2, с. 56].

Такие стилистические приёмы, как юмор и ирония, являются разными по своей природе, скорее противоположными. Хотя долгое время между ними не находили существенных различий. По мнению многих литературоведов, ирония склоняется к сатире, другие исследователи полагают, что ирония является частью сатиры, третьи не видят значительных различий между данными понятиями. Аристотель даёт следующее определение иронии: «Это такой вид смешного, когда мы говорим иначе, чем чувствуем». Ирония как бы переносит одно значение на другое, имеет ярко выраженное оценивающее значение. Ирония проявляется благодаря употреблению слов или словосочетаний, которые несут в себе положительную характеристику, но выражается посредством противоположного значения, то есть передаёт отрицательную оценку. Ирония – это выражение противоположного [7, с. 257].

Для того, чтобы проследить элементы иронического, необходим контекст:

«Da sie aber nicht erzählen durfte, erinnerte sie sich an die große Eile, die sie hatte, rief offenbar beleidigt: «Adjes allseits», drehte sich wild um und verließ unter fürchterlichem Türe zuschlagen die Wohnung». (И так как ей не дали говорить, служанка вспомнила, что она очень торопится, крикнула с явной обидой: «Счастливо оставаться!» – резко повернулась и покинула квартиру, неистово хлопая дверьми) [2, с. 121].

Без контекста ирония не будет понятна и экспрессивность высказывания не найдёт у читателя нужного эффекта.

Следует подробнее остановить внимание на таком стилистическом приёме, как сарказм. Ф. Бацевич характеризует сарказм как троп, в котором переносное обличительное значение выражено с минимальной степенью иносказания [8, с. 108].

По мнению В. Проппа, сарказм – язвительная, обличительная, чувствительная насмешка, полна презрения – считается разновидностью комического, острой, без подтекста, эмоциональной оценкой социальных явлений, чем отличается от иронии [5, с. 67].

В качестве примера можно привести одно из саркастических высказываний управляющего фирмы по отношению к главному герою новеллы:

«Nun aber sehe ich hier Ihren unbegreiflichen Starrsinn und verliere ganz und gar jede Lust, mich auch nur im Geringsten für Sie einzusetzen. Und Ihre Stellung ist durchaus nicht die festeste. Ich hatte ursprünglich die Absicht, Ihnen das alles unter vier Augen zu sagen, aber da Sie mich hier nutzlos meine Zeit versäumen lassen, weiß ich nicht, warum es nicht auch Ihr Herren Eltern erfahren sollen. Ihre Leistungen in der letzten Zeit waren also sehr unbefriedigend; es ist zwar nicht die Jahreszeit, um besondere Geschäfte zu machen, das erkennen wir an; aber eine Jahreszeit, um keine Geschäfte zu machen, gibt es überhaupt nicht, Herr Samsa, darf es nicht geben!» (Однако сейчас, при виде Вашего непонятного упрямства, у меня пропадает всякая охота в какой бы то ни было мере за вас заступаться. А положение ваше отнюдь не прочно. Сначала я намеревался сказать вам это с глазу

на глаз, но поскольку вы заставляете меня напрасно тратить здесь время, я не вижу причин утаивать это от ваших уважаемых родителей. Ваши успехи в последнее время были, скажу я вам, весьма неудовлетворительны; правда, сейчас не то время года, чтобы заключать большие сделки, это мы признаем; но такого времени года, когда не заключают никаких сделок, вообще не существует, господин Замза, не может существовать) [2, с. 42].

В данном отрывке хорошо прослеживается саркастический контекст. Вместо того, чтобы поинтересоваться причиной отсутствия коммивояжера, управляющий начинает упрекать и насмехаться над Грегором, несмотря на то, что он является старательным сотрудником и ни разу не болел за всё время своей пятилетней службы.

Одной из самых распространенных стилистических фигур, зафиксированных в текстах немецкой литературы XX в., является антитеза. Антитеза, как считает В. Звегинцев, построенная по принципу контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний и др. Эта фигура заключается в сопоставлении двух противоположных явлений или признаков, присущих, как правило, различным предметам [9, с. 204]. В основе фигуры антитезы в проанализированном тексте актуализированы отношения, как структурной, так и лексической мотивации, например:

«Sollte der Wecker nicht geläutet haben? Man sah vom Bett aus, dass er auf vier Uhr richtig eingestellt war; gewiss hatte er auch geläutet. Ja, aber war es möglich, dieses möbelschütternde Läuten ruhig zu verschlafen? Nun, ruhig hatte er ja nicht geschlafen, aber wahrscheinlich desto fester» (Неужели будильник не звонил? С кровати было видно, что он поставлен правильно, на четыре часа; и он, несомненно, звонил. Но как можно было спокойно спать под этот сотрясающий мебель трезвон? Ну, спал-то он беспокойно, но, видимо, крепко) [2, с. 6].

Погружаясь в мир сказки и фантазии в произведении Кафки, мы как бы представляем себя на месте главного героя. Благодаря умелому и рациональному использованию лингвостилистических средств, отражение действительности в произведениях способствует формированию и становлению необходимого эмоционального фона, отношения к событиям, героям и ситуациям.

Библиографический список

1. Балакин В. Между сказкой и реальностью / В. Балакин. М., 2005. 247 с.
2. Kafka F. Die Verwandlung / F. Kafka. М.: Verlag: Jupiter-Imrex, 2006. 184 S.
3. Мартынова Л.А. Метафорический образ главного героя в новелле Ф. Кафки «Превращение» / Л.А. Мартынова. Иркутск: ИГЛУ, 2013. 270 с.
4. Зуева М.А. Дискуссия о жанре новеллы в русском и зарубежном литературоведении / М.А. Зуева. Нижний Новгород: Изд-во ГТУД, 1987. 210 с.
5. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха / В.Я. Пропп. М.: Искусство, 1976. 183 с.
6. Скобелев А.В. Особенности сатиры и проблема комического в творчестве Ф. Кафки / А.В. Скобелев. Воронеж, 1984. 242 с.
7. Цзе Ч. Метафора на страницах современной российской прессы / Ч. Цзе // Вестник Харьковского национального университета. Харьков, 2011. Вып. 33. 395 с.
8. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. 4-е изд. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
9. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика / В.А. Звегинцев. М.: Просвещение, 1968. 336 с.

References

1. Balakin V. Between the fairy tale and reality. Moscow, 2005. 247 p.
2. Kafka F. The Metamorphosis. Moscow, 2006. 184 p.
3. Martynova L.A. The metaphorical image of the main character in the novel by F. Kafka «The Metamorphosis». Irkutsk: ISLU, 2013. 270 p.
4. Zueva M.A. Discussion about the genre of novels in Russian and foreign literary criticism. Nizhny Novgorod, 1987. 210 p.
5. Propp V.Y. Problems of the comic and laughter. Moscow, 1976. 183 p.
6. Skobelev A.V. Features of satire and the problem of the comic in the works by F. Kafka. Voronezh, 1984. 242 p.
7. Tse Ch. Metaphor in the pages of the modern Russian press // News of Kharkov National University. Kharkov, 2011. Iss. 33. 395 p.
8. Galperin I.R. Text as the object of linguistic research. 4th ed. Moscow, 2006. 144 p.
9. Zvegintsev V.A. Theoretical and applied linguistics. Moscow, 1968. 336 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 004.738.5:81'373.23

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
преподаватель кафедры
романо-германской филологии
Колесник Т.И.
ЛНР, г. Луганск, тел. +380669715568
e-mail: taiko.siren@gmail.com*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The chair of Romanic
and Germanic philology
Lecturer Kolesnik T.I.
LPR, Lugansk, +380669715568
e-mail: taiko.siren@gmail.com*

Т.И. Колесник

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИЧНЫХ ИМЕН В НЕМЕЦКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена изучению особенного вида антропонимов – никнеймов, являющихся неотъемлемой частью Интернет-коммуникации. Исследование представляет особый интерес ввиду возрастающей популярности Интернета во всех сферах человеческого общения. Коммуникация в Интернете имеет свои особенности, характерные черты, сходства и отличия от коммуникации в реальной жизни, а никнейм в Интернет-коммуникации играет не менее важную роль, чем обычное личное имя в повседневности. При этом никнейм в Интернет-коммуникации приобретает новые особенности, которые постоянно обновляются и должны быть исследованы в разных аспектах. Целью данной статьи является анализ лексических и семантических особенностей личного имени в виртуальном общении как важной составляющей Интернет-коммуникации и средства самопрезентации и самоидентификации пользователей. В качестве материала исследования были выбраны никнеймы пользователей немецкоязычных чатов. В статье определяется место личных имен в немецкой Интернет-коммуникации, рассматриваются особенности их функционирования, а также их сходство и отличие от других объектов искусственной номинации. В рамках исследования были использованы метод лингвистического наблюдения для описания функционирования личного имени; метод систематизации и интерпретации выбранных личных имен; сравнительный метод для установления особенностей личного имени в системе традиционной антропонимики; аналитический и метод синтеза для выявления семантических особенностей никнеймов. В результате проведенного исследования выделяются функции личных имен как неотъемлемой части Интернет-коммуникации, дается классификация личных имен на основе семантических особенностей, указываются особенности личного имени как средства самопрезентации и самоидентификации.

Ключевые слова: личное имя, никнейм, Интернет-коммуникация, самопрезентация, самоидентификация.

T.I. Kolesnik

PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF PERSONAL NAMES IN GERMAN INTERNET COMMUNICATION: LEXICAL AND SEMANTIC ASPECT

The article is devoted to the study of a special art of anthroponyms – nicknames, which are an integral part of Internet communication. The study is of particular interest in view of the increasing popularity of the Internet in all spheres of human communication. Communication on the Internet has its own peculiarities, characteristics, similarities and differences from communication in real life, and the nickname in Internet commu-

tion is no less important than a usual personal name in a real life. In this, the nickname in the Internet communication acquires new features, which are constantly updated and should be investigated in various aspects. The purpose of this article is to analyze the lexical and semantic features of a personal name in virtual communication as an important component of Internet communication and a means of self-presentation and self-identification of users. The nicknames of the users of the German-speaking chat rooms were chosen as a research material. The article defines the place of personal names in the German Internet communications, there are considered features of their functioning, as well as their similarities and difference from other artificial objects of nomination. The method of linguistic observation was used to describe the functioning of a personal name; method of systematization and interpretation of selected personal names; a comparative method for establishing the characteristics of a personal name in the system of traditional anthroponymics; methods of analysis and synthesis to identify the semantic features of nicknames. As a result of the study functions of personal names as an integral part of Internet communication are marked out; the classification of personal names based on semantic features of the personal name as a mean of self-identification and self-presentation is specified in the article.

Keywords: personal name, nickname, Internet communication, self-presentation, self-identification.

Личное имя в Интернет-коммуникации, или так называемый «никнейм» (англ. «nickname» – кличка, прозвище), является особым видом антропонима, который личность использует в Интернете для общения. Интернет-коммуникация имеет свои характерные черты, постоянно обновляется и расширяет свои границы, а, следовательно, изменяются и особенности личного имени как её неотъемлемой составляющей, и они должны быть исследованы в различных аспектах.

Интернет-коммуникация – новое, малоизученное явление, которое исследуют ученые в области лингвистики, психологии, социологии, информатики. Свои работы такому виду коммуникации посвятили немецкие ученые П. Шлобински, У. Вирт, К. Дюршайд, Х. Бехар-Израели, Г. Дабири и Д. Хельтен, а также отечественные ученые, среди которых Г. Почепцов, Н. Зражевская, С. Коноплицкий, О. Белинская, Т. Виноградова, А. Жичкина, И. Шабшин и др.

Так, П. Шлобински рассматривает тенденции и формы коммуникаций в сети Интернет [1]. У. Вирт описывает особенности коммуникации в чате [2]. Г. Почепцов в своей монографии анализировал развитие современных социальных коммуникативных технологий и их влияние на сознание человека [3]. А. Жичкина раскрывает социально-психологические аспекты Интернет-коммуникации [4]. Одной из первых исследователей особенностей личного имени в Интернет-коммуникации стала Х. Бехар-Израели, которая рассматривает никнейм как средство самоидентификации пользователей Интернета [5].

Никнейм даёт возможность пользователю реализовать себя в виртуальном пространстве. Анонимность общения способствует свободному проявлению фантазии коммуниканта: он может выступить под собственным именем, использовать личное имя актера, художника, политического деятеля, литературного или компьютерного героя, выдумать свой уникальный никнейм. К тому же, пользователь не ограничен в форме никнейма, то есть имеет возможность использовать символы, цифры, строчные и заглавные буквы, различные части речи, складывать несколько слов, использовать слова из других языков (чаще всего из английского) и т.д. Такие никнеймы являются не просто презентацией коммуниканта, но и представлением его как творческой незаурядной личности, индивидуалиста, что, разумеется, привлечет внимание других пользователей.

Ввиду стремительного развития Интернет-коммуникации и ее распространения среди всех слоев населения изменяются и особенности никнейма. Целью статьи является анализ лексико-семантических особенностей личного имени в виртуальном общении как важной составляющей Интернет-коммуникации и средства самопрезентации и са-

моидентификации пользователей. В качестве материала исследования были выбраны никнеймы пользователей немецкоязычных чатов.

Учитывая тот факт, что коммуникация посредством чата относится к неформальному общению и часто носит игровой характер, пользователи имеют возможность оставаться анонимами. Тем не менее, любая коммуникация требует называния собеседников. Для этого пользователи создают для себя новые личные имена – никнеймы. Из-за недостатка личной информации никнейм создает первое впечатление о своем владельце. Согласно немецким исследователям Г. Дабири и Д. Хельтен, коммуниканты выбирают себе собеседников по никнеймам. Так как никнейм вызывает определенные ассоциации, ожидания, представления, или отождествляет с тем или иным образом, возникает желание установить контакт с его владельцем [6]. Так, пользователь *Obelix (Обеликс)* может заинтересовать читателей комиксов или любителей французского кино, *DerGerhard (Герхард)* – знатоков политики, *Centurio (Центурион)* – любителей истории или латыни.

Никнейм как разновидность антропонимов отличает своего владельца от остальных, выражает его индивидуальность. Но никнейм отличается от других антропонимов тем, что может быть выражен любой частью речи или даже несколькими словами, цифрами, символами и распространен только в сети Интернет, где служит не только для называния собеседника, но и является обязательным условием участия в форумах, чатах, блогах и т.д.

В связи с тем, что виртуальное личное имя зачастую является вымышленным, прослеживается его схожесть с другим объектом антропонимики – псевдонимом. Вслед за Н. Подольской псевдоним нужно понимать, как «вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него» [7; с. 118]. Псевдоним как средство самовыражения создается владельцем с целью сокрытия реального имени или придания личности определенных качеств. Создание псевдонима, в отличие от настоящего личного имени, обусловлено желанием его владельца, а не социальной необходимостью.

По ряду признаков никнейм как антропоним схож и с прозвищем. Н. Подольская дает следующее определение прозвища: «дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии» [7; с. 115]. Никнейм с прозвищем объединяет ярко выраженная эмоциональная окраска, создание на основе характерных признаков, выражение любой частью речи, непостоянный характер. Так как наличие никнейма является обязательным условием участия в чате, нужен он только человеку, желающему в нем зарегистрироваться.

Тем не менее, существует и ряд отличий между никнеймом и прозвищем. Так, прозвище часто отображает не только положительные, но и отрицательные черты человека, в то время, как с помощью никнейма пользователь подчеркивает те черты своего характера, внешности или интересы, которыми гордится или о которых не стесняется заявить собеседникам. Кроме того, прозвище всегда акцентирует внимание на реальных особенностях человека, а информация, передаваемая с помощью никнейма, может быть фиктивной, вымышленной автором, отражать желание человека владеть той или иной характерной чертой.

Вслед за М. Чабаненко [8] выделим основные функции никнейма как важной составляющей Интернет-коммуникации.

1. Функция самопрезентации. Никнейм одновременно выполняет два противоположных задания: скрыть реальную личность пользователя и идентифицировать его, презентовать с той или иной стороны.

2. Дискурсивная функция. Никнейм обуславливает текст общения пользователя, ведь выбирая определенную роль, личность корректирует свою линию поведения. Так, пользователь под никнеймом *DarkKiller (ТемныйУбийца)* может позиционировать себя как сурового, жестокого, неэмоционального игрока онлайн-игр, а пользователь под никнеймом *die_carmen (Кармен)* – представлять собой уверенную женщину, покори-тельную мужских сердец, которая всегда в центре внимания.

3. Контактустанавливающая функция. До начала знакомства коммуникантов вся их информация друг о друге – это никнейм. Его структура, семантика, графическое изображение могут привлекать пользователей, или наоборот, отталкивать. Никнейм вызывает интерес коммуникантов и способствует установлению контактов.

4. Эмоционально-экспрессивная функция. Так как никнейм создает первое впечатление о своем владельце, большинство пользователей пытаются придать ему определенную эмоционально-экспрессивную окраску, выделяющую его среди других. Это опять-таки направлено на пробуждение интереса потенциальных собеседников и эффектную самопрезентацию.

5. Игровая функция. Общение под определенным никнеймом имеет игровой характер, ведь пользователи играют определенные роли, часто отображающие их настроение в определенный период времени. Так, один и тот же человек может быть зарегистрирован на бизнес-форуме под реальным именем, а в игровом чате – под никнеймом *Hofer_Blutdämon*. Такая свобода выбора никнеймов позволяет пользователям уходить от реальности и компенсировать невозможное в реальной жизни.

Во время общения в представлении коммуникантов создается определенный образ собеседников, который в большей степени зависит от никнейма, к выбору которого следует подходить обстоятельно. Виртуальное личное имя привлекает внимание определенного круга собеседников. Например, уменьшительно-ласкательные *Kätzchen (Котечка)* или *mausiii (мышка)* могут говорить о легкомыслии или наивности владелицы, а никнеймы типа *deathvirus96* или *swordassassin* могут свидетельствовать об увлечении их владельцев компьютерными играми или желании казаться «крутыми» и независимыми. Пользователи с никнеймами *_*Pendulum*_* (название рок-группы), *J.Knoxville* (популярный американский актер в жанре комедий), *henry_morgan* (английский пират), вероятно, найдут собеседников среди людей с похожими увлечениями. Так, в виртуальной реальности действует тот же принцип, что и в реальной жизни: первое впечатление определяет протекание разговора и возможность установления социальных контактов.

Таким образом, в чате пользователи «видимы» под своими никнеймами. Условия участия в чате позволяют личности зарегистрироваться под своим реальным именем, что и делают некоторые пользователи. Никнейм можно также выбрать из предложенных или создать самостоятельно, намекнуть на свою реальную личность или создать определенный образ в воображении других участников. Фантазия чаттеров часто ограничена определенным количеством символов, которые может включать никнейм (например, не более десяти символов), к тому же, одно и то же имя не может быть зарегистрировано дважды, чтобы избежать непонимания среди пользователей. Если никнейм уже занят, новый пользователь вынужден выбрать другой или изменить некоторые символы в нём: например, соединить заглавные и строчные буквы (*AngelMoon*, *WolfiK33*), добавить символы, цифры (*der_junge_Mann*, *T25eddy74*) и т.д.

Одна реальная личность может скрываться в одном и том же чате одновременно под несколькими никнеймами, или, наоборот, под одним никнеймом могут общаться одновременно несколько человек, сидящих рядом перед одним компьютером. Иногда пользователи сознательно обмениваются никнеймами, или несколько человек пользуются одним и тем же никнеймом, но в этом случае невозможно одновременное пользо-

вание. И, наконец, за никнеймом не всегда стоит реальная личность, иногда это робот – «бот», специальная программа, созданная для коммуникации. Боты используют стандартные общие высказывания и не способны понимать реплики реальных пользователей. Боты служат для ответа на часто задаваемые вопросы, предупреждения нежелательной рекламы или удаления пользователей из чата.

Выбор никнейма влияет на процесс коммуникации: в первую очередь, никнейм является индикатором, указывающим собеседнику на личность реального человека или целенаправленную самопрезентацию пользователя. Необычные, таинственные или непонятные личные имена могут вызвать интерес участников коммуникации и способствовать началу общения. Такие никнеймы легче запоминаются, что повышает шансы их владельцев стать известными в чате не только на время пользования, но и на длительный период времени.

Многие пользователи не стремятся к абсолютному отсутствию идентичности, наоборот, с помощью более или менее выразительного никнейма достигается контролируемая возможность идентификации. Об анонимности в смысле «отсутствие имени» здесь не может быть и речи. Никнейм пользователя чата и его реальное имя часто тесно связаны. Решающим фактором есть то, что участник имеет возможность самостоятельно выбирать уровень своей анонимности. Коммуникация в значительной мере связана с именем, так как никнейм является примитивным средством идентификации, и тем или иным образом в нем отражается актер в личности: маскарадная маска скрывает лицо владельца, но всё же характеризует его.

В отличие от традиционного личного имени, никнейм пользователь выбирает себе сам и вкладывает в него только ту информацию, которую хочет передать потенциальным собеседникам. Проанализировав выбор никнеймов пользователей популярного немецкоязычного чата и ознакомившись с классификациями никнеймов О. Балкуновой [9; с. 21-23], Т. Аникиной [10; с. 149-166], И. Лихоперской [11], мы выделяем следующие категории личных имен в виртуальной среде немецкоязычной Интернет-коммуникации.

1. Никнеймы, указывающие на внешность: *derNasenmann*, *Blondiii_17*, *dickerchen* (толстячок), *Blue@Eyes*. Выбирая подобные никнеймы, пользователи чаще всего подчеркивают те особенности своей внешности, которые они находят наиболее привлекательными, или же таким образом компенсируют свои недостатки. В качестве составляющих никнейма чаще всего используются слова, описывающие цвет волос, глаз, фигуру личности.

2. Никнеймы, подчеркивающие человеческие качества, интеллектуальное, физическое, эмоциональное состояние: *EinLustigEr* (весельчак), *Hope4news*, *JungeUnion*, *Mnemonic*, *NaughtyGuy*, *NiceToAll*, *STrengmann*. С помощью таких никнеймов пользователи презентуют себя с той стороны, которая способна привлечь внимание собеседников. Кроме того, некоторые из таких никнеймов являются выражением самооценки человека.

3. Никнеймы, подчеркивающие привычки, интересы: *Grothesk*, *HerzBube99b* *haferbrei* (овсянка), *LacrImosA*, *Magic994*, *Traeumling* (мечтатель). Подобные никнеймы презентуют самые разнообразные склонности и увлечения личности: от музыкальных до кулинарных. Они направлены на то, чтобы побудить к общению пользователей с подобными увлечениями. Следует отметить, что данный вид никнеймов часто используют участники онлайн-игр, так как с их помощью можно указать на уровень достижений в игре, любимых персонажей, игровое амплу пользователя.

4. Никнеймы, указывающие на местонахождение: *Deutschmann*, *stadtindianer*, *Afghan-*, *DortmunderJung1909b* *heidelberg*. Никнеймы такого типа также могут указы-

вать на национальность пользователя. Чаще всего, таким образом пользователи пытаются найти земляков или подчеркнуть свою принадлежность к той или иной стране или нации.

5. Никнеймы, означающие сферу деятельности: *CHATTER0815*, *Loewenbaendiger* (дрессировщик львов), *Medicus25*, *MuttiEllen*. Эти никнеймы могут отражать профессию или хобби пользователя как в реальной, так и виртуальной действительности.

6. Никнеймы, указывающие на сексуальные склонности: *BadManners*, *Hugh_G_rection*♂, *sexypole*, *ganzlieber*. Пользователи с подобными никнеймами выражают свое желание завязать знакомства с другими пользователями с целью установления близких (чаще всего сексуальных) отношений в виртуальной жизни, а потом и в реальной. Обычно такие коммуниканты не скрывают своих намерений и с помощью никнейма сразу сообщают о цели общения.

7. Никнеймы, связанные с растительным и животным миром: *Cat (кот)*, *coyote (койот)*, *DerFish (рыба)*, *Kaetzchen (кошечка)*, *Stokesya (стокезия)*. Выбор такого никнейма может быть обусловлен различными причинами: ассоциирование себя с определенным животным или растением на основе схожих признаков; наличие у животного (реже – растения) качеств, которые привлекают пользователя; соответствие гороскопу (зодиакальному, восточному, цветочному, гороскопу друидов и т.д.). При этом самыми популярными животными являются представители семейства кошачьих, а растениями – цветы.

8. Никнеймы, подчеркивающие обладание определенным предметом: *Feuerfunke*, *Hefenschleim*, *Kuschelbaer (плюшевый мишка)*, *MaTraZe (магпак)*, *ItaliaDiamant*. Выбирая такой никнейм, пользователь демонстрирует ассоциирование себя с определенным предметом, обладанием ним или желание владеть. Также подобные никнеймы могут означать предмет, играющий определенную роль в жизни коммуниканта.

9. Фантазийные никнеймы: *Daemon540*, *Engelchen*, *NoName*, *UNIKUM2000*, *Wiesaul*, *the-ICH*. Никнеймы такого типа выбирают чаще всего морально неудовлетворенные в реальной жизни люди. К этой же категории можно отнести личные имена, подчеркивающие анонимность своего обладателя. Иногда пользователи не могут определить черты, характеризующие их уникальность и неповторимость и, как следствие, выбирают нейтральные никнеймы, которые не несут какой-либо личной информации о владельце.

10. Никнеймы, образованные от личных имен: *BradPitt*, *catwoman8*, *Gandalf*, *Grischa*, *iwanka*, *Princess_Leia*, *Zorro*. Никнеймы могут совпадать с реальным именем пользователя, что свидетельствует о его открытости и отсутствии страха быть разоблаченным, но иногда это может быть свидетельством бедности фантазии. Кроме того, существуют коммуниканты, скрывающие свое реальное личное имя под именем определенной особы (литературного героя, актера, политического деятеля, спортсмена, героя кино или мультфильмов, компьютерных игр и т.п.). Выбор такого никнейма чаще всего обусловлен попыткой быть похожим на кумира либо схожестью внешности или черт характера.

11. Никнеймы, включающие сразу несколько признаков: *Coolskyper*, *EinfachEVA*, *Vanessalustig*, *sweetqueen96*. Никнеймы данной категории объединяют в себе несколько характеристик, могут содержать информацию о возрасте, интересах, характерных чертах своего владельца. Эта категория является самой обширной среди остальных, что, без сомнения, связано с желанием коммуникантов создать уникальный запоминающийся никнейм и невозможность охарактеризовать себя с какой-то одной стороны.

Отсутствие фантазии может обусловить простой никнейм, например, отражающий только реальное имя: *andre_1973*, *sophie-94*, *annabellF*, *AlexHoe*, *Josh_*, *Jenny28w*.

Отдельно следует рассматривать никнеймы, которые понятны только их обладателям, по которым почти невозможно характеризовать пользователя: '23.10.2013.<3', *noxx707*, *sa10*, *takkatukka*. Проследить происхождение такого никнейма очень трудно, о нем расскажет разве что его владелец. Отметим, что отнести все виртуальные личные имена немецкой Интернет-коммуникации к определенным категориям невозможно в связи с неограниченной фантазией пользователей и постоянно возрастающим количеством новых никнеймов.

Достоен внимания тот факт, что большинство никнеймов образованы от иноязычных лексических единиц, чаще всего при этом используется английская лексика: *musik_is_my_life*, *FAIRYSPARK*, *livelifefree*, *dirtytalkmaster*, *dreamer*, *especially-*, *darkmargo*, *The\$freshmaker*, *cappuccino40*, *Royal.Desire'*<3. Реже встречаются никнеймы, происходящие из других языков: *Hors_Doeuvre*, *C'est_la_vie~**(французский), *DonCrawallo* (испанский), *Medicus25*, *Centurio* (латынь). Особенный интерес, по нашему мнению, составляют сочетания немецких слов с английскими: *alles_crazy*, *Blue'Haze*, *rosapowerranger*, *BananenHipster*, *darkrotwein*. Такие никнеймы привлекают внимание других пользователей своим отличием от других и необычностью. Встречаются также никнеймы, основанные на игре слов. Так, никнейм *SightUnseen* намекает на английское слово «sightseeing», означающее «осмотр достопримечательностей», но содержит кроме этого слово «unseen» – «удивительный, невиданный». Так пользователь пытается подчеркнуть свою уникальность. Еще один пример – никнейм *WeltFremd*. Имея в составе слова «Welt» – «мир» и «fremd» – «чужой, незнакомый», никнейм указывает на одиночество автора, его чувство изолированности от социума.

Данная классификация демонстрирует, что никнейм является в первую очередь средством самопрезентации пользователя; содержит именно ту информацию, которую его владелец стремится сообщить собеседникам. Выбор никнейма часто мотивирован желанием продемонстрировать свою уникальность, фантазию, эмоциональное состояние, увлечения, подчеркнуть предмет гордости или стремления. Никнейм является своеобразной визитной карточкой коммуниканта, возможностью выступать в той или иной роли. Многие пользователи регистрируются под различными никнеймами в зависимости от характера среды общения: очевидно, что выбор никнейма для политического форума и для чата знакомств будет отличаться.

Таким образом, лексико-семантические особенности личных имен в немецкой Интернет-коммуникации обусловлены стремлением коммуникантов к самопрезентации и самоидентификации. Выбор личного имени зависит от сферы общения, возможных интересов потенциальных собеседников и преследует цель заинтересовать других коммуникантов и побудить их к общению. Дальнейшее развитие Интернет-коммуникации является условием изменения характерных особенностей никнейма, в том числе и семантических, что будет объектом будущих исследований автора.

Библиографический список

1. Schlobinski P. Editorial: Sprache und internetbasierte Kommunikation – Voraussetzungen und Perspektiven. / Websprache.net. Sprache und Kommunikation im Internet. Berlin, 2005.S. 1–14.
2. Wirth U. Chatten. Plaudern mit anderen Mitteln / Websprache.net. Sprache und Kommunikation im Internet. Berlin, 2005. S. 67 – 85.
3. Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии XX века. М.; К.: Рефл-бук; Ваклер, 1999. С. 8 – 10.
4. Жичкина А. Социально-психологические аспекты общения в Интернете [Электронный ресурс]. URL: <http://flogiston.ru/projects/articles/refinf.shtml>

5. Bechar-Israeli H. From<Bonehead>to<cLoNehEAd>: Nicknames, Play and Identity on Internet Relay Chat [Электронный ресурс] // Journal of Computer-Mediated Communication. URL: <http://www.mediensprache.net/archiv/pubs/2035.html>
6. Dabiri G., Helten D. Psychologie & Internet: Psychologische Grundlagenstudie zum Phänomen Internet Relay Chat [Электронный ресурс]: Qualitative Analyse der Bedeutungsschwerpunkte für die Anwender. URL: <http://userpage.fu-berlin.de/~chlor/werk.pdf>
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Языки славянской культуры, 1988. 189 с.
8. Чабаненко М.Г. Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 20 с.
9. Балкунова А.С. Роль сетевого имени (никнейма) во взаимодействии субъектов виртуальной коммуникации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. С. 21-23.
10. Аникина Т.В. Сопоставительное исследование виртуального антропонимикона англоязычных, русскоязычных и франкоязычных чатов. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011. С. 149-166.
11. Лихоперская И.А. Некоторые аспекты классификации ников в испанском компьютерном дискурсе [Электронный ресурс]. URL: https://www.pglu.ru/upload/iblock/3ad/uch_2010_iii_00012.pdf

References

1. Schlobinski P. Editorial: Sprache und internetbasierte Kommunikation – Voraussetzungen und Perspektiven. / Websprache.net. Sprache und Kommunikation im Internet. Berlin, 2005. S. 1–14.
2. Wirth U. Chatten. Plaudern mit anderen Mitteln / Websprache.net. Sprache und Kommunikation im Internet. Berlin, 2005. S. 67 – 85.
3. Pocheptsov G.G. Communicative technologies of XX century. М.; К.: Refl-book; Vakler, 1999. P. 8 – 10.
4. Zhichkina A. Socio-psychological aspects of Internet communication [Electronic resource]. URL: <http://flogiston.ru/projects/articles/refinf.shtml>
5. Bechar-Israeli H. From<Bonehead>to<cLoNehEAd>: Nicknames, Play and Identity on Internet Relay Chat [Electronic resource] // Journal of Computer-Mediated Communication. URL: <http://www.mediensprache.net/archiv/pubs/2035.html>
6. Dabiri G., Helten D. Psychologie & Internet: Psychologische Grundlagenstudie zum Phänomen Internet Relay Chat [Electronic resource]: Qualitative Analyse der Bedeutungsschwerpunkte für die Anwender. URL: <http://userpage.fu-berlin.de/~chlor/werk.pdf>
7. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology. М.: Languages of Slavic culture, 1988. 189 p.
8. Chabanenko M.G. Youth discourse as a realization of a model and individual linguistic personality. Abs. diss. ... cand. philol. sciences. Kemerovo, 2007. 20 p.
9. Balkunova A.S. The role of a web-name (nickname) in the interplay between subjects of virtual communication. Dis. abstract. ... cand. philol. sciences. М., 2012. P. 21-23.
10. Anikina T. V. Comparative research of the virtual anthroponymicon of English-speaking, Russian-speaking and French-speaking chats. Dis. ... cand. philol. sciences. Ekaterinburg, 2011. P. 149-166.
11. Likhoperskaya I.A. Certain aspects of classification of nicks in Hispanic computer discourse [Electronic resource]. URL: https://www.pglu.ru/upload/iblock/3ad/uch_2010_iii_00012.pdf

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPT STUDIES

УДК 811.161.1

*Воронежский государственный
технический университет
д-р филол. наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Ковалева Л.В.
Россия, г. Воронеж
тел. 89107498716*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
Doctor in philology, professor,
The head of the chair
Kovaleva L.V.
Russia, Voronezh, tel. 89107498716*

Л.В. Ковалева

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ

В статье рассматривается новое направление в лингвистике – когнитивная лингвистика. Возникнув как наука о знании, данное научное направление является сложным феноменом. Главной единицей когнитологии является концепт. В статье дается определение концепта с разных позиций, рассматривается его структура, способы его вербализации. Одним из главных механизмов познания является перцепция, которая играет огромную роль в категоризации и концептуализации мира, охватывая разные уровни языка. В результате этого выделяется несколько видов концептов. Концепт представляет собой сложную структуру, имеющую уровни, которые располагаются от более простого к более сложному, от чувственного мышления (перцепции) к абстракции. В зависимости от уровня абстракции в языке выделяются различные виды концептов, которые могут быть представлены в системе языка как слова (лексические концепты), словосочетания (фразеологизмы, свободные словосочетания) и предложения. Уровень современных когнитивных методов в изучении фразеологических концептов дает возможность исследовать их в качестве носителей культурных особенностей, обеспечивающих межнациональное общение. Такой метод является актуальным в исследовании фразеологических концептов разных национальных культур. Сказанное выше подтверждается многочисленными примерами фразеологических концептов разных языков, что позволяет автору сделать вывод о том, что концепты, реализованные в национальных языках, являются национально-культурными, что позволяет проводить анализ с целью обнаружения расхождений на уровне фразеологических концептов.

Ключевые слова: концепт, фразеосочетания, когнитивные исследования, перцепция, абстрактные концепты.

L.V. Kovaleva

SPECIFIC FEATURES OF PHRASEOLOGICAL CONCEPTS

The article considers cognitive linguistics as a new direction in language studies and a complicated scientific phenomenon which appeared as a study of knowledge. Concept is the basic unit of concept studies. The article gives the definition of the concept from various points of view and sites its structure and the ways of verbalization. One of the main mechanisms of cognition is perception which plays a great part in categorization and conceptualization of the world and overwhelms various language levels. As a result of it, several types of concepts are formed. The concept is a complicated structure of many levels which are arranged from the simpler one to the more complicated one and from perception to abstraction. In dependence on the degree of abstraction,

several types of concepts are distinguished, represented in the language system as words (lexical concepts), word combinations or idioms and sentences. The level of modern cognitive methods of idiomatic concepts studies gives the opportunity to site them as the bearers of cultural specificity providing cross-cultural communication. This method is up-to-date in the research of idiomatic concepts belonging to various national cultures, which is proved by the language data. This lets the author conclude that concepts presented in different languages belong to the national culture as well, which leads to the understanding of cultural specificity disposed in the idioms.

Key words: concept, idiom, cognitive research, perception, abstract concepts.

Лингвистика конца 20 века вступила на путь новейшего развития научного знания, сопряженного с другими науками: философией, логикой, психологией, этнологией, культурологией, нейрофизиологией, когнитологией. Возникнув как наука о знании и его репрезентации, она является сложным и составным феноменом. В качестве основного понятийного терминологического элемента когнитологии рассматривается понятие «концепт», имеющее у лингвистов различное толкование. Сам термин происходит от латинского «conceptus», что означает «понятие, мысль, представление». Он имеет сложную структуру. Концепт представляет собой междисциплинарное понятие, поэтому является объектом изучения разных дисциплин: математики, философии, социологии, лингвистики, литературоведения и других. В современной лингвистике существует большое количество разных пониманий концепта, его критериев. Исследованию феномена *концепт* посвящены работы таких ученых, как З.Д. Попова и И.А. Стернин (представители воронежской лингвистической школы), В.И. Карасик, Е.Г. Беляевская, Ю.С. Степанов и др. Многие специалисты считают, что для изучения концепта необходим выход за пределы исключительно лингвистического знания. Механизмы «проникновения» информации и социального опыта в мозг человека, способы переработки, вербализации и кодирования этих сведений – вот вопросы, которыми также занимается когнитология.

Человек познает мир и язык благодаря своей перцептивной системе. Постичь особенности возникновения фразеосочетаний и глубинные механизмы образования фразеологических знаков невозможно без обращения к психическим процессам человека. Существует ряд научных областей, которые занимаются исследованием перцепции (восприятия): философия, физика, психология, культурология, история, семиотика и др. Существуют разнообразные виды перцепции: зрительные, слуховые, осязательные, вкусовые и др. Когнитивная деятельность и процесс познания являются фундаментом, на котором основывается взаимосвязь перцепции и языкового значения. Выявление различных видов перцепции в языковых значениях может прояснить ее роль в категоризации и концептуализации мира, а также в языке, в котором формируются образные знаки: метафорические, метонимические, идиоматические и др. Перцепция, как утверждает И.В. Зыкова, представляет собой сложный и многогранный психофизиологический феномен и является врожденной способностью человека. Она может охватывать разные уровни и аспекты языка. «Язык сохраняет сенсорно-перцептивный опыт познания мира, что можно обнаружить в исследовании языковых единиц. Влияние перцепции на формирование языковой системы раскрывается в образных средствах языка, особенно во фразеологизмах. В процессе образования фразеологизмов выступают разные виды перцепции» [1]. Ю.С. Степанов считает, что концепт – это «пучок представлений, знаний, ассоциаций» [2]. В.В. Красных утверждает, что концепты обладают эмоциональностью, включающей оценочный компонент, коннотацию; то есть концепт – это результат эмоционально-образного восприятия действительности [3]. С.Г. Воркачев указывает на то, что «концепт – синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию, значению» [4].

Исследования ученых в области рассмотрения концептов сводятся к тому, что концепт отражает различные виды перцепции, служащие причиной возникновения у слова нескольких значений. Существуют три типа концептов: одноуровневые, многоуровневые и сегментные. «Ядром» одноуровневого концепта является чувственный образ, отражающий низший (базовый) уровень восприятия. Многоуровневый концепт состоит из несколько слоев, степень абстракции которых варьируется; сегментный концепт основывается на чувственном образе, подобно одноуровневому, однако на этот образ «наслаивается» ряд равноправных по уровню абстракции сегментов [5].

Таким образом, многоуровневый концепт представляет собой иерархически организованное знание о мире (от чувственного к абстрактному). «Нижний» (чувственный) уровень концепта исследователи именуют по-разному: «конкретно-чувственное» (Н.Н. Болдырев), «наглядно-чувственный образ» (З.Д. Попова, И.А. Стернин), «мыслительная картинка» (А.П. Бабушкин). Именно на основе перцепции формируется образная составляющая концепта. В ходе познания человеком окружающей действительности концепт аккумулирует различные признаки предметов и явлений. «Слои» концепта не существуют отдельно друг от друга; чувственный и абстрактный уровни всегда соприкасаются и взаимодействуют. Вербализуясь, концепт встраивается в систему языка, получая выражение при помощи языковых знаков. Концепты и их содержание в системе языка могут быть представлены различными единицами: слово (лексический концепт), словосочетание (фразеологический концепт) и предложение (синтаксический концепт).

М.М. Копыленко и З.Д. Попова, например, используют термин «сочетание лексем» (фразеосочетание) [6]; Дж. Карбонелл, рассматривая фразеологические сочетания как разновидность метафорического переноса, приходит к выводу о том, что вербализованный концепт представляет собой когнитивный паттерн, «позволяющий сформулировать принципы отбора переносимых характеристик в виде последовательной иерархии инвариантностей» [7].

В.В. Петров, изучая метафору как способ семантического переноса, применяет в своем исследовании концептуальный подход: «Сейчас более оправданно говорить о метафоре не только как о языковом, но скорее как о концептуальном феномене. Этот вывод кажется еще более обоснованным, если помнить, что репрезентация метафоры осуществляется на двух принципиально различных уровнях - пропозициональном и образно-ассоциативном» [8, с. 135]. В концептологических исследованиях, изучающих взаимодействие человека, культуры и языка, особое внимание уделяется исследованию культурного концепта. Н.Д. Арутюнова рассматривает культурные концепты как «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [9]. С.Г. Воркачев считает, что культурные концепты есть «ментальные сущности, в которых отражается «дух народа» [10]. В.А. Маслова утверждает, что «для каждого языка, для каждой культуры характерно возникновение специфических со-значений - коннотаций. Механизм их возникновения связан с усилением отдельных аспектов значения (часто за счет яркой внутренней формы слова, на базе которой возникают наиболее стабильные ассоциации). Закрепление ассоциативных признаков в значении слова, т.е. возникновение коннотаций - процесс культурно-национальный» [11]. Когнитивные структуры и их вербализация являются универсальным явлением и имеются в каждом национальном языке, специфически отражая окружающую действительность с точки зрения представлений и знаний определенного этноса. Такой взгляд на развитие современных методов в исследовании культурной коннотации позволяет рассматривать фразеосочетания с концептологических позиций и новых представлений в качестве носителей национально-культурной информации. Рассмотрим некоторые примеры фразеосочетаний разных языков с позиций концептологии.

Для примера возьмем фразеологические концепты русского и некоторых других европейских языков и рассмотрим, как репрезентируется культурологическая информация во фразеологических сочетаниях.

В ходе сопоставительного анализа выявились значительные различия во фразеологических концептах выбранных языков, особенности данных концептов, а также способы их вербализации с помощью фразеологических сочетаний.

Универсальный концепт «подобие/сходство между двумя объектами» репрезентируется в анализируемых языках с помощью фразеологизмов следующим образом. Носители русского языка говорят: «*похож как две капли воды*» [12], «*одного поля ягода*» [12], «*два сапога пара*» [12]; в немецком языке значение подобия выражается фразеологизмом «*Ein Esel schimpft den anderen Langohr*» (буквальный перевод: «один осел ругает другого за длинные уши»); украинцы данный смысл выразят фразеологизмом «*як дві краплі води*»; по-польски это прозвучит как «*jak dwie krople wody*», по-французски - «*comme deux gouttes d'eau*» («как две капли воды»); по-английски - *astwopeas* (букв. «как две горошины»).

Выбранные нами примеры наглядно демонстрируют, что выражение смысла «значительное сходство между двумя объектами» практически совпадает в близкородственных (славянских) языках; в языках другой ветви образный компонент будет несколько иным: немецкий язык «предпочитает» образ домашнего животного, английский язык – образ плода.

С образом животного связана также вербализация концепта «умный и опытный человек», хотя образные ассоциации в европейских языках расходятся. Так, в русском языке данный концепт вербализуется с помощью фразеологизма *стреляный воробей* (образ птицы); в немецком языке будет задействован образ зайца (животного) – *der alte Hase*; в английском мы встречаем идиому *the old bird* (букв. «старая птица») - также образ птицы [12].

Концепт «ненужный, лишний человек» будет репрезентирован в русском языке фразеологизмами *как пятое колесо у телеги*, *как собаке пятая нога*, в английском языке – выражением *the fifth wheel* («пятое колесо») [13]; в немецком – *Das funfte Rad am Wagen* (букв. «пятое колесо в автомобиле»); в болгарском – *нето колело на колата*. Приведенные примеры показывают, что в анализируемых языках концепт «лишний, ненужный» выражен понятием «пятое колесо» в транспортном средстве: в русском и болгарском языках – в телеге, в немецком - в автомобиле, в английском – в любом транспортном средстве.

Такие европейские страны, как Англия, Россия, Германия и др., имеют схожие природно-географические условия, издавна поддерживают активные межкультурные связи. Природные явления, которые окружают человека, создают условия для формирования концептов, которые затем выражаются в языке с помощью фразеологизмов. К примеру, концепт «скромный, тихий человек» связан для русского и немецкого языкового сознания с образом воды: *einstilles Wasser* (дословно «тихая вода») в немецком языке, *тише воды, ниже травы* - в русском.

Концепт «безделье, бесцельное времяпровождение» в украинском и русском языках передается через образ «хождения из угла в угол»: *слоняться из угла в угол* (русское выражение), *тинятися з кутка в куток* (украинское). Что касается немецкого языка, то данный концепт репрезентируется через образ человека, который без цели ходит по улице: *in den Strassen herumlundern* (букв. «праздно слоняться по улице»). Как видно из данных примеров, несмотря на некоторую схожесть, носители европейских языков неодинаково осмысливают явления окружающего мира и по-разному вербализуют свои представления о них.

Подводя итог, можно констатировать, что сопоставительный анализ, раскрывая образность фразеосочетаний, позволяет обнаружить национально-культурные особенности носителей того или иного языка, познакомиться с их культурой, увидеть расхождение и схожесть в способе категоризации действительности на уровне фразеологических концептов.

Библиографический список

1. Зыкова И.В. Перцепция и фразеологический знак в свете (психо)лингвокультурологического подхода // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология. М., 2017. С. 287.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 2004. С. 43.
3. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; основы психолингвокультурологии. М., 2016. С. 203.
4. Воркачев С.Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов. Т.1. Волгоград, 2005. С.11.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж. 2001. С. 62.
6. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1987. С. 212.
7. Carbonell J. Towards a computational model of metaphor in commonsense reasoning. Cambridge, 1988.
8. Петров В.А. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 135-144.
9. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 3.
10. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004. С. 49.
11. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997. С. 53.
12. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1975. 656 с.

References

1. Zykova I.V. Perception and idiomatic signs in the light of (psycho)lingual and cultural approach // (Neo)psycholinguistics and (psycho)lingual and cultural studies. Moscow, 2017. P. 287.
2. Stepanov Y.S. Constants. The dictionary of Russian culture. Research experience. Moscow, 2004. С. 43.
3. Krasnykh V.V. Vocabulary and grammar of lingual culture; basic points of psycholinguistic and cultural studies. Moscow, 2016. Pp. 203.
4. Vorkachev S.G. Basic points of linguistic concept studies // Anthology of concepts. Vol. 1. Volgograd, 2005. P. 11.
5. Popova Z.D., Sternin I.A. Sketches on cognitive slinguistic. Voronezh, 2001. P. 62.
6. Kopylenko M.M., Popova Z.D. Sketches on general phraseology. Voronezh, 1987. P. 212.
7. Carbonell J. Towards a computational model of metaphor in commonsense reasoning. Cambridge, 1988.
8. Petrov V.A. Metaphor: from semantic notions to cognitive analysis // Issues of linguistics. 1990. Vol. 3. P. 135-144.
9. Arutyunova N.D. Introduction // Logical analysis of the language: Mental actions. Moscow, 1993. P. 3.
10. Vorkachev S.G. Happiness as linguistic and cultural concept. Moscow, 2004. P. 49.
11. Maslova V.A. Introduction to linguistic and culture studies. Moscow, 1997. С. 53.
12. Kounin A.V. English and Russian idiomatic dictionary. Moscow, 1975. 656 с.

ЖУРНАЛИСТИКА
В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*студентка 4 курса
направления «Журналистика»
Шашурина Е.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(961)617-60-03
e-mail: sashakramers@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, associate professor
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*The 4th-year student
of the journalism faculty
Shashurina E.V.
Russia, Voronezh,
tel. +7(961)617-60-03
e-mail: sashakramers@gmail.com*

С.А. Скуридина, Е.В. Шашурина

FASHION-ФОТОГРАФИЯ КАК ЖАНР МОДНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В статье представлена хронология возникновения и развития такого жанра визуального искусства, как модная фотография, или fashion-фотография. Авторами исследования подробно рассматриваются этапы развития модной фотографии, предпосылки появления данного жанра и его современное состояние. Фотографии в жанре fashion можно воспринимать как в узком смысле – снимки модных показов, съемки за кулисами, презентации одежды и аксессуаров различных дизайнеров, так и в широком смысле, подразумевая неограниченный стиль и гламур в глянцевой фотографии. Амбивалентность данного явления обусловлена тем, что fashion-фотография – это не просто реклама модной одежды и аксессуаров, но и предъявление образа модели. Развитие индустрии моды и глянцевого журналов превратило модную фотографию в полноценное художественное явление. Модная фотография, как ни один другой жанр, отображает настроение, атмосферу и культуру определенной эпохи, становясь индикатором хронотопа. Понятие модной фотографии в современном мире, ее специфика рассматриваются в статье с точки зрения их изменения и развития. Современная fashion-фотография представляет собой, с одной стороны, образец элитарной культуры, с другой – является потребностью культуры массовой. Настоящая работа направлена на анализ феномена модной фотографии в современных условиях доминирования визуальной образности, когда возможным становится сочетание разных стилей и форм, эпатаж и непредсказуемость фоторешений с целью выражения повышенной эмоциональности, чрезмерной экспрессивности и яркой образности. Актуальные образцы fashion-фотографии демонстрируют следующие специфические черты: минимализм, стремление к лаконичности, склонность к «случайному» сюжету и «натуральность», или правдивость.

Ключевые слова: fashion-фотография, модная фотография, индустрия моды, мода, фотограф, жанр фотоискусства, визуальное искусство, глянец, глянцевого журнала.

S.A. Skuridina, E.V. Shashurina

FASHION PHOTOGRAPHY AS A GENRE OF JOURNALISM

In the article we present the chronology of appearance and development of such a genre of visual art as fashion photography. The authors consider thoroughly the stages of its development and its contemporary condition. Fashion photography can be understood in narrow sense (the photos of fashionable shows, backstage shootings, presentations of clothes and accessories from various designers) and in broad terms (unlimited style and luxury in glamour photography) as well. The ambivalence of this phenomenon is explained by the fact that fashion photography is not only an advertisement of fashionable clothes and accessories but also a presentation of a model's image. The development of fashion industry has transformed fashion photography into a wholesome artistic phenomenon. Fashion photography can reflect the moods, the atmosphere and culture of a certain period of time better than any other genre, becoming the chronotopical indicator. Fashion photography and its specificity in the modern world are presented in the article from the standpoint of their changes and development. On one hand, modern fashion photography is an example of elite culture; on the other hand, it accumulates the needs of mass culture. The present research is aimed at the analysis of this phenomenon under the condition of domination of visual images when it becomes possible to combine various styles and forms, epatage and unpredictable decisions expressing emotionalism, excessive expressiveness and striking imagery. Up-to-date examples of fashion photography demonstrate such specific features as minimalism, tendency to laconism, inclination to "random" footages and naturalism, or truthfulness.

Key words: fashion photography, fashionable photos, fashion industry, fashion, photographer, genre of photo art, visual art, glamour, glamour press.

Несмотря на то, что в настоящее время визуальный контент является доминирующим, модная журналистика является одним из недостаточно изученных направлений. В эпоху преобладания визуального основным способом общения является зрительный образ, создаваемый различными способами и методами. По мнению Н.А. Симбирцевой, «образ, рассчитанный на зрительное восприятие, несет в себе память эпохи, отражает ее телесный дух. Проникая во все сферы культуры, модная фотография репрезентирует образцы элитарного искусства и задает тон вкуса и стиля в условиях массовой культуры» [1]. Существование модной журналистики невозможно без fashion-фотографии, которая демонстрирует творческое дарование фотографа и его искусство работы с моделью.

Возникновение фотографии связано с открытием немецкого ученого И.Г. Шульца, доказавшего в 1725 году, что под воздействием света серебряная соль становится темной. Изобретателем фотографии считается Ж.Н. Ньепс, который хотел добиться автоматического создания изображений на бумаге, что ему удалось осуществить с помощью бумажного листа, пропитанного битумом. К сожалению, предварительная работа по созданию черно-белых снимков занимала не менее восьми часов, после чего можно было приступить к съемке пейзажей. Людей при использовании данного метода фотографировать было невозможно.

Проблема фиксации изображения на бумаге с использованием химических процессов была решена в начале XIX века благодаря экспериментам, проводившимся параллельно в Европе и Америке, однако необходимо было научиться сохранять изображение в течение длительного времени; также требовалось сделать его более четким и более контрастным. В последнем преуспел французский химик, художник и изобретатель Луи Дагер.

Важной вехой в истории фотографии стало получение отпечатка фотографии (негатива) английским физиком У. Тальботом в 1835 году, что позволило копировать изображение.

Широкое распространение фотография получила благодаря деятельности французского исследователя Д.Ф. Араго, выступившего 7 января 1839 года с сенсационным докладом на совместном заседании Академии наук и Академии изящных искусств во Франции. По мнению Д.Ф. Араго, камерой обскура, использующейся для получения снимков, после предварительной практики может овладеть любой человек. После выступления ученого французское правительство выкупило права на представленную технологию, что способствовало популяризации фотографии. Имя Д.Ф. Араго входит в список великих французских учёных и указано на первом этаже Эйфелевой башни. 7 января 1839 года по решению IX Международного конгресса научной и прикладной фотографии (1935 г.) считается днём изобретения фотографии.

С 1850 года увеличивается количество фотостудий, специализирующихся на портретной фотографии. Изображения делали не на бумаге, а на стеклянных и медных пластинах. Снимки того времени были низкокачественными, малоконтрастными, несовершенными и недолговечными. Учеными проводились постоянные эксперименты с целью усовершенствования фотографии, но, тем не менее, выдержка для создания одного изображения могла достигать нескольких минут, а сами камеры были внушительных размеров, и их было неудобно переносить.

Ко времени проведения Всемирной выставки 1855 года фотография уже являлась удобным способом документирования и широко использовалась в разнообразных областях человеческой деятельности, включая промышленность, экспериментальную науку или полицию. С этого времени начинается выделение жанров в фотографии: портретная и пейзажная фотографии, фоторепортаж, научная фотография.

В настоящее время фотография рассматривается как «технология записи изображений путем регистрации оптического излучения с помощью фотографического материала или полупроводникового преобразователя. В отличие от некоторых других языков, на русском языке слово «фотография» используется только в отношении неподвижных изображений. В то же время в профессиональном кино этот термин относится к изобразительному решению фильма, созданного оператором. Фотографиями также называются окончательные отпечатки фотографического изображения, сделанного на фотографической бумаге химическими средствами или на обычной бумаге с помощью цифрового принтера» [2].

В современную эпоху одной из самых интересных, популярных и актуальных тенденций фотоискусства является жанр fashion-фотографии, или модной фотографии. Такая фотография, в отличие от других жанров фотоархива, наиболее полно представляет собой модные тенденции общества в определенный период времени. Понятие *модная фотография (fashion-фотография)* можно истолковать в широком смысле, подразумевая гламур, доминирующий на страницах глянцевого журналов, но также и в более узком смысле, как фотопрезентация одежды и аксессуаров, фотодефиле, а также фотоотчет о различных модных событиях. Очевидно, что fashion-фотография может быть расценена и как форма искусства.

Последние сто лет СМИ упорно работали над тем, чтобы fashion-съемки действительно стали формой самовыражения фотографов. Такое явление, как модная фотография, возникло в начале XX века. Уже в 1920-х годах рекламные агентства начали активно использовать фотографию вместо графики, доминировавшей длительное время в печати тех лет. Появилась возможность фотодокументирования модных коллекций. Такие мастера фото, как А. де Мейер, Х.П. Хорст, С. Битон, использовавшие техники постановочной фотографии, заложили ее эстетическую основу. До середины XX века фотографиями культивировался привлекательный, но, к сожалению, статичный образ; в 1950-е же годы они обращаются к иллюстрированию современного модного образа жизни, что было детерминировано социальной ситуацией, а именно возникновением и

развитием общества потребления. После Второй мировой войны экономический и культурный центр переместился из Европы в США: если в 1930-х и 1940-х годах XX века главными в области моды считались французские журналы, то в 1950-х становятся более популярными нью-йоркские издания - Vogue и Harper's Bazaar.

Массовая рекламная фотография начала 50-х годов использовала развитие модных фотографов предыдущего периода, поэтому она представлена преимущественно студийными снимками на простом монофоническом фоне с несколькими источниками света и прямой перспективой.

В модной фотографии 1950-х годов можно увидеть следующие изменения: во-первых, стремление к документалистике, то есть использование в качестве фона известных культурных топосов; во-вторых, демонстрация характерных исторических тенденций; в-третьих, отрицание классических стереотипов, заключающихся в стилистическо-семантическом синтезе таких составляющих, как изображаемый характер, одежда и аксессуары.

Рост высокой моды в послевоенной Европе, многочисленные шоу, популяризация журналов, расцвет кинематографа в значительной мере стимулировали развитие модной фотографии, что обусловило отказ от классических канонов, диктовавших стилистическое и семантическое единство характера, декора и одежды, и способствовало развитию документалистики, когда характерные исторические тенденции попадают в модную фотографию. Сама концепция моды переходит в другое пространство, увлекая за собой модную фотографию, отказавшуюся от простого изображения модных фасонов и подходящих аксессуаров.

Основоположником нового документального стиля модной фотографии 1950-х годов считается М. Мункачи, под влиянием которого находились многие фотографы будущего поколения, в том числе Р. Аведон. К примеру, снимок фигуриста в движении, автором которого является М. Мункачи, вдохновил Р. Аведона на необычную перспективу в модной фотографии 1947 года для компании Dior.

Другим новатором в сфере модной фотографии 1950-х считается И. Пенн, радикально изменивший подход к данному жанру, отказавшись от насыщенной обстановки в кадре и впервые начав снимать модели на простом сером фоне. Следует отметить, что И. Пенн, снимкам которого присущи такие особенности, как ясность, специфическое чувство света, стремление к четкости и повышенный интерес к детали, вносит в свою фотографию аристократизм, выражающийся в предпочтении таких стереотипов, как элегантность и утонченность. И. Пенну принадлежит мысль о том, что фотография – одна из форм современного искусства.

В творчестве другого известного реформатора модной фотографии, Р. Аведона, работавшего для Harper's Bazaar, можно выделить следующие отличительные черты: «черно-белая палитра с предельно четко прочерченным абрисом, фронтальная композиция, яркий свет, не признающий игры светотени» [3]. Р. Аведону принадлежит идея вывести модели из студии на улицу, подчеркнув тем самым образ новой женщины: романтической, легкой, воздушной. Как говорил сам Р. Аведон, «мне нравились воображение и веселье девушек, я обожал смотреть, как они двигаются. Я интересовался не собственно модой, но хотел отобразить на снимках этот взрыв энергии и радости» [3].

Наиболее известной у Р. Аведона является Парижская серия фотографий 1956 года в Кафе Des Veaux-arts и на Площади Согласия, центральной моделью которой стала С. Паркер. Специалист по истории фотографии Г. Бакленд описал эту серию снимков так: «Его снимки изображают юных девушек, наслаждающихся жизнью, потому что они прихорошились и с радостью прыгают в своих парижских нарядах. У фотографий Р. Аведона, возможно, не было технического совершенства, и к лучшему: они переда-

вали то утверждение, которое он хотел сделать, – движение, навечно пойманное его линзой» [3].

Итак, мы видим, что 1950-е годы отмечены тяготением фотосъемки к документальному кино, к изображению улицы, к использованию спортивной тематики, в результате чего формируется новая философия моды, напоминающей теперь не скульптуру с ее статичностью, а тяготеющей к кинематографичности.

Как уже отмечалось выше, после Второй мировой войны США становятся центром мира моды. В это время в США создается «культ комфорта», заключающийся в стремлении к полному благополучию.

В 1960-е годы *swinging London* становится новым индексом моды. Этот стиль по определению выходит за пределы одежды, став индикатором образа жизни в целом. В 1960-е годы происходит переоценка ценностей, пересматривается роль женщины в социуме, изменяется репрезентация образа женщины в модных изданиях, проявившаяся главным образом в изображении сексуальности женского тела.

Мода 1970-х годов, в отличие от модных тенденций 1960-х, демонстрирует реалистичность, комфорт и прагматизм, олицетворением которых являются синие джинсы. Наконец, появляются преуспевающие и талантливые женщины-фотографы – Е. Арнольд, Д. Тербвиль и С. Мун, предлагающие иной взгляд на женщину.

Материалистические 1980-е годы ознаменовались превращением моды в глобальную потребительскую машину. Коллекции одежды, появляющиеся на подиумах два раза в году, привлекающие внимание известных фотографов и профессиональных операторов, преподносятся средствами массовой информации как важное событие мировой модной индустрии. Изменяются стереотипы красоты, эволюционируют образы супермоделей, олицетворяющих эталон женского совершенства.

1990-е годы в мировой моде ознаменованы слоганом К. Кляйна «Будь самим собой». Наиболее популярными законодателями европейской моды становятся Prada и Gucci, американской моды – Tommy Hilfiger. 1990-е годы характеризуются сосуществованием стилей разных направлений, отсюда их противоречивость, одновременная элегантность и претенциозность (например, стиль гранж, введенный Куртом Кобейном, лидером группы «Нирвана»).

В 1990-е годы активно внедряется, в том числе и в жанр модной фотографии, цифровое фото, преимуществом которого является возможность применения компьютерной обработки. Д. Ляшапелле и А. Джакоббе создают модные изображения с применением новых технологий.

Глобализация и развитие информационных технологий способствовали быстрому распространению модных тенденций: чтобы оставаться актуальным, фотограф должен быстро развиваться, внося в свою работу соответствующие изменения. Ключевая роль в маркетинге и рекламе позволила фотографу приобрести огромную власть в потребительской индустрии. К. Макдауэлл (Colin McDowell), историк моды и журналист, обозреватель британского издания *The Sunday Times*, говорит, что «именно фотограф моды — настоящий властитель этой индустрии, его значимость порой превосходит значимость даже известных дизайнеров. Мода полностью зависит от раскрутки, поэтому фотограф в ней король. Неизменным остается одно — красивая женщина, хорошая одежда и талант фотографа - это сила» [Цит. по: 4].

Современная модная фотография – это совмещение всевозможных стилей, вплоть до сочетания несочетаемого, это поиск гармонии в дисгармонии, это эклектика и компиляция разных форм. Все перечисленное используется ради демонстрации повышенной эмоциональности, чрезмерной экспрессивности и эпатажной образности, но вопреки устоявшимся, «консервативным», стандартам, ориентированным на гармонию изобразительно-выразительных средств и приемов фотосъемки.

Таким образом, можно выделить следующие тренды в жанре современной fashion-фотографии:

1) минимализм в сочетании со стремлением к созданию чистых и понятных визуальных образов;

2) мода на «натуральность», то есть правдивость;

3) стремление к «случайности» фото: съемка не в оборудованной студии, а на улице, в общественных местах, в толпе – с целью демонстрации индивидуальности [5].

В настоящее время, помимо модных журналов, информацию о современных модных тенденциях содержат также модные блоги, контент которых включает как статьи, посвященные данной тематике, так и фотографии, причем последние нередко выполнены в жанре *looks* – собственные фото в модной одежде с комментариями для читателей о правильном сочетании одежды и аксессуаров. Подобное можно увидеть в блоге Э. Хромченко [6].

Как видим, эволюция fashion-фотографии продолжается, что, несомненно, связано с развитием компьютерных технологий, появлением новых стандартов в современном социуме, с выработкой новых запросов. Несмотря на то, что основная цель использования fashion-фотографии – это увеличение продаж модной одежды, fashion-фотография – это жанр фотоискусства, который «фиксирует атмосферу своего времени, стремится показать настроение и стиль эпохи, воплощая при этом тот идеал культуры, к которому пытается прикоснуться мода» [7], поэтому, на наш взгляд, можно говорить, что fashion-фотографии несут в себе специфику определенного хронотопа.

Библиографический список

1. Симбирцева Н.А. Fashion-фотография как визуальная репрезентация // Концепт. 2013. Т. 4. С. 146–150. URL: <http://e-koncept.ru/2013/64030.htm> (дата обращения - 25.11.2018).

2. Фотография // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фотография> (дата обращения - 25.11.2018).

3. Феномен модной фотографии. Ричард Аведон. <http://elegantnewyork.com/fashion-photography-1/> (дата обращения - 25.11.2018).

4. Аверьянова О.Н. Основные тенденции развития фотографии журналов мод (США, Западная Европа) в XX веке. Автореф.... канд. дисс. по специальности 17.00.04. - Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура. М., 2006. URL: <http://www.dissercat.com/content/osnovnye-tendentsii-razvitiya-fotografii-zhurnalov-mod-ssha-zapadnaya-evropa-v-xx-veke> (дата обращения - 25.11.2018).

5. 7 трендов в фотографии. URL: <https://blog.vigbo.com/7-trendov-v-fotografii> (дата обращения - 25.11.2018).

6. Блог Эвелины Хромченко. URL: <http://evelinakhromtchenko.com> (дата обращения - 25.11.2018).

7. Fashion-фото. URL: <http://art-veranda.ru/art-of-photography/fashion-foto/> (дата обращения - 25.11.2018).

References

1. Simbirtseva N.A. Fashion photography as a visual representation // Concept. 2013. Vol. 4. P. 146–150. URL: <http://e-koncept.ru/2013/64030.htm> (date of application - 25.11.2018).

2. Photography // Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фотография> (date of application - 25.11.2018).

3. The phenomenon of fashionable photos. Richard Avedon. <http://elegantnewyork.com/fashion-photography-1/>(date of application - 25.11.2018).

4. Averianova O.N. The main tendencies in the development of the photography in the fashion press (the USA, Western Europe, 20th century). Thesis PhD.... qualification 17.00.04. – Fine and applied arts and architecture. Moscow, 2006. URL: <http://www.dissercat.com/content/osnovnye-tendentsii-razvitiya-fotografii-zhurnalov-mod-ssha-zapadnaya-evropa-v-xx-veke> (date of application - 25.11.2018).

5. 7 trends in photography. URL: <https://blog.vigbo.com/7-trendov-v-fotografii> (date of application - 25.11.2018).

6. Evelyn Khromchenko's web log. URL: <http://evelinakhromtchenko.com> (date of application - 25.11.2018).

7. Fashion photography. URL: <http://art-veranda.ru/art-of-photography/fashion-foto/> (date of application - 25.11.2018).

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 81`27

*Донецкий национальный
технический университет
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
Юрьева Е.В.
Украина, г. Донецк,
тел. +380713662133
e-mail: uriev79@mail.ru*

*Donetsk National Technical University
Department of Russian Language
PhD, associate professor
Yuryeva E. V.
Ukraine, Donetsk,
tel. +380713662133
e-mail: uriev79@mail.ru*

Е.В. Юрьева

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МОДАЛЬНОСТИ В СЛОГАНАХ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

В статье дается общее представление о категориях объективной и субъективной модальности. Рассматриваются виды модальности в слоганах социальной рекламы. Установлено, что субъективная модальность играет важную роль в создании слогана социальной рекламы – через свое видение адресант слогана формирует отношение адресата к социальным проблемам, причем мнение адресанта в большинстве случаев не навязывается дестинатору. По мнению автора статьи, в слоганах социальной рекламы интерпретация или оценка адресанта носит завуалированный характер. Зачастую субъективная модальность в слоганах социальной рекламы выражается имплицитно, усиливая тем самым перлокутивный эффект. Автором выделены и проанализированы следующие виды модальности: эпистемологическая, деонтологическая, гипотетическая, желательная, аксиологическая, ассертивная. Отдельное внимание автор уделил комической модальности как особому виду общезыковой универсальной категории модальности. Проанализированы также средства выражения модальности в данном дискурсивном образце. Автор приходит к выводу, что, заменяя одно средство выражения модальности другим, адресант способен изменить модальное значение, внести новый смысловой оттенок. Особенностью реализации средств модальности является то, что с целью усиления воздействия на дестинатора адресант рекламного сообщения использует модальность как коммуникативную стратегию.

Ключевые слова: модальность, слоган социальной рекламы, средства выражения модальности, таксономия видов модальности, адресант, адресат.

E. V. Yuryeva

FEATURES OF REALIZATION OF MODALITY IN SOCIAL ADVERTISING SLOGANS

The general idea of the categories of objective and subjective modality is given in the article. The types of modality in slogans of social advertising are also considered. It has been established that the subjective modality plays an important part in creating of a social advertising slogan because the attitude of the addressee to social problems forms the slogan through the vision of addresser, and the addresser's opinion is not imposed to the destinator in most cases. According to the author of the article, in the slogans of social advertising the interpretation or assessment of the addresser is veiled. Often the subjective modality in social advertising slogans is expressed implicitly, it reinforces the perlocutionary effect. The author has identified and analyzed the following

types of modality: epistemological, deontological, hypothetical, desirable, axiological, assertive. The author pays special attention to the comic modality as a special type of general language universal category of modality. The means of expressing the modality are also analyzed in this article. The author concludes that by replacing one means of expressing modality by another one, the addresser is able to change the modal value, to introduce a new semantic connotation. The peculiarity of the implementation of the modality means is that the addresser of the advertising message uses the modality as a communication strategy in order to increase the impact.

Key words: modality, social advertising slogan, means of modality expression, taxonomy of modality types, addresser, addressee.

Современные направления изучения лингвистики текста скоординированы на анализе языковых способов передачи информации, поиске эксплицитных и имплицитных средств создания и передачи текстов, имеющих особую прагматическую направленность и обеспечивающих общение в сфере массовой коммуникации. К ним, безусловно, относится слоган социальной рекламы [1, с. 4]. Язык слогана социальной рекламы выполняет функцию средства воздействия адресанта на концептуальную картину мира адресата, выступает в качестве инструмента управления его действиями и поступками, в чём и выражается прагматическая, или, другими словами, перлокутивная функция рассматриваемого нами субжанра [1, с. 4]. Выбор того или иного вида модальности может быть стратегическим замыслом адресанта с целью усиления перлокутивного эффекта.

В настоящее время модальность является объектом изучения многих гуманитарных наук, таких как логика, философия, психология и лингвистика.

В лингвистике приобретает большое значение изучение эгоцентричных категорий, с помощью которых человек не просто передает суждение об окружающей действительности, но делает это, пропуская все через себя и собственный жизненный опыт. Одной из таких категорий является категория модальности [2, с. 233].

В современной лингвистике диапазон понятия модальность довольно широк: от определения языковой модальности как прямого аналога логической модальности (классификация типов модальности в плане действительности) до чрезвычайно широкой трактовки, при которой модальность рассматривается как выражение говорящего к действительности [3, с. 144].

Следуя классической логике, все суждения можно разделить на ассерторические (суждения, которые не содержат оценки информации, например: «*Помощь может быть разной*» (http://www.socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=6000&SECTION_ID=107)) и модальные (суждения, которые содержат явную или завуалированную оценку, например: «*Помощь – это просто и недорого*» (<http://1soc.ru/news/view/2825>) или «*Очень нужны помощники!*» (<http://vse-ravno.net/tag/naruzhnaya-reklama>)).

Таким образом, можно утверждать, что модальное суждение – это дополненное авторским отношением ассерторическое суждение.

Общеизвестно, что способами выражения модальности могут быть как лексические, так и морфологические, синтаксические, интонационные и др. средства. В лингвистике существует большое количество таксономий модальности [4; 5; 6; 7 и др.]. Большинство классификаций выстроено с учетом разнообразия средств выражения модальности. Заменяя одно средство выражения модальности другим, адресант способен изменить модальное значение, внести новый смысловой оттенок.

Учитывая тот факт, что модальность способна выражать оценку, она может быть объективной, то есть такой, которая основана на средствах выражения отношения общаемого к действительности (необходимость / вероятность, возможность / невозможность, реальность / нереальность и т. д.), и субъективной, выражающей отношение

адресанта к сообщаемому (уверенность / неуверенность, согласие / несогласие, экспрессивная оценка и т. д.).

Субъективная модальность – «функционально-семантическая категория, служащая воплощению оценки со стороны говорящего степени достоверности передаваемой информации» [8, с. 12].

Субъективная модальность играет важную роль в создании текста слогана социальной рекламы – через свое видение адресант слогана формирует отношение адресата к социальным проблемам, причем мнение адресанта в большинстве случаев не навязывается. Например: «*Родители? Курение вызывает бесплодие*» или «*Мужской журнал не делает тебя мужчиной*» (<https://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/20-samyh-moschnyh-socialok-goda-1115210/>). Субъективная модальность реализуется в приведенных слоганах с помощью частиц. Частица «ли» выражает сомнение адресанта, а частица «не» употребляется в качестве основного отрицания. В первом примере адресант выражает негативное отношение к курению, во втором пытается развенчать образ типичного современного мужчины.

Модальность по своей сути субъективна, что проявляется не только в выражении отношения говорящего к событию, зафиксированному в пропозиции, но и в том, что представление о существовании и взаимодействии предметов и явлений окружающего мира также осуществляется человеком, а значимость объектов, подвергающихся интерпретации, определяется объемом индивидуальных картин мира [9, с. 23].

В данной статье мы сделали попытку проанализировать инвентарь языковых средств выражения модальности в слоганах социальной рекламы.

Для анализа материала нашего исследования наиболее приемлемой представляется следующая классификация:

1. *Эпистемологическая (эпистемическая [10]) модальность (доказательная)* – это модальность, которая указывает на достоверность информации, содержащейся в суждении. Степень достоверности может быть выражена с помощью наречий («доказано», «опровергнуто», «возможно» и др.), модальных глаголов («знает», «считает», «верит», «сомневается» и др.), конструкций с прилагательными и причастиями («убежден», «уверен» и др.). Например: «*Я уверен, моя мечта исполнится!*» (<http://files.geometria.ru/pics/original/052/391/52391431.jpg>) или «*Россияне и белорусы – братья и сестры. Я считаю Россию родной страной*», – биатлонистка Дарья Домрачева (<https://m.by.tribuna.com/tribuna/blogs/editors/1646610.html>).

Вышеперечисленные средства используются адресантом не только для выражения его уверенности в сообщаемом, но и для формирования у адресата мнения, что представленная в тексте слогана информация не подлежит сомнению и критике.

2. *Деонтологическая модальность* – модальность, которая выражает то, что запрещено с точки зрения закона, необходимо или разрешается / не разрешается с точки зрения моральных принципов, устоев, норм поведения. Например, с помощью слогана «*Не продавайте пиво несовершеннолетним! Это не просьба, это Закон. Статья 14.16 Кодекса РФ об административных правонарушениях*» (<https://1soc.ru/news/view/1691>) адресант хочет вызвать негативное отношение к фактам продажи алкоголя несовершеннолетним. С этой целью автор слогана, используя средства выражения деонтологической модальности, манипулирует эмоциями адресата, пытаясь вызвать у него страх и сомнения относительно того, стоит ли нарушать закон, идя на поводу у лиц, не достигших 18 лет.

Языковые средства выражения деонтологической модальности в слоганах социальной рекламы: «должен», «обязан», «следует», «следовало бы», «желательно», «целесообразно», «запрещено», «запрещается», «запрет» и др. Например: «*В метрополитене*

запрещается! *Использовать средства звукозаписи (кроме слуховых аппаратов) и прослушивать аудиозаписи или аудиотрансляции без наушников или на повышенной громкости, мешающей другим пассажирам»* (<https://news.mail.ru/society/31291409/>), «С 1 июня 2013 года **вводится запрет** на курение: в образовательных учреждениях; на спортивных и культурных объектах; в медицинских и санаторно-курортных заведениях; в городском и пригородном транспорте; внутри и ближе 15 метров от входов на вокзалы и в аэропорты, станции метро; на детских площадках и пляжах; в лифтах и подъездах; в зданиях соцслужб и органах власти; на автозаправочных станциях» (<http://cs21.babysfera.ru/8/b/2/9/1113336.166612259.jpeg>).

3. *Гипотетическая модальность* – модальность, которая выражает возможность высказываний адресанта стать соответствующими/несоответствующими действительности. Этот вид модальности выражается в слоганах социальной рекламы с помощью наречий: «предположительно», «примерно», «приблизительно», «гипотетически» и др.

Средствами выражения гипотетической модальности могут быть также конструкции с нереальным условием и предположительным следствием. Например: «**Если бы ты читал книгу, то знал бы, что Призрак Оперы никогда не проводил всю жизнь в подвале театра. Он ездил по всему свету, принимал участие в постройке здания Оперы театра и даже смог предотвратить переворот в Персии. А ты всего лишь посмотрел «Призрак Оперы»**» (<https://prikol.i.ua/view/992857/?cp=1>), «**Если бы XIX веке существовало интернет-пиратство, многим писателям пришлось бы менять профессию. Одним врачом больше. Одним великим писателем меньше. А. П. Чехов. Уездный врач»**» (http://vse-ravno.net/v-podmoskove-poyavitsya-socialnaya-reklama-s-izvestnyimi-lyudmi-19_06_2013) или «**Если я появлюсь на свет, я буду удивлять тебя!**» (<http://www.taday.ru/text/1919399.html>).

Фраза с условными или уступительными отношениями переносится в гипотетическое наклонение, как только речь идет о фактах или отношениях предполагаемых и, следовательно, нереальных [11, с. 172].

4. *Желательная (оптативная) модальность* – модальность, которая выражает необходимость или возможность с точки зрения пожеланий адресанта. Данный вид модальности реализуется в слоганах социальной рекламы с помощью:

- сослагательного наклонения;
- конструкций «я бы хотел», «я хочу», «я не хочу»;
- других конструкций, например: «если бы только», «только бы», «хотя бы только» и др. Например: «**Я хочу see the world»** или «**Я хочу a better job»**» (<http://prportal.com.ua/FotoFakt/provokativnu-reklamu-angliyskoyi-zaminili-na-positivno-motivuyuchu>) или «**Мне безразлична судьба города. Я не хочу, чтобы решали за меня. Так всегда делают в моей семье»**» (<https://do-slez.com/interesnoe/3357-skorovybory-ili10primerov-smeshnoy-reklamy.html>), «**Хочу быть братиком!**» (<http://www.taday.ru/text/1919399.html>) или «**Я девушка, я не хочу про бандитов, я хочу свой телеканал!**» (<https://secretmag.ru/opinions/gender-stereotypes.htm>).

5. *Аксиологическая модальность* – модальность, которая оценивает явление, ситуацию, человека с точки зрения системы этических/эстетических ценностей.

Позитивная оценка выражается модальностью «хорошо» («прекрасно» / «добро»). Например: «**Читать книги также важно, как читать игру», – защитник ФК ЦСКА Сергей Игнашевич**» (<http://www.sostav.ru/news/2010/08/19/r6/>), «**Чем натуральнее – тем полезнее! Здоровые дети – здоровая нация»**» (<http://rsg-nn.ru/v-ramkax-realizacii-gorodskogo-proekta-ya-gorod.html>), «**В нашей семье царит радость. Трезвость наша традиция»**» (<http://sociama.ru/>) или «**Мой муж самый лучший. Надежный, верный, трезвый»**» (www.трезвый-город.рф). Негативная оценка выражается модальностью

«плохо» («безобразно» / «зло»). Например: «*Продажа пива несовершеннолетним – преступление против их жизни*» (<https://1soc.ru/news/view/1691>).

По нашему мнению, оценка – это отображение отношения автора суждения к чему-либо: явлению, предмету и т.д.

Оценка в слогане социальной рекламы может быть выражена прямо (например: «*Уральская. Элегантная и грациозная. Самая добрая кошка на Урале с самым огромным добрым сердцем. Такую породу просто так не купишь. Но ее можно просто так взять из приюта*» (<https://59.ru/text/gorod/329738325659648.html>) – позитивная оценка адресанта; «*Мат вероломно, как червь, «съедает» гармонию и мир*» (<https://gomel.today/rus/news/gomel/57095/>) – негативная оценка адресанта) и косвенно с помощью различных языковых средств (например: «*Я не виноват. У хозяина аллергия*» или «*Я не виноват. Жертва развода*» (<https://catantique.livejournal.com/2363.html>). Интенция «*Приютит бедное бездомное животное*» выражена в форме непрямого речевого акта. Директивный речевой акт представлен формой репрезентатива, а слова «жертва» и «не виноват», которые имеют эмоционально-экспрессивный оттенок, способствуют усилению воздействия на адресата данного слогана. Адресант косвенно выражает положительную оценку и одобряет стремление адресата (в том случае, если оно появится) приютить бездомное животное. Таким образом, модальность можно рассматривать как одну из стратегий построения текста слогана социальной рекламы.

б. *Ассертивная (утвердительная) модальность* – модальность, которая выражает суждения адресанта, не подкрепленные статистическими данными или какими-либо доказательствами.

Существенным отличием реализации утвердительной модальности в медиакурсе является почти полное отсутствие традиционных перформативных формул «я х» / «я х, что» [12]. Например: «*Стирка при температуре 30° вместо 50° позволяет сэкономить электроэнергию. При этом качество стирки остается таким же*» (<http://www.advertology.ru/article124607.htm>).

Коммуникативная специфика слогана социальной рекламы определяется тем, что данный дискурсивный образец выполняет не только информативную функцию, но и воздействующую. Поэтому в слоганах социальной рекламы под ассертивом (информативный речевой акт) в некоторых случаях завуалирован директив (акт побуждения). Вышеприведенный слоган можно интерпретировать так: «*Экономьте электроэнергию. Стирайте при температуре 30° вместо 50°*».

Таким образом, субъективная модальность зачастую оказывается выраженной имплицитно, усиливая персуазивный компонент [12]. Например: слоган «*Дети не ищут опасность. Они просто любят конфеты*» (<https://www.sb.by/articles/mchs-primdumalimiluyu-reklamu-chtoby-zashchitit-detey-ot-neschastnykh-sluchaev.html>), выраженный в форме ассертива, представляет собой косвенный речевой акт, за которым скрывается директив «*Смотрите за своим ребенком*» или «*Тариф «Болтливый водитель». Все входящие – в капот*» (<http://vse-ravno.net/feedback/boltlivyj-voditel>) – завуалированный директив «*Не разговаривайте по мобильному телефону за рулем*».

Итак, для более глубокого воздействия на дестинатора адресант прибегает к косвенному выражению иллюкутивной цели. Это помогает привлечь внимание адресата слогана, уменьшает дистанцию между интерактантами, увеличивает доверие дестинатора и побуждает его к действию.

Иначе говоря, в косвенных речевых актах передается другой смысл, отличный от того, который формально обозначается иллюкутивным типом [13, с. 375].

С целью избежания актов, которые «угрожают лицу» адресата в дискурсе социальной рекламы, речевой акт директива может быть представлен формой репрезентати-

ва (ассертива) или другого речевого акта (с иллокуцией директива), благодаря чему слоган приобретает рекомендательный характер, не «отталкивая» при этом своего дестинатора излишней категоричностью.

Следует отметить, что в слоганах на русском языке face threatening acts (то есть акты, которые навязывают адресату в форме директива модель действий [14, с. 319-346]) используются довольно часто. Это можно объяснить не только коммуникативными особенностями слогана (за короткое время текст сообщения должен быть предельно ярким и максимально эффективным), но и психолингвистическими особенностями россиян, которые отличаются высоким уровнем эмоциональности и экспрессивности коммуникативного поведения [1, с. 89].

Кроме того, с целью оптимизации процесса восприятия адресант слогана социальной рекламы использует комическое и юмористическое. Адресантом намеренно определяются и используются наиболее действенные средства и приёмы создания комического эффекта, а также прогнозируются результаты их воздействия на адресата. Учитывая данное обстоятельство, мы можем говорить о комической модальности.

Под *комической модальностью* следует понимать особый вид общеязыковой универсальной категории модальности, выражающий оценочное суждение говорящего или пишущего о сообщаемом с целью создания комического эффекта [15, с. 175]. Например, в слогане «*Пожалуйста, почитай книжку!!! Твой маленький мозг*» (<http://woman-az.ru/viewtopic.php?t=731>) выражение мысли остаётся незаконченным. Высказывание прерывается с расчётом на речевую догадку адресата. Под видом просьбы адресант иронично намекает на то, что человек, который мало читает, имеет маленький мозг, то есть заурядный интеллект (не способен воспринимать, анализировать информацию, делать правильные выводы).

В следующем примере адресант интерпретирует произведения известных классиков в комической форме, используя лексику характерную для публицистического стиля: «*Новости от классиков. Светская хроника. Тусовщик застрелил друга из-за мимолетного флирта*», «*Новости от классиков. Светская хроника. Жена высокопоставленного чиновника покончила с собой после ссоры с любовником. Л.Н. Толстой. Анна Каренина*» или «*Новости от классиков. Криминал. Дворник-приезжий оказался догхантером. И.С. Тургенев. Муму*» (<http://woman-az.ru/viewtopic.php?t=731>). Привлекают внимание адресата неологизмы «догхантер», «криминал», разговорная лексика, например «тусовщик», а также эмоционально-оценочная: неодобрительные и пренебрежительные слова, такие как «любовник», «мимолетный флирт», «дворник-приезжий».

На повышение интереса адресата, на появление у него позитивных эмоций и на эффективное запоминание информации направлены образность и эмоциональность следующего слогана: «*Подарил жене «Шинель» вместо «Шанель». Не оценила. Григорий Коган*» (<http://fanlife.ru/reviews?page=25>). В основе этого слогана лежит модальная оппозиция «реальность – ирреальность». Реальность – подарил жене «Шинель». Ирреальность – подарил жене «Шанель» (действие желаемое, гипотетическое, уже неосуществившееся). Комический эффект достигается путем использования адресантом такого эффективного, на наш взгляд, приема, как метонимия. Это вид тропа, который основан на замене слова или понятия другим словом по «смежности» (часть вместо целого, представитель вместо класса или наоборот). Читая вышеприведенный слоган, адресат понимает, что адресант подарил жене известную повесть Николая Гоголя. Слово «повесть» («книга») замещается словом «Шинель» (названием повести). Таким образом, адресат способен вывести импликацию «*Григорий Коган подарил жене книгу вместо ее любимого парфюма*». Кроме того, «Шинель» и «Шанель» – паронимы (близкие по звучанию разнокоренные слова). Семантическое несоответствие (в какой-то мере противопоставление) этих слов усиливает эффект восприятия, подчеркивая нелепость си-

туации, в которой оказался главный герой. Данная игра слов привлекает адресата не только схожим звучанием, но и возможностью различного осмысления участвующих в ней лексических единиц.

Итак, следует обратить внимание на то, что в целом любые языковые единицы в зависимости от намерения адресанта слогана и контекста могут стать модальными. Однако оценочность в высказываниях, создающих комический эффект, достигается за счет разнообразных изобразительно-выразительных средств языка, то есть значительную роль в формировании комической модальности играет система стилистических приемов [15, с. 176].

В заключении необходимо подчеркнуть, что в учебно-методической литературе существует большое количество различных классификаций не только видов модальности, но и средств их выражения [16, с. 29].

В данной статье мы предложили классификацию видов модальности в слоганах социальной рекламы. Нами проанализированы следующие виды модальности: эпистемологическая, деонтологическая, гипотетическая, желательная, аксиологическая, асертивная. Отдельное внимание уделено комической модальности, как особому виду общеязыковой универсальной категории модальности.

Специфика использования перечисленных видов модальности в слоганах социальной рекламы заключается в том, что они реализуются как с помощью наречий, модальных глаголов, частиц, конструкций с прилагательными, причастиями и др., так и имплицитно (скрыто, неявно).

С целью усиления воздействия на адресата адресант рекламного сообщения использует модальность как коммуникативную стратегию.

В основе формирования модальности большей части слоганов социальной рекламы лежит позиция адресанта, которая отражает субъективный аспект высказывания. Довольно часто в слоганах социальной рекламы интерпретация или оценка адресанта носит завуалированный характер.

Библиографический список

1. Юрьева Е.В. Слоган социальной рекламы: коммуникативно-прагматические и когнитивно-концептуальные функции / Е.В. Юрьева. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. Горловка: Горловский институт иностранных языков, 2017. 228 с.
2. Селезнева Т.А. Понятие субъективной и объективной модальности в языке / Т. А. Селезнева // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3. С. 233-234.
3. Андрейчик Н.И. Синтаксические структуры как средство выражения модальности предложения в вопросительных высказываниях / Н. И. Андрейчик // Лингвистика и методика в высшей школе. Выпуск 2. Гродно: Гродненская типография, 2010. С. 144-148.
4. Арутюнова Н.Д., Булыгина Т.В., Кибрик А.А. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.А. Кибрик. Москва: Наука, 1992. 280 с.
5. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.
6. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53-87.
7. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н.Ю. Шведова. М.: АН СССР, 1960. 377 с.

8. Рымкевич О.Е. Текстобразующий статус категории субъективной модальности в немецком языке / О.Е. Рымкевич: автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.04. – Минск: Мин. пед. ин.-т, 1991. 22 с.

9. Нагорный И.А. Ситуация сомнения и специфика ее репрезентации в русском языке / И.А. Нагорный // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 12 (131). Вып. 14. С. 23-28.

10. Сафина А.Р. Коммуникативные стратегии и тактики, реализуемые при экспликации эпистемической модальности в английском языке // Вестник БГУ. 2017. №2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyye-strategii-i-taktiki-realizuemye-pri-eksplikatsii-epistemicheskoy-modalnosti-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 17.04.2018).

11. Карцевский С.И. Система русского глагола / С.И. Карцевский // Из лингвистического наследия. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. II. 296 с.

12. Мерзлякова К.Б. Особенности реализации модальности в испанском гендерном медиадискурсе (на материале журналов *Cosmopolitan* и *Telva*) / К.Б. Мерзлякова // *Litera*. 2018. № 1. С.10-16. DOI: 10.25136/2409-8698.2018.1.25269. URL: http://enotabene.ru/fil/article_25269.html

13. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О.О. Селіванова. Полтава: Довкілля-К, 2006. 716 с.

14. Goffman E. On face-work: An analysis of ritual elements in social interaction / E. Goffman // *Communication in Face-to-Face Interaction*. Harmondsworth, 1972. P. 319-346.

15. Телятникова О.Н. Комическая модальность: сущность и структура / О.Н. Телятникова // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. № 2. С. 175-176.

16. Мильруд Р.П., Антипов И.В. Типологические характеристики модальности в научно-исследовательском письменном тексте / Р.П. Мильруд, И.В. Антипов // *Язык и культура*. 2009. № 1. С. 29-38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskie-harakteristiki-modalnosti-v-nauchno-issledovatel'skom-pismennom-tekste> (дата обращения: 03.11.2018).

References

1. Yuryeva E.V. The slogan of social advertising: communicative and pragmatic, cognitive and conceptual functions. Thesis... PhD in philology, specialization 10.02.01 – Russian language. Gorlovka Institute of Foreign Languages, 2017. 228 p.

2. Selezneva T.A. The concept of subjective and objective modality in language // *Bulletin of MSIIR-University*. 2013. № 3. P. 233-234.

3. Andreychik N.I. Syntax structures as a means of expressing the modality of a sentence in interrogative statements // *Linguistics and methodology in higher education*. Issue 2. Grodno, 2010. P. 144-148.

4. Arutyunova N.D., Bulygina T.V., Kibrik A.A. Human factor in language. Communication, modality, deixis. Moscow, 1992. 280 p.

5. Bally Ch. General linguistics and questions of the French language. Moscow, 2001. 416 p.

6. Vinogradov V.V. On the category of modality and modal words in Russian language // *Studies of Russian grammar*. Moscow, 1975. P. 53-87.

7. Shvedova N.Y. Essays on the syntax of Russian spoken language. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1960. 377 p.

8. Rymkevich O.E. Text-forming status of the category of subjective modality in German language. Diss. abstr. ... PhD in philology: 10.02.04 / Minsk: Minsk pedagogical institution, 1991. 22 p.

9. Nagorny I.A. The situation of doubt and the specificity of its representation in Russian language // Scientific statements. Series: Humanities. 2012. № 12 (131). Issue 14. P. 23-28.

10. Safina A.R. Communicative strategies and tactics implemented during the explication of the epistemic modality in the English language // Bulletin of BSU. 2017. №2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-taktiki-realizuemye-pri-eksplikatsii-epistemicheskoy-modalnosti-v-angliyskom-yazyke>

11. Kartsevsky S.I. The System of the Russian Verb / S.I. Kartsevsky // From the linguistic heritage. Moscow, 2004. T. II. 296 p.

12. Merzlyakova K.B. Features of the implementation of the modality in the Spanish gender media discourse (on the material of the magazines Cosmopolitan and Telva) / K. B. Merzlyakova // Litera. 2018. № 1. P.10-16. DOI: 10.25136/2409-8698.2018.1.25269. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_25269.html

13. Selivanova O.O. Modern linguistics: terminological encyclopedia. Poltava, 2006. 716 p.

14. Goffman E. On face-work: the analysis of ritual elements in social interaction // Communication in Face-to-Face Interaction. Harmondsworth, 1972. P. 319-346.

15. Telyatnikova O.N. Comic modality: the essence and structure // Almanac of Modern Science and Education. Tambov, 2013. № 2. P. 175-176.

16. Milrud P.P., Antipov I.V. Typological characteristics of modality in a research written text // Language and Culture. 2009. № 1. P. 29-38.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) Аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) Ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) Основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются **в квадратные скобки**[1; с. 54–67] с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это не содержание статьи, а ее характеристика. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

*Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег.....

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

.....

.....

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели *«первый снег как объект, обладающий определенными признаками»*. Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа *«некий объект как первый снег»*.

.....
.....
.....
Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 4(31) 2018

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год.

Дата выхода в свет: 29.12.2018. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 10,1. Усл. печ. л. 13,1. Тираж 500 экз. Заказ № 328
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026 Воронеж, Московский проспект, 14

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84